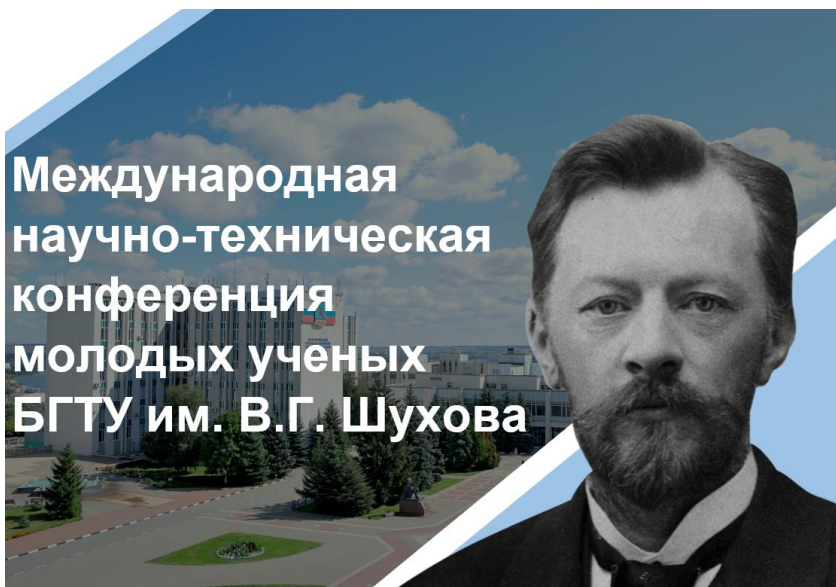

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Российская академия наук
Российская академия архитектуры и строительных наук
Администрация Белгородской области
ФГБОУ ВО Белгородский государственный технологический
университет им. В.Г. Шухова
Международное общественное движение инноваторов
«Технопарк БГТУ им. В.Г. Шухова»

Сборник докладов

Часть 1

Гуманитарные науки

Белгород
28-29 мая 2026 г.

УДК 005.745
ББК 72.5+74.48
М 43

**Международная научно-техническая конференция
молодых ученых БГТУ им. В.Г. Шухова
[Электронный ресурс]:**
Белгород: БГТУ им. В.Г. Шухова, 2026. – Ч. 1. – 308 с.

ISBN 978-5-361-01662-4

В сборнике опубликованы доклады студентов, аспирантов и молодых ученых, представленные по результатам проведения Международной научно-технической конференции молодых ученых БГТУ им. В.Г. Шухова.

Материалы статей могут быть использованы студентами, магистрантами, аспирантами и молодыми учеными, занимающимися вопросами энергоснабжения и управления в производстве строительных материалов, архитектурных конструкций, электротехники, экономики и менеджмента, гуманитарных и социальных исследований, а также в учебном процессе университета.

УДК 005.745
ББК 72.5+74.48

ISBN 978-5-361-01662-4

©Белгородский государственный
технологический университет
(БГТУ) им. В.Г. Шухова, 2026

Liu Jingwen, Wang Haitian, Du Jingzeng

Scientific supervisor: Xu Zhenpeng, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Belgorod State Technological University V. G. Shukhov, Belgorod, Russia

FEATURES OF SINO-RUSSIAN TRADE IN THE CURRENT CONDITIONS OF DEVELOPMENT

Against the backdrop of profound global geopolitical shifts and Russia's accelerated "strategic pivot to the East", Sino-Russian trade is exhibiting a transitional trajectory from traditional resource complementarity toward deeper integration of industrial and supply chains. This study aims to systematically analyze its structural characteristics and industrial complementarity. Bilateral trade has grown rapidly since the pivot accelerated. Trade volume rose from \$95.3 billion in 2014 to \$240.1 billion in 2023, a compound annual growth rate of 10.8% [1]. In 2024, it reached \$245 billion, a historic high [2]. In 2025, trade exhibited "high-base correction and structural optimization", totaling \$228.105 billion, down 6.9% year-on-year. Exports to Russia fell 10.4% to \$103.309 billion, while imports from Russia fell 3.9% to \$124.796 billion [2] (Figure 1).

Figure 1. Changes and Trends in Total Trade Volume Between China and Russia (2014–2025) (comp. by the author from Chinese. source [1] [2]).

The decline does not indicate weakening relations. A key factor is

deepening localization of Chinese enterprises in Russia: for instance, China’s new car exports fell 68% in the first ten months of 2025, but Chinese brands achieved localized production in six Russian regions [2], signaling a shift from goods trade toward investment-driven and capacity cooperation.

Trade structure reflects clear complementarity. China exports high-value-added manufactured goods such as machinery, electronics, and textiles, while importing energy, minerals, and agricultural products [7]. In early 2025, Russia’s metallurgical and chemical exports to China grew by 42% and 24% respectively, indicating non-energy exports are becoming important growth drivers [2].

Energy cooperation is the core of complementarity under the pivot. Russia’s need to diversify energy exports aligns with China’s position as the largest energy importer [8]. China imported 100.7 million tons of crude oil from Russia in 2025, down 7.14%, yet Russia remained its largest supplier [8]. The 2025 Energy Cooperation Roadmap aims to increase crude oil trade to 30 million tons [1], and early 2026 data shows a 40.9% rebound [8]. The “Power of Siberia 1” pipeline operated at full capacity in 2025, delivering 38 bcm [8]; cumulative deliveries exceeded 78 bcm by November 2024 [4]. Gazprom and CNPC plan to increase annual capacity of the “Power of Siberia” to 44 bcm and the “Far East” route to 12 bcm [8]. LNG supply reached 9.8 million tons in 2025, up 18.3% year-on-year and 51 times the 2015 level [8] (Figures 2,3).

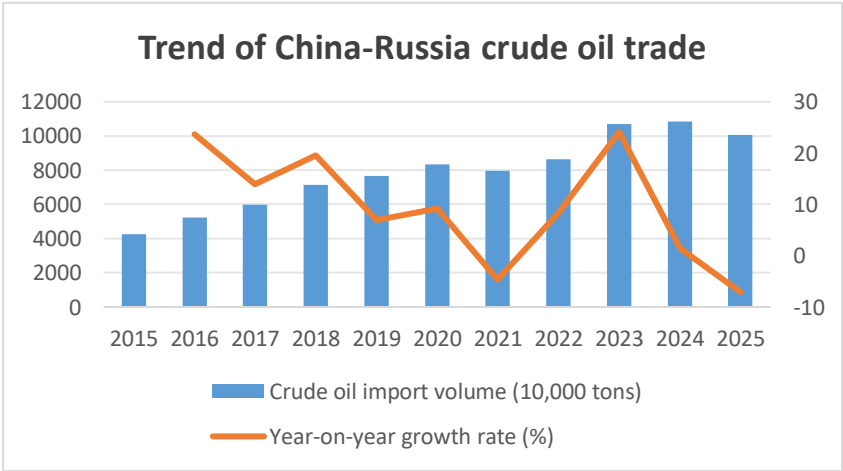

Figure 2. Changes and Trends in China–Russia Crude Oil Trade Value (2015-2025) (comp. by the author from Chinese. source [8]).

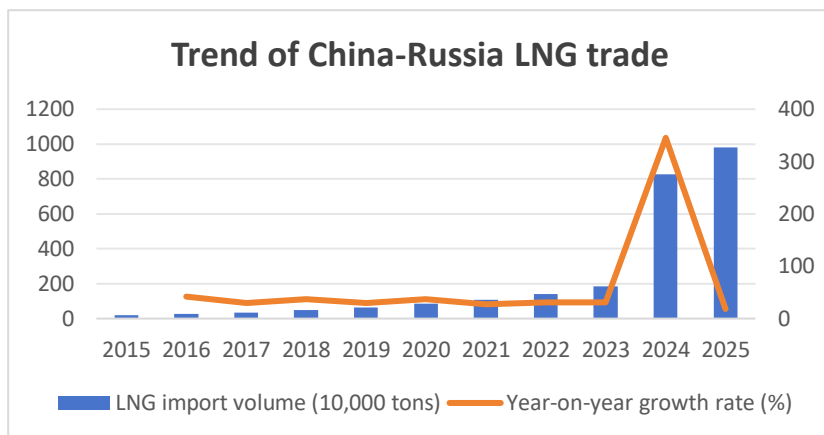

Figure 3. Changes and Trends in China–Russia LNG Trade Value (2015–2025) (comp. by the author from Chinese. source [8]).

Cooperation now extends to refining, equipment, and technical services [8], and both sides plan to deepen collaboration in renewable energy, hydrogen, and energy storage [5].

Agriculture is an emerging growth area. China imports land-intensive products such as soybeans and wheat from Russia, while exporting labor-intensive goods such as vegetables and fruits [3] (Figure 4).

Figure 4. Changes and Trends in China-Russia Agricultural Products Trade (2019–2024) (comp. by the author from Chinese. source [2][3]).

Agricultural trade reached \$11.4 billion in 2023, up 33.2% [3]. From January to November 2025, Russia’s agricultural exports to China totaled \$6.7 billion, up 14%, making China the largest buyer of Russian food [2]. Export categories have diversified, including poultry, pork, beef, and fish products [2]. China has become the largest importer of Russian rapeseed oil, soybeans, and poultry [3]. Meanwhile, China’s fruit and vegetable exports to Russia grew 46% in the same period [2]. In September 2025, both sides signed protocols on deer antlers and live reindeer, expanding Russia’s agricultural export scope, with negotiations ongoing for wheat, barley, and dairy products [3].

In investment cooperation, Chinese entrepreneurs registered 13,000 companies in Russia by 2025, far exceeding Western firms [2]; over 3,300 new Chinese-invested enterprises were added from January to October 2025 [2]. The “large trade, small investment” pattern has been changing. Russia has introduced tax incentives to encourage localization [2], with Chinese car brands now producing in six Russian regions. Over 80 joint investment projects totaling \$200 billion are being prepared, covering automotive, metallurgy, chemicals, and wood processing [2][4]. The new bilateral investment agreement took effect in December 2025 [2]. Local currency settlements account for 95% of transactions, reducing dollar dependence and mitigating sanctions risks [5] (Figures 5, 6).

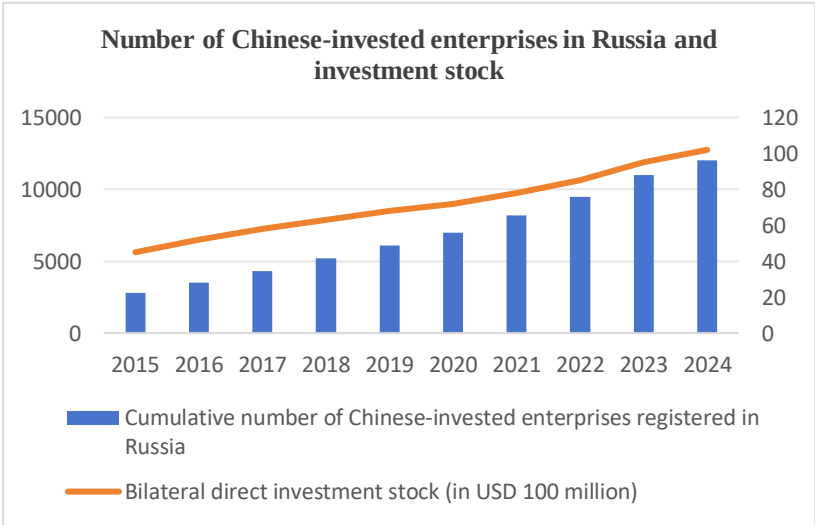

Figure 5. Trends in the Number of Chinese-Funded Enterprises and Investment Stock in Russia (2015–2024) (comp. by the author from Chinese. source [2][5]).

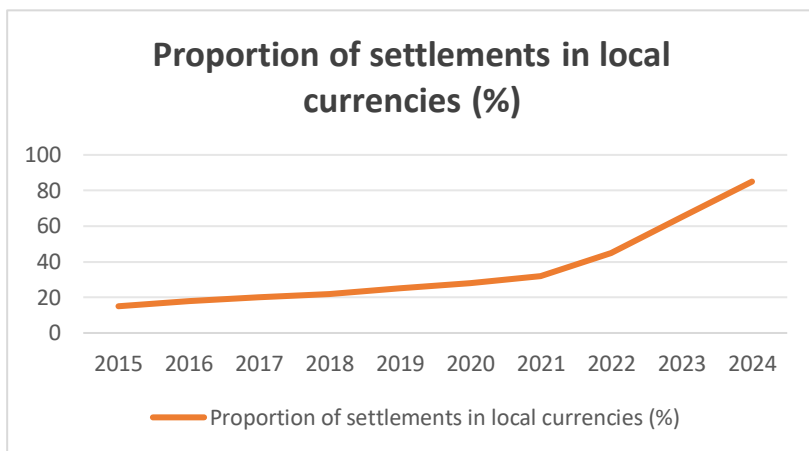

Figure 6. Trends in the Share of Local Currency Settlement Between China and Russia (2015–2024) (comp. by the author from Chinese. source [2][5]).

The digital economy and technological innovation are new dimensions of complementarity. Digital economy development significantly improves energy trade efficiency in the corridor [6]. In November 2025, the China-Russia Digital Economy Intelligent Computing Joint Laboratory was inaugurated, jointly established by Xiamen University and Moscow University, aiming to address cross-cultural and multilingual barriers [6]. Concurrent projects include membrane material innovations with an estimated annual value of \$1 billion and an AI system that can shorten drug R&D cycles by three to four years [6]. In aerospace, both countries are jointly developing the International Lunar Research Station and collaborating on AI, big data, and quantum computing [4], confirming earlier assessments of high-tech cooperation potential [9].

Overall, the 6.9% decline in 2025 was driven by falling commodity prices, exchange rate fluctuations, and the substitution effect of localization [2]. However, long-term resilience remains: trade volume in 2025 was 111.7% higher than in 2020, with a four-year compound growth rate over 20% [1]. Projects such as “Power of Siberia-2” are expected to support renewed growth [1], with experts projecting trade to reach \$300–350 billion [2]. Structurally, LNG exports hit a record high, pipeline gas operated at full capacity, and energy fundamentals remain solid [8]. Agricultural trade has grown over 14%, becoming a second major pillar after energy [3]. Accelerated localization points to a core trend: the transition from a trade-led model to investment-driven, capacity-cooperation deep integration [2].

Research indicates that Sino-Russian trade remains stable on a high base

with a diversified structure. Energy cooperation continues to serve as a “ballast”, while agriculture, the digital economy, and technological innovation are rapidly emerging as new growth pillars, with complementarity extending beyond the traditional vertical division of labor [10]. More critically, bilateral cooperation is undergoing a deep transition from a traded model toward an investment-driven, capacity-cooperation paradigm [11]. Future efforts should further deepen the full industrial chain of energy cooperation, expand complementarity in agriculture, the digital economy, and green sectors, and employ tools such as gravity models to assess the impact of the strategic pivot policy and digital infrastructure on trade potential.

BIBLIOGRAPHIC LIST

1. Wang J., Zhao H. W., Du X. Y. Sino-Russian Economic and Trade Cooperation from the Perspective of Russia's Strategic Eastward Shift: Opportunities and Challenges // *Eurasian Economy*. 2025. № 5. P. 88-106, 138.
2. Kang M. H., Li X. M. Sino-Russian Trade and Far East Development under the Belt and Road Initiative: Deepening Cooperation and Future Pathways // *Journal of Heihe University*. 2026. Vol. 17, № 1. P. 9-12, 18.
3. Xuan S. W., Guo Z. Competition and Complementarity in Sino-Russian Agricultural Trade under the Dual Circulation Background // *Henan Science*. 2023. Vol. 41, № 6. P. 904-912.
4. Yu M. J., Xu R. D. Research on Sino-Russian Economic and Trade Cooperation from the Perspective of the China-Mongolia-Russia Economic Corridor // *Journal of Finance and Economics Theory*. 2025. № 4. P. 1-11.
5. Xu B., Zhi X. An Analysis of Russia's Economic Diplomacy towards "Middle States" in its "Eastward Shift Strategy" // *Eurasian Economy*. 2025. № 5. P. 21-44, 137.
6. Fan H. X., Sun L. The Impact of Digital Economy Development on Energy Trade Efficiency between China, Mongolia and Russia // *Journal of Inner Mongolia University of Finance and Economics*. 2025. Vol. 23, № 5. P. 17-29.
7. Development of Trade and Financial-Economical Relationships between China and Russia: A Study Based on the Trade Gravity Model / G. Aksenov [et al.] // *Sustainability*. 2023. Vol. 15, № 7. P. 6099.
8. Measurement and analysis of natural gas trade potential between China and Russia under the "dual carbon" goal: insights from the stochastic

frontier gravity model / H. Zhu [et al.] // Energy Sources, Part B: Economics, Planning, and Policy. 2025. Vol. 20, № 1.

9. Xie H. Y. Analysis of the Competitiveness and Complementarity of Sino-Russian Bilateral Trade under the Background of the "Silk Road Economic Belt" Construction // Modern Business. 2017. № 34. P. 27-31.

10. Zhong M. A Study on the Complementarity and Intra-industry Trade of Sino-Russian Trade based on the Belt and Road Initiative // Logistics Science and Technology. 2017. Vol. 40, № 5. P. 127-129.

11. Zhu Z. J. A Study on the Complementarity of Sino-Russian Trade and its Influencing Factors : master's thesis. Beijing Institute of Technology, 2016.

УДК 316.1

Luo Shuyuan

Belarusian State University, Minsk, Belarus

PLATFORM INFRASTRUCTURE AND SPATIAL DEPRIVATION: SOCIO-SPATIAL INEQUALITY IN THE FORMATION OF DIGITAL NEIGHBORHOODS

1. The Phenomenon of Urban Spatial Reconfiguration. Current urban public spaces are undergoing a radical reconfiguration driven by digital technologies. A conventional city street, once intensively marked by geo-tags and visual check-in symbols on social media platforms (such as Xiaohongshu and Instagram), can often rapidly trigger spatial gentrification and resource agglomeration; however, a traditional physical neighborhood just a block away may rapidly lose foot traffic and fall into physical decline due to its inability to produce digital content that conforms to platform aesthetics [1]. This micro-level rupture reveals a core contradiction: platform capitalism is forcibly recoding urban physical spaces through Location-Based Services (LBS) and recommendation algorithms. In this process, traditional physical proximity has been completely replaced by digital algorithmic distance; ‘algorithmic visibility’ has superseded geographical locational advantages, becoming the absolute prerequisite for physical spaces to acquire survival resources.

2. Theoretical Foundation. This phenomenon of spatial differentiation, predicated on “algorithmic visibility,” is essentially the latest manifestation of socio-spatial inequality in the digital age [2]. To deconstruct this mechanism, it is imperative to introduce two core analytical tools: “Platform Infrastructure” and “Spatial Deprivation.”

Platform infrastructure is no longer a neutral collection of technological

codes, but has evolved into a highly monopolistic and implicit spatial power [3]. It not only facilitates the circulation of data but also directly intervenes in, and even determines, the allocation logic of urban material resources. By monopolizing the naming rights of digital landmarks and the distribution rights of recommendation traffic, platform capitalism has established its dominant position in urban spatial production.

Furthermore, rooted in the monopoly of platform infrastructure, a novel form of “spatial deprivation” has emerged within the city. In the digital age, spatial deprivation exhibits datafied and concealed characteristics [4]. By depriving specific traditional neighborhoods of their ‘digital visibility,’ platform algorithms leverage the Matthew effect of data to completely marginalize communities that lack digital transformation capabilities. Its essence lies in the forced concession of the right to exist for everyday physical public spaces to the right of visual display in digital spaces.

3. Three Progressive Mechanisms of Spatial Deprivation. Platform capitalism implements spatial deprivation through three progressive mechanisms operating at the urban micro-level.

Step 1: Spatial Filtering and Unequal Distribution of Algorithmic Visibility. The operational logic of platform algorithms is not an objective mapping of physical space, but rather a form of “Spatial Filtering” driven by capital accumulation. Platforms systematically prioritize the allocation of “Algorithmic Visibility” to spatial nodes characterized by visual spectacles and consumption symbols [2]. Taking “City Walk” on social media as an example, recommendation algorithms extract and amplify geo-tags with aesthetic value, guiding digital users to engage in spatial performances in specific neighborhoods. Platform algorithms actively ignore physical elements that cannot be translated into visual consumption content, such as resting squares for the elderly and traditional community grocery stores. These spaces are forced into a state of “algorithmic invisibility,” completing the initial step of spatial deprivation.

Step 2: From Digital Segregation to Physical Isolation. The unequal distribution of algorithmic visibility triggers substantive resource extraction at the physical level. Within “visible neighborhoods,” actors possessing “Digital Capital” rapidly flood in and occupy core physical spaces, driving up commercial rents and consumption thresholds, triggering spatial gentrification. Meanwhile, traditional businesses and vulnerable local residents just a street away, lacking digital content conversion capability, suffer severe losses of foot traffic and capital [3]. Marginalization in the digital dimension directly leads to resource depletion in the physical dimension; non-digitalized local residents are forcibly deprived of their control over everyday community spaces.

Step 3: Structural Consolidation of Socio-Spatial Inequality.

Through the continuous interaction between data flows and material flows, platform capitalism completes its enclosure of urban micro-spaces. The formation of digital neighborhoods is a novel “spatial hierarchical order” established top-down by platform capitalism through its monopoly over spatial data. Platform infrastructure directly translates the “Digital Divide” into an insurmountable “Geographic Divide” [4]. Spatial nodes equipped with digital connectivity are continuously capitalized, while foundational living spaces disconnected from digital networks are reduced to structural blind spots in urban development.

4. Conclusion. Platform capitalism exhibits a concealed yet violent predatory nature in urban space production, reducing diverse public life into a consumption spectacle for traffic monetization. Future urban sociological research must transcend the traditional binary frameworks of “online versus offline” and “virtual versus physical.” Researchers should conceptualize platform algorithms as a physical space-shaping force of equal importance to traditional capital and administrative power. The formation of digital neighborhoods is not a flattened extension of urban space, but a movement of spatial deprivation executed by platform capitalism through the mediation of data.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Schwartz, R. The spatial self: Location-based identity performance on social media / R. Schwartz, G. R. Halegoua // *New Media & Society*. — 2015. — Vol. 17, № 10. — P. 1643–1660.

2. Xu, D. City Walk as Platform-Native Counter-Mapping: Entangled Resistance and Algorithmic Visibility in Chinese Digital Urbanism / D. Xu, Y. Chen // *Media and Communication*. — 2025. — Vol. 14. — Article 11021. — DOI: 10.17645/mac.11021.

3. Hatuka, T. A conceptual framework for understanding neighbourhoods in the digital age / T. Hatuka // *Urban Studies*. — 2024. — Vol. 61, № 16. — P. 3232–3246. — DOI: 10.1177/00420980241257392.

4. Shelton, T. Social media and the city: Rethinking urban socio-spatial inequality using user-generated geographic information / T. Shelton, A. Poorthuis, M. Zook // *Landscape and Urban Planning*. — 2015. — Vol. 142. — P. 198–211. — DOI: 10.1016/j.landurbplan.2015.02.018.

Sun Qiying, Lou Zhenchong, Wang Dali

Scientific supervisor: Xu Zhenpeng, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Belgorod State Technological University V. G. Shukhov, Belgorod, Russia

FEATURES OF INTERACTION BETWEEN CHINA AND RUSSIA WITHIN THE FRAMEWORK OF THE INTERNATIONAL ADVANCED DEVELOPMENT ZONE

Amid the profound evolution of the geopolitical landscape and Russia's "strategic pivot to the East," China–Russia Far East cooperation is shifting from a "resources for goods" model to a "technology + manufacturing" dual-driver approach. [2] The share of high-tech products has significantly increased, and non-resource, non-energy trade has grown substantially. The participation of Chinese-funded enterprises continues to strengthen, with investment focus shifting toward deep processing and automation. The investment retention rate and success rate of legal protection remain high, customs clearance efficiency has notably improved, and the share of local currency settlement is expanding rapidly. The trade structure continues to optimize and upgrade, with non-resource, non-energy exports becoming an important growth driver.

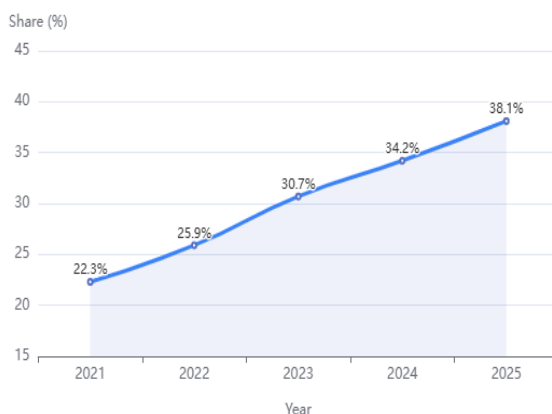

Figure 1: High-Tech Products (HS84-90) Share · Sino-Russian Far East Trade

High-Tech Product Share Rises: Share of HS 84–90 (machinery, electronics) in Far East trade rose from 22.3% (2021) to 38.1% (2025), a +15.8 pp increase with a 14.3% CAGR, signaling a paradigm shift away from

resource dependence.

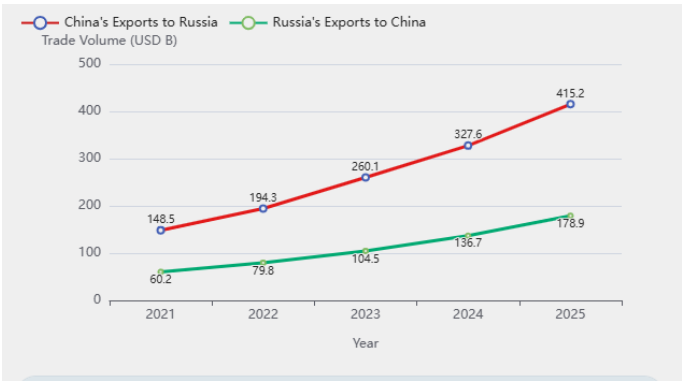

Figure 2:Non-Resource, Non-Energy Trade Growth Curves (2021-2025) (comp. by the author from Chinese. source[3][5]).

Non-Resource, Non-Energy Trade Surges:Total value nearly tripled from \$20.87B (2021) to \$59.41B (2025). China’s exports to Russia grew at 29.3% CAGR, and Russia’s to China at 31.3%, outpacing overall trade growth. IADZ policies are driving the shift from a “resources-for-goods” to a “technology + manufacturing” model.[3][5]

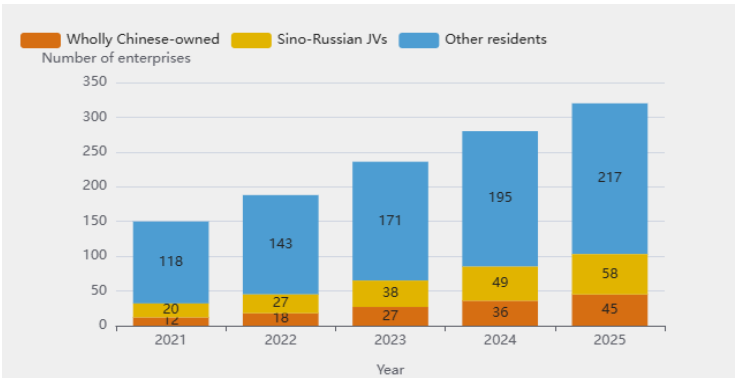

Figure 3: Evolution of IADZ Resident Enterprise Structure (2021-2025)(comp. by the author from Chinese. source[1][6]).

Chinese Capital Role Upgraded: Chinese-invested enterprises (wholly owned/JVs) in IADZ rose from 21.3% (32 firms) in 2021 to 32.2% (103 firms) in 2025 (28.5% CAGR). Chinese capital has evolved from a marginal

participant to a core "industrial partner," forming clusters in Vladivostok, Khabarovsk, and Amur. This transformation has been facilitated by the IADZ's differentiated institutional arrangements, which effectively lower entry barriers and operational costs for foreign investors, as noted by Maslyuk and Medvedeva (2024).[1][6]

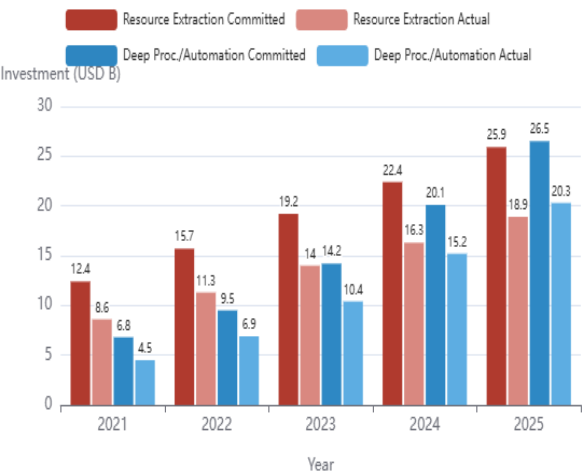

Figure 4: Investment Comparison · Committed vs. Actual Funds (Yearly)
(comp. by the author from Chinese. source[4][10]).

Investment Shift to High-Value Sectors: In 2025, committed investment in deep processing/automation (\$2.65B) exceeded resource extraction (\$2.59B). The actual fund utilization rate for deep processing (74.3%) was slightly higher than for resource extraction (72.3%), showing accelerated project implementation. This structural shift aligns with the industrial cluster models proposed by Cherepovitsyn et al. (2026) and Sosnovskikh (2017) as effective organizational frameworks for value chain upgrading.[4][10]

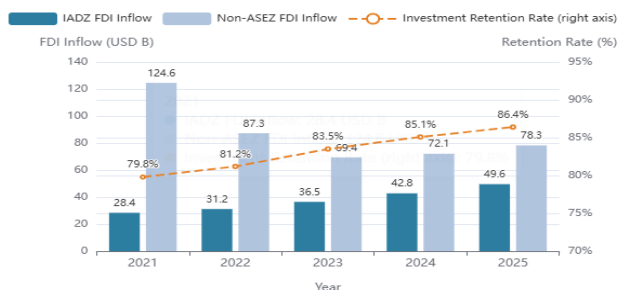

Figure 5: FDI Flows & Investment Retention Rate Evolution(comp. by the author from Chinese. source[6][7]).

IADZ Safe-Haven Effect Validated: During 2022 sanctions, FDI in non-special zones plunged 42%, while IADZ FDI dipped only 8% and recovered in 2023. Investment retention rate climbed from 72.5% (2021) to 86.4% (2025), showing investors are "willing to stay." This resilience is consistent with findings by Galiullina & Romanova (2025) and Kashcheev (2025) on the stabilizing role of special economic zones under external shocks. As Kashcheev (2025) emphasizes, the IADZ's institutional design, drawing on successful international practices, has created a stable institutional environment that effectively safeguards investor rights even under external pressure.[6][7]

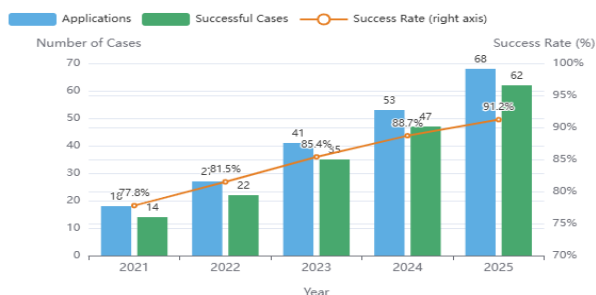

Figure 6: Special Legal Guarantees & Dispute Resolution Mechanisms Statistics(comp. by the author from Chinese. source[1][8]).

Mature Legal Mechanisms: Success rates for “grandfather clauses,” tax stability agreements, and international arbitration rose from 78% (2021) to 91% (2025). Applications surged post-2023 (98 in 2023 vs. 45 in 2021), indicating high demand for legal risk mitigation. These findings reflect the

theoretical and legal foundations outlined by Chechil (2025) and the practical implementation results documented by Maslyuk & Medvedeva (2024).[1][8]

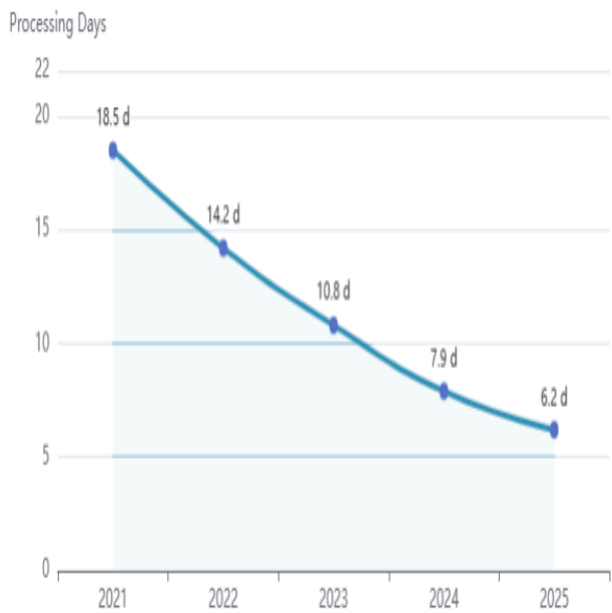

Figure 7:Digital Administrative Procedures · Average Processing Time

Faster Administrative Approvals: Average processing time for key approvals fell from 18.5 days (2021) to 6.2 days (2025), a 66.5% reduction, lowering institutional transaction costs. This efficiency gain reflects the application of digital intelligence technologies that streamline processes and reduce information asymmetries, as highlighted by Xinhua Institute (2026).[5]

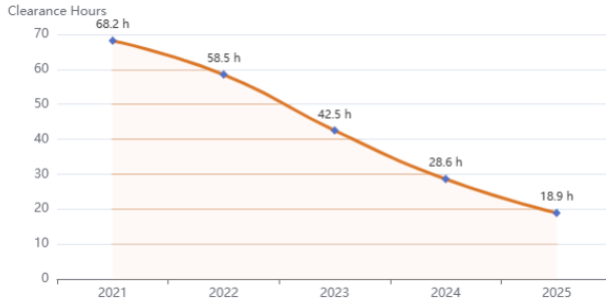

Figure 8:E-Port & Digital Customs · Clearance Time for High-Tech Components(comp. by the author from Chinese. source[5]).

Faster Customs Clearance: Average clearance time for high-tech components fell from 68.2 hours (2021) to 18.9 hours (2025), a 72.3% reduction. Customs digitalization (AI risk models) doubled efficiency; projected to drop below 13 hours by 2026. This digital transformation aligns with the broader digital empowerment strategies discussed in the Xinhua Institute’s (2026) analysis on digital intelligence enabling cross-border cooperation.[5]

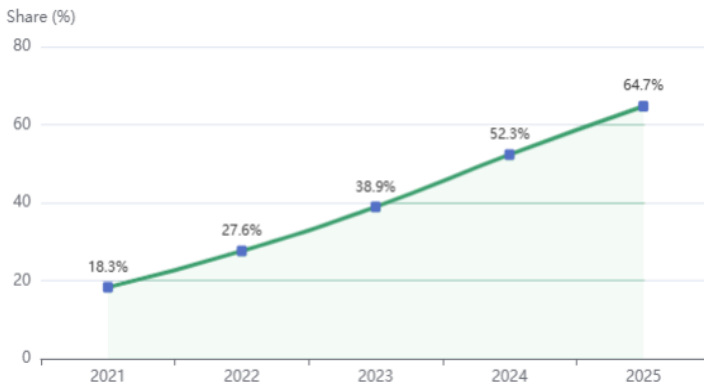

Figure 9:Cross-Border Local Currency Settlement (RMB/RUB) in IADZ(comp. by the author from Chinese. source[3]).

Surge in Local Currency Settlement: RMB/Ruble settlement share surged from 18.3% (2021) to 64.7% (2025) (37.1% CAGR). This represents an efficiency gain and a quantitative measure of financial technological sovereignty, mitigating third-currency sanctions risk. The expansion of local currency mechanisms is also highlighted by Dubrovzhenko (2026) as a key

pathway for deepening Russia--China cooperation. From the perspective of switching cost theory, the adoption of local currencies in bilateral trade minimizes transaction costs and reduces exposure to third-currency risks, providing a strong economic rationale for this trend (Wang, 2023).[3][8]

Comprehensive Analysis Conclusion

Core Achievements

De-resourceification: High-tech product share up 15.8 pp; non-resource, non-energy trade nearly tripled—paradigm shift established.

Upgraded Investment Role: Chinese capital evolved from resource extraction participant to core industrial partner in deep processing/automation.[4][10]

Institutional Safe Haven: IADZ maintained stability under sanctions with 86.4% retention rate and >90% legal protection success rate. As Kashcheev (2025) argues, the IADZ's institutional design has enabled it to function as an "institutional safe haven" for foreign capital, offering stable institutional supply and robust investor protection that distinguishes it from non-special zones. Galiullina and Romanova (2025) further note that under external shocks, the IADZ has demonstrated institutional resilience that transcends the traditional functions of special economic zones, serving as a critical buffer for regional investment stability. Chechil (2025) emphasizes that the legal framework of the IADZ has matured through years of practical implementation, creating a predictable institutional environment for foreign investors.[1][6][7][8]

Digital Efficiency Gains: Administrative approval and customs clearance efficiency improved by 66.5% and 72.3%, respectively; local currency settlement reached 64.7%. According to the Xinhua Institute (2026), digital intelligence technologies are fundamentally reshaping cross-border cooperation by breaking down information barriers and optimizing procedural designs. The application of AI-driven risk models and digital customs systems has reduced clearance times for high-tech components by over 70%, providing concrete evidence of technology-enabled efficiency gains in the IADZ context.[3][5]

Existing Challenges

Structural Imbalances: Traditional resources still dominate trade; deep processing lacks supporting infrastructure; cumulative investment remains resource-focused.

Uneven Development: Non-special zone investment environment is weak; SME legal protection accessibility is low; cross-border capital flows restricted. As noted in Vestnik Universiteta (2025), territories outside special regimes face significant adaptation challenges in the context of technological sovereignty formation. The institutional innovations concentrated within the

IADZ have yet to diffuse to surrounding regions, creating a development gap that requires targeted policy attention to ensure more balanced regional economic growth.[9]

Institutional Alignment Gaps: Non-tariff barriers persist; digital systems lack full interoperability; local currency settlement coverage is incomplete.

Future Outlook

The IADZ has validated “institutional innovation + digital empowerment” as an effective model. To upgrade from a “safe haven” to a “growth engine,” future efforts should focus on:

Expanding non-resource, non-energy trade and enhancing local value addition in high-tech products.[3]

Deepening industrial synergy to move from assembly/processing to R&D/manufacturing, drawing on international practices of industrial cluster development. Cherepovitsyn et al. (2026) demonstrate that industrial cluster models provide an effective organizational framework for value chain upgrading by facilitating specialization and knowledge spillovers among firms. Sosnovskikh (2017) further emphasizes that special economic zones and industrial parks, as spatial carriers of industrial clusters, can accelerate agglomeration effects through policy incentives and infrastructure development. Building on these theoretical foundations, the IADZ can serve as a platform for deepening industrial synergy, transitioning from assembly and processing activities toward higher-value R&D and manufacturing functions.[4][10]

Improving SME support systems to lower barriers to legal protection and financial services.[9]

Advancing digital system interconnection for seamless "single-window" interoperability. The Xinhua Institute (2026) emphasizes that digital intelligence technologies are essential for building a new chapter of cross-border cooperation. Achieving full interoperability of digital systems across borders would enable seamless "single-window" operations, further reducing transaction costs and enhancing the efficiency of trade and investment flows within the IADZ framework.[5]

BIBLIOGRAPHIC LIST

1. Maslyuk, N. A., & Medvedeva, N. V. International Advanced Development Territories as a New Source of Investment Opportunities // Administrative Consulting. – 2024. – №5. – Pp. 97–108.
2. Li, X. Sino-Russian Sub-Regional Cooperation in the Far East and Arctic: From “Border Economic Belt” to “Strategic Cooperation Engine” // The Arctic Institute China Series 2025. – 2025.

3. Dubrovzhenko, M. Exploring Mechanisms for Expanding Russia-China Cooperation and Future Development Paths through the Far East International Advanced Development Zone // Xinhua Institute. – 2026.
4. Cherepovitsyn, A., et al. Industrial clusters as an organizational model for the development of Russia petrochemical industry // Journal of Mining Institute. – 2026.
5. Xinhua Institute. Digital Intelligence Empowers a New Chapter of the Silk Road: Jointly Drawing a Blueprint for Win-Win Cooperation // Xinhua Institute. – 2026.
6. Kashcheev, V. S. Creating advanced development areas and similar ones: International practices // Finance and Credit. – 2025. – №9. – Pp. 174–189.
7. Galiullina, G. F., & Romanova, O. A. Changing the role of territories of advanced development in the new reality conditions // National Interests: Priorities and Security. – 2025. – Vol. 21, №8. – Pp. 20–39.
8. Chechil, O. Advanced development territories: Theoretical and legal basis, results of implementation, development prospects [Master's thesis]. – HSE University Repository. – 2025.
9. Adaptation of the economy of territories of advanced socio-economic development within the framework of technological sovereignty formation // Vestnik Universiteta. – 2025. – №2. – Pp. 144–153.
10. Sosnovskikh, S. Industrial clusters in Russia: The development of special economic zones and industrial parks // Russian Journal of Economics. – 2017. – Vol. 3, №2. – Pp. 174–199.

УДК 316.1

Tan Xiangyu

Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

INSTITUTION-TECHNOLOGY CO-CONSTRUCTION" IN DIGITAL GOVERNANCE: A COMPARATIVE ANALYSIS BETWEEN CHINA AND BELARUS

1. Core Issues and Theoretical Framework

Why do identical digital technologies give rise to distinctly different social outcomes across different post-socialist states? This paper argues that technology is not an "independent variable" that unidirectionally shapes society; instead, it is the product of co-evolution emerging from the interaction between technology and social institutions. By integrating the analytical tools of the Social Construction of Technology (SCOT) and historical institutionalism, this paper attempts to explain the divergent logics

underlying the digital governance pathways of China and Belarus.

SCOT points out that the development direction of technology is determined by the interpretation and game-playing of "relevant social groups" [1]. Historical institutionalism emphasizes that institutional arrangements exhibit path dependence, and critical junctures such as economic crises or political transformations may alter the coupling mode between institutions and technology [2]. The combination of the two effectively reveals the micro-level mechanism of "institution-technology alignment".

2. Institutional Constraints and Technological Frameworks of China and Belarus

In China, top-level design represented by the 14th Five-Year Plan identifies digitalization as the core engine driving economic growth and public services development. Solutions such as Huawei's "Safe City" have been rapidly deployed across multiple scenarios including transportation, government affairs, and community governance, forming a market-driven large-scale application framework [3]. This model is enabled by three critical conditions: a large-sized domestic demand market, the coordinated administrative capacity of central and local governments, and relatively well-developed digital infrastructure.

In Belarus, digital governance presents a stability-prioritized framework led by elites. Relying on the High-Tech Park (HTP), the state concentrates resources to support a small number of IT enterprises, and the deployment of technologies such as the "Safe City" system is strictly limited to the fields of national security and social monitoring [4]. Belarus's path reflects a relatively concentrated political power structure and vigilance against dependence on foreign technologies. Due to its limited market size and the weak discourse power of civil society, the social construction of technology primarily occurs between the government and elite enterprises.

3. Three Dimensions of Institution-Technology Fit

Based on comparative analysis, we propose evaluating the fit between technology and social institutions from three dimensions:

The technology addresses the core pain points of the given society (for example, China's "one-stop online service platform" solves the problem of administrative inefficiency, while Belarus's High-Tech Park responds to brain drain);

The complexity of the technology matches the country's infrastructure, governance capacity and citizens' digital literacy, so as to avoid the emergence of "digital ruins";

The technology conforms to local ethical norms and social consensus, as exemplified by the balance between privacy protection and the social credit

system.

Judging from these three dimensions, the Chinese model scores high in terms of functional and capability fit, while the Belarusian model boasts unique strengths in value fit, especially in the value preference of prioritizing security. Neither fitting state constitutes an a priori "optimal solution"; instead, both are generated incrementally within their respective historical institutional contexts.

Conclusion

The policy implications of this study are as follows: when post-socialist states draw on digital governance experience from other countries, they should not merely focus on the "transplantation" of technical platforms, but should prioritize understanding the institutional environment that shapes the outcomes of technological implementation. As Amartya Sen has emphasized, the essence of development lies in the expansion of human capability [5].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Bijker W.E. Technology, Social Construction of. / W.E. Bijker // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. — 2001. — P. 15522–15527.

2. Steinmo Sven. Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis. Edited by Steinmo Sven, Thelen Kathleen, Eds Frank. — Cambridge University Press, 1992. — 272 p.

3. Luhua Li. Digital Governance and Urban Government Service Spaces: Understanding Resident Interaction and Perception in Chinese Cities. / Li. Luhua, Lin. Xiaohong, Yang. Xiaoting, Luo. Zhiwei, Wang. Min // Land. — 2024. — Vol. 9, № 13. — P. 1403–1403.

4. Evans A. A strategic plan for the East Belarus mechanical engineering cluster. / A. Evans, Terence Tse // International Journal of Competitiveness. — 2018. — Vol. 1, № 3. — P. 221–221.

5. Sudhir Anand. Human Development in Poor Countries: On the Role of Private Incomes and Public Services. / Anand Sudhir, Martin Ravallion. // The Journal of Economic Perspectives. — 1993. — Vol. 7, № 1. — P. 133–150.

Wang Qiuhaio, Rafalskaya E.V.

Scientific supervisor: Dubrovina T.A., Candidate of Economic Sciences, Assoc.

Belgorod State Technological University

V. G. Shukhov, Belgorod, Russia

TRADE IN SERVICES BETWEEN CHINA AND RUSSIA: THEORY, DEVELOPMENT STAGES, AND PROSPECTS FOR COOPERATION

Against the backdrop of economic globalization and Russia's eastward trade shift, service trade has become a key growth pole in China-Russia cooperation. Theoretical research has evolved from classical trade theories to specialized service trade frameworks, forming a multi-dimensional system.

Early research focused on the applicability of classical theories. Deardorff (1985) extended Ricardo's comparative advantage to services, while Melvin (1989) applied factor endowment theory to service trade. These laid the foundation for analyzing Sino-Russian complementarity. Subsequently, specialized tools such as Revealed Comparative Advantage (RCA), Trade Competitiveness (TC) index, gravity model, and intra-industry trade theory became mainstream [3].

Five core research approaches have emerged: 1) Industrial complementarity (Ponkratova, Maslov) emphasizes factor endowment matching; 2) Geopolitical risk (Åslund) focuses on sanctions and institutional barriers; 3) Competitiveness measurement (Gao, Wang) uses RCA/TC indices; 4) Digital service trade (Diao Li) explores cross-border e-commerce and digital payments; 5) Institutional cooperation (Liu Huaqin) analyzes strategic agreements and policy coordination.

Recent theoretical expansions show three new characteristics: shift to high-value-added sectors like digital services and green finance; deeper analysis of exogenous shocks (sanctions, geopolitical risks); and optimization of quantitative methods from static measurement to dynamic potential assessment using extended gravity models. These approaches are increasingly integrated, providing a solid theoretical foundation for this study.

Since the 2011 strategic partnership and 2014 Western sanctions, practical cooperation has rapidly developed, testing and refining theoretical frameworks.

Classical theories (comparative advantage, factor endowment) guided early cooperation (2000–2012): China excelled in labor-intensive services (construction, processing), Russia in resource-related services (transport,

energy engineering) [1]. Bilateral service trade grew from under \$1 billion (2000) to \$10.2 billion (2012). However, these theories failed to account for geopolitical risks and emerging knowledge-intensive sectors.

Specialized service trade theories (post-2013) became core tools. RCA/TC indices quantitatively assessed competitiveness across 12 WTO service sectors, identifying advantageous fields (tourism, transport, construction) and potential areas (digital services, education). Gravity models measured cooperation potential—e.g., Arctic Route opening could unlock 42% of transport service potential. Intra-industry trade theory explained two-way flows in knowledge-intensive services (education, R&D, professional services).

Latest emerging theories (2021–2025) guide digital service trade (cross-border e-commerce, digital payments, electronic signatures) and resilience development under geopolitical shocks. Digital ruble-RMB direct exchange cut payment time from 3 days to 1 hour; electronic signatures reduced transaction costs by 70% [4]. Resilience theory helped diversify markets and local currency settlement, with service trade becoming a stabilizer amid goods trade slowdown.

Current limitations remain: most theoretical applications stay at academic measurement levels without full policy translation; insufficient sub-sector classification; and inadequate adaptation to Russia's eastward shift and digital transformation. This paper addresses these gaps by applying targeted theoretical frameworks to different service sectors [2].

Sino-Russian service trade cooperation has evolved through four stages:

Stage 1 (1992–2000). Initial budding. Service trade attached to goods trade, limited to cross-border transport and border tourism, scale below \$1 billion.

Stage 2 (2001–2012). Steady growth. Strategic partnership established; China joined WTO. Agreements signed in transport, tourism, education, engineering. Trade rose from \$1.38 billion (2001) to \$10.2 billion (2012), average annual growth over 20%.

Stage 3 (2013–2020). Accelerated deepening. Belt and Road Initiative and Western sanctions against Russia shifted Russia's focus eastward. Cooperation expanded to financial services, cross-border e-commerce, IP. Total volume peaked at \$17.58 billion (2019), remained \$12.3 billion (2020) despite pandemic.

Stage 4 (2021–present). Transformation and upgrading. Digital service trade (cross-border e-commerce, digital payments) exploded; local currency settlement exceeded 95% (2024). Total volume rose from \$12.8 billion (2021) to \$15 billion (2024); emerging high-value-added sectors increased from 8.7% to 18.3%.

Current characteristics: 1) Scale expansion—service trade share in bilateral trade rose from 5.35% (2021) to 6.24% (2025); 2) Structural optimization—traditional sectors (transport 30%, travel 22%) dominate, but emerging sectors show strong growth (computer +25.6%, financial +29.8%, travel +38.5%); 3) Complementarity—China excels in digital technology, platform operations, construction; Russia in cross-border corridors, energy services, cultural tourism; 4) Institutional support—multi-level mechanisms including Prime Minister’s Regular Meeting and Sub-Committee on Service Trade Cooperation [5].

Despite positive momentum, practical bottlenecks persist: Institutional barriers—differences in market access, regulation, qualification recognition, standards; Suboptimal structure—over-reliance on traditional low-value-added services, low proportion of high-value-added fields (digital, financial, professional services), slow structural upgrading; Imperfect support systems—cross-border digital infrastructure, logistics hubs, financial services, dispute resolution mechanisms, credit evaluation systems remain insufficient.

After over 30 years, Sino-Russian service trade has formed a sound pattern of steady scale expansion, structural optimization, complementarity, and improving institutional support. However, it remains in a critical stage with vast potential for release. Urgent needs include clarifying development paths and solving practical obstacles under theoretical guidance to promote higher-quality and higher-level cooperation.

BIBLIOGRAPHIC LIST

1. Арская, Е. В. Понятия, сущность и функции розничной торговли в современных условиях / Е. В. Арская, Л. В. Усатова, В. Н. Подмокова // Белгородский экономический вестник. — 2021. - № 1. - С. 152-157.
2. Diao, L. Digital Service Trade between China and Russia: Current Situation and Path Optimization / L. Diao, L. Q. Liu // Foreign Economics and Management. – 2023. – No. 12. – P. 72–87.
3. Gao, J. W. Competitiveness and Potential of Sino-Russian Service Trade under the Belt and Road Initiative / J. W. Gao, Y. J. Zhu // Journal of International Trade. – 2024. – No. 5. – P. 45–62.
4. Maslov, A. Russia-China Trade Cooperation: New Realities and Development Vectors / A. Maslov // Russia in Global Affairs. – 2022. – No. 3. – P. 42–58.

5. Wang, Q. L. Measurement and Structural Analysis of Sino-Russian Service Trade Competitiveness / Q. L. Wang // International Economics and Trade Research. – 2023. – No. 8. – P. 33–48.

UDC 339.92

ZhangYuanheng, Rafalskaya E.V.

Scientific supervisor: Dubrovina T.A., Candidate of Economic Sciences, Assoc.

Belgorod State Technological University

V. G. Shukhov, Belgorod, Russia

MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN SECURITIES MARKET

As digital technology reshapes global trade patterns, digital trade has emerged as a key driver of foreign trade transformation. According to the United Nations Conference on Trade and Development, digital trade not only reduces transaction costs but also enhances the participation of developing economies in global value chains [10]. From 2021 to 2025, Shandong Province in China demonstrated a clear trend of digital trade-driven foreign trade growth.

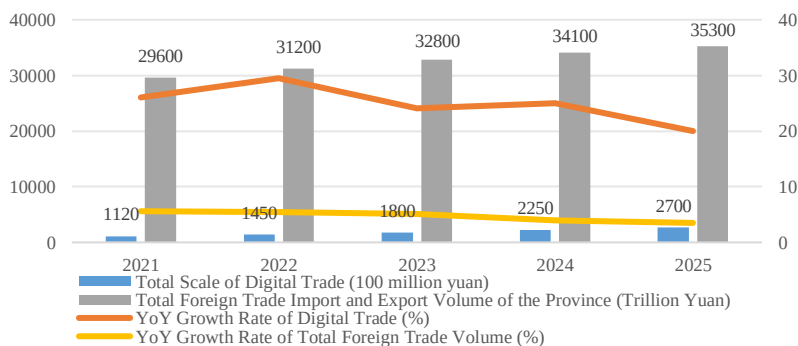

Fig. 1. 2021-2025 Shandong Digital Trade and Foreign Trade Growth Comparison Chart [1].

From 2021 to 2025, Shandong's total foreign trade volume grew steadily from 29,6 trillion yuan to 35,3 trillion yuan, while its digital trade scale more than doubled from 112 billion yuan to 270 billion yuan; the YoY

growth rate of digital trade remained higher than that of overall foreign trade, peaking at around 30% in 2022 before gradually moderating [12].

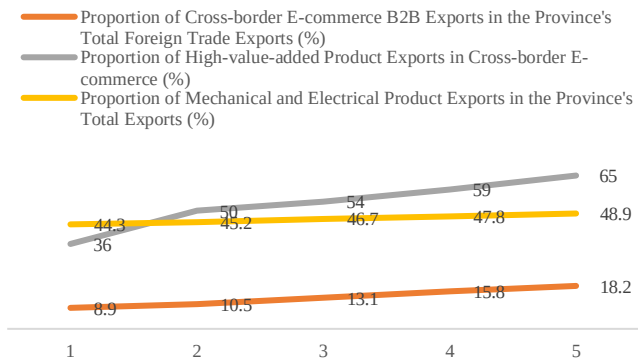

Fig. 2. 2021-2025 Shandong Foreign Trade Export Structure Optimization Trend Chart [6].

Over the 2021-2025 period, Shandong’s export structure optimized significantly: the share of mechanical and electrical products in total exports rose from 44,3% to 48,9%, cross-border e-commerce B2B exports as a proportion of total exports doubled from 8,9% to 18,2%, and high-value-added products accounted for 65% of cross-border e-commerce exports in 2025, up from 36% in 2021 [11].

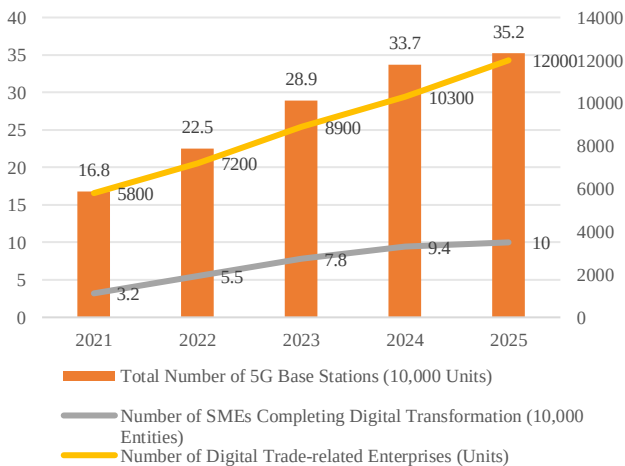

Fig. 3. 2021-2025 Shandong Digital Infrastructure and Market Entity Expansion Correlation Chart [7].

From 2021 to 2025, Shandong's digital infrastructure and market entities expanded in lockstep: the number of 5G base stations more than doubled from 168,000 to 352,000, the number of SMEs completing digital transformation tripled from 32,000 to 100,000, and digital trade-related enterprises doubled from 5,800 to 12,000 [8].

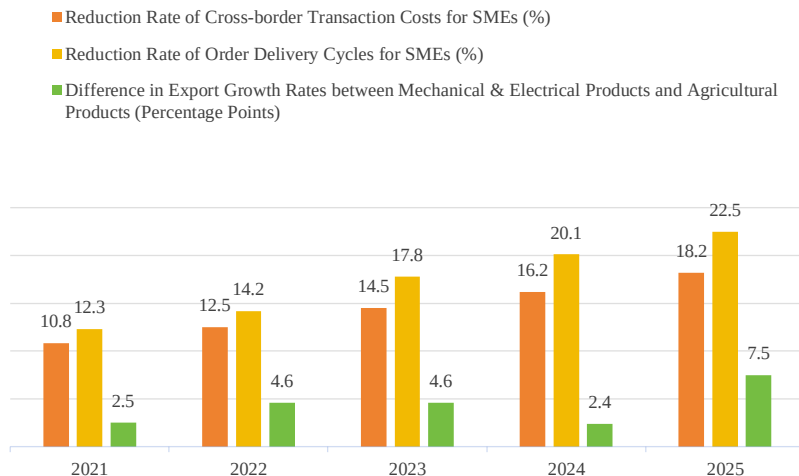

Fig. 4. 2021-2025 Shandong Digital Trade Empowering Foreign Trade Competitiveness Effect Chart [2].

Between 2021 and 2025, digital trade effectively boosted Shandong's foreign trade competitiveness: the reduction rate of SMEs' cross-border transaction costs rose from 10,8% to 18,2%, the order delivery cycle shortening rate increased from 12,3% to 22,5%, and the growth rate gap between mechanical and electrical products and agricultural products widened to 7,5 percentage points [9].

Fig. 5. 2021-2025 Shandong Foreign Trade Market Layout and Entity Vitality Enhancement Chart [3].

From 2021 to 2025, Shandong deepened its foreign trade market layout and enhanced entity vitality: trade volume with BRI partner countries grew from 1,62 trillion yuan to 2,3 trillion yuan, the number of foreign trade enterprises with actual performance rose from 62,300 to 80,500, and the share of private enterprises in total foreign trade climbed from 85,2% to 92,9% [5].

In summary, between 2021 and 2025, the development of digital trade in Shandong Province exhibited notable characteristics, including rapid scale growth, continuous structural optimization, enhanced market entity vitality, and strong infrastructure support. Digital trade not only served as an important driver of overall foreign trade growth but also played a key role in increasing the added value of export products, shortening cross-border transaction cycles, and reducing transaction costs for small and medium-sized enterprises [4]. Through the continuous improvement of digital infrastructure and the deep integration of digital technologies into the foreign trade sector, Shandong has gradually established a new pattern of foreign trade development with digital trade as a core driving force.

From a broader perspective, the rapid development of digital trade is reshaping China's traditional competitive advantages in foreign trade and promoting the upward movement of regional value chains. However, it is also important to recognize that the development of digital trade still faces

practical challenges, such as regional imbalances in digital infrastructure, inconsistent rules for cross-border data flows, and insufficient digital transformation capabilities among small and medium-sized enterprises. In the future, efforts should be further intensified to align digital trade rules, improve digital governance systems, and strengthen support for the digital transformation of small and medium-sized enterprises, so as to continuously unleash the enabling effect of digital trade on high-quality foreign trade development. Only by doing so can we promote higher-quality and more sustainable development of foreign trade in the era of the digital economy.

BIBLIOGRAPHIC LIST

1. Banga R. Digital trade and economic growth: A cross-country analysis // *Journal of World Trade*. – 2023. – №4. – Pp. 567-592.
2. Choi C., Myeong S. Digital trade facilitation and export competitiveness // *Journal of International Trade & Economic Development*. – 2023. – №1. – Pp. 45-63.
3. Freund C., Weinhold D. The internet and international trade in services // *American Economic Review*. – 2022. – №3. – Pp. 897-921.
4. Goldfarb A., Tucker C. E. Digital economics and international trade // *Journal of Economic Perspectives*. – 2022. – №2. – Pp. 127-146.
5. Kawaoka T. Digital trade and regional value chains in East Asia // *Asian Economic Papers*. – 2022. – №3. – Pp. 89-107.
6. Lopez R., Roberts M. J. The impact of digital trade on SME export performance // *Journal of International Economics*. – 2023. – №2. – Pp. 103789.
7. Nath H. K., Liu L. Digital infrastructure and trade performance // *The International Trade Journal*. – 2022. – №4. – Pp. 321-340.
8. Rehn M. Digital trade barriers and their impact on export growth // *European Journal of Comparative Economics*. – 2023. – №1. – Pp. 79-96.
9. Трошин А. С., Столярова З. В., Лесовик Р. В., Махова П. А. Анализ рисков инвестиционной деятельности на различных этапах жизненного цикла строительных объектов // *Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова*. – 2024. – № 6. – С. 32-40.
10. World Bank. Digital trade and global value chains: Opportunities for developing economies // *World Bank Policy Research Working Paper*. – 2022. – №10245. – Pp. 1-32.
11. WTO. Digital trade and market access: Challenges for developing countries // *WTO Staff Working Paper*. – 2022. – №ERSD-2022-08. – Pp. 1-28.

Абросимов Е.С.

*Научный руководитель: Хайруллин И.Т., канд. пед. наук, доц.
Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань, Россия*

АЭРОБНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ КАК СРЕДСТВО УКРЕПЛЕНИЯ СЕРДЕЧНО СОСУДИСТОЙ СИСТЕМЫ

В современном мире, где гиподинамия стала привычным спутником миллионов людей, вопрос сохранения здоровья сердца и сосудов приобретает особую остроту. Сердечно-сосудистая система, являясь центральным звеном жизнеобеспечения организма, первой реагирует на недостаток движения, что приводит к развитию гипертонии, ишемической болезни и других опасных состояний. Однако природа заложила в человеческом теле удивительный механизм самовосстановления, ключом к которому служат аэробные упражнения. Этот вид физической активности, в основе которого лежит длительное обеспечение мышц кислородом, представляет собой самое эффективное и физиологичное средство укрепления не только сердца, но и всей сосудистой сети [5].

Для понимания механизма положительного воздействия аэробики необходимо обратиться к физиологии самого понятия «аэробный». В отличие от анаэробных (силовых) нагрузок, где энергия добывается без участия кислорода за счет быстрого расщепления гликогена, аэробная работа запускает сложные окислительные процессы в митохондриях клеток. Когда человек бежит трусцой, плавает или крутит педали велосипеда в умеренном темпе, его мышцы посылают сигнал о повышенной потребности в кислороде. В ответ на это сердце вынуждено увеличивать частоту и силу сокращений, а легкие – работать более интенсивно. Регулярное повторение такой ситуации воспринимается организмом как тренировка адаптационных резервов: миокард постепенно гипертрофируется, но не патологически, а полезно, становясь более эластичным и мощным. Увеличивается ударный объем крови – то количество, которое сердце выталкивает за одно сокращение, что позволяет ему биться реже в состоянии покоя, экономя ресурс [4].

Одним из главных результатов постоянных аэробных тренировок является физиологическая брадикардия, или урежение частоты сердечных сокращений в покое. Если у нетренированного человека пульс составляет 70–80 ударов в минуту, то у бегуна или пловца со стажем этот показатель может опускаться до 40–50 ударов. Кажущаяся

разница незначительной на самом деле имеет колоссальное значение: за сутки сердце спортсмена совершает на десятки тысяч сокращений меньше, что значительно замедляет его износ. Кроме этого, аэробные упражнения напрямую влияют на эластичность сосудистой стенки. Во время бега или плавания кровотоки ускоряются, создавая пульсовую волну, которая массирует артерии и вены изнутри, стимулируя выработку оксида азота – мощного фактора расслабления сосудов. Это препятствует развитию атеросклероза и артериальной гипертензии, так как сосуды сохраняют способность расширяться при росте нагрузки, не давая давлению подниматься до критических отметок [1].

Не менее важным является воздействие такой нагрузки на состав крови и метаболические процессы. Регулярные аэробные тренировки способствуют значительному повышению уровня липопротеинов высокой плотности, известных как «хороший холестерин». Эти молекулы действуют как микроскопические уборщики, захватывая излишки атерогенных липидов с поверхности сосудов и транспортируя их в печень для утилизации. Параллельно улучшается реология крови – она становится более текучей, снижается агрегация тромбоцитов, что служит надежной профилактикой тромбозов и инфарктов. Аэробные нагрузки также стимулируют рост капиллярной сети: вокруг активно работающих мышц и в самом миокарде открываются резервные капилляры и формируются новые. Это создает пути обходного кровотока (коллатерали), способные поддержать сердечную мышцу даже в случае закупорки крупной артерии – природное шунтирование, которого не добиться таблетками [3].

Выбор конкретного вида аэробной тренировки зависит от индивидуальных особенностей, но все они объединены общим принципом: работа должна выполняться на уровне 60–75% от максимальной частоты сердечных сокращений (примерно 120–140 ударов в минуту для взрослого человека) и продолжаться не менее 30–40 минут. В идеальной модели укрепления сердечно-сосудистой системы сочетаются разные виды активности: бег на свежем воздухе тренирует выносливость и вентиляцию легких, плавание равномерно нагружает все группы мышц при минимальной травматизации сосудов, быстрая ходьба или скандинавская ходьба подходит людям с избыточным весом и начальным уровнем подготовки. Велотренировки и работа на эллиптическом тренажере позволяют точно дозировать нагрузку, что особенно важно при уже существующих проблемах с сердцем, когда требуется щадящий режим. Важно помнить, что эффект достигается только при систематичности: два-три занятия в неделю – это поддерживающий уровень, в то время как четыре-пять сессий

обеспечивают прогрессивное укрепление миокарда и сосудистого русла.

Однако, несмотря на всю пользу, аэробные нагрузки требуют грамотного подхода и сознательного отношения к сигналам собственного тела. Резкое начало интенсивных тренировок у нетренированного человека может стать не лекарством, а ядом: кислородное голодание миокарда способно спровоцировать ишемию или нарушение ритма. Поэтому фундаментом любой программы должен служить постепенный рост продолжительности и интенсивности. Перед тем как перейти к активной фазе, необходима разминка для постепенного расширения сосудов и настройки вегетативной нервной системы, а после основной части – заминка, например, медленная ходьба, чтобы плавно снизить давление и частоту пульса. Людям с диагностированными заболеваниями сердца, гипертонией или варикозным расширением вен требуется предварительная консультация с врачом и, возможно, выполнение нагрузок под контролем кардиомонитора [2].

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что аэробные упражнения представляют собой наиболее универсальный и естественный способ укрепления сердечно-сосудистой системы на протяжении всей жизни. Они воздействуют одновременно на все звенья патогенеза сердечно-сосудистых заболеваний: улучшают сократительную способность миокарда, повышают эластичность артерий, оптимизируют липидный профиль, снижают вязкость крови и стимулируют ангиогенез. Ни одно фармакологическое средство не обладает столь широким спектром положительных эффектов без побочных действий. Более того, регулярные пробежки, плавание или танцы запускают каскад нейрогуморальных изменений, снижающих уровень стрессовых гормонов и повышающих устойчивость к депрессии, которая, как известно, является независимым фактором риска инфарктов. Таким образом, выбирая аэробную активность, человек инвестирует в десятилетия активного, здорового кровообращения, делая своё сердце действительно неутомимым мотором, способным выдерживать любые жизненные нагрузки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Горст В. Р. Рассогласование ритмов сердечно-сосудистой и дыхательной систем при максимальных физических нагрузках / В. Р. Горст, Н. А. Горст, М. В. Полукова [и др.] // Астраханский медицинский журнал. — 2011. — Т. 6, № 2. — С. 242-244.

2. Калинин Я. В. Использование оздоровительной аэробики в коррекции показателей сердечно-сосудистой системы студентов / Я. В. Калинин, В. И. Сютина // Вестник ТГУ. — 2014. — № 7 (135). — URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 30.04.2026).

3. Хайруллин И. Т. Современные оздоровительные системы физических упражнений / И. Т. Хайруллин // Тенденции развития науки и образования. — 2019. — № 47, ч. 2. — С. 5-7.

4. Хайруллин И. Т. Фитбол-аэробика как средство адаптивной физической культуры / И. Т. Хайруллин // Современные проблемы физического воспитания и спорта, безопасности жизнедеятельности в системе образования : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. — Ульяновск : УлГПУ, 2019.

5. Чичкова М. А. Исследование влияния аэробной нагрузки на сердечно-сосудистую систему студентов, занимающихся силовыми видами спорта / М. А. Чичкова, А. А. Светличкина, А. В. Доронцов [и др.] // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. — 2018. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 30.04.2026).

УДК 811.133.1'42:070

Алексеева К.А.

Научный руководитель: Токмачева М.А., канд. пед. наук, доц.
Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, Россия

ЯЗЫК ФРАНЦУЗСКИХ СМИ В ОСВЕЩЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ СОБЫТИЙ

Современная методика преподавания иностранных языков уделяет особое внимание аутентичным материалам. Они позволяют погрузиться в реальную языковую среду, усвоить грамматические нормы и пополнить словарный запас. В рамках коммуникативного подхода особую ценность приобретают тексты СМИ. Франкоязычные газеты, в частности «Le Figaro» (<https://www.lefigaro.fr/culture/patrimoine>) и «Le Monde» (<https://lemondenews.com/entertainment>), предоставляют богатый материал для анализа живого, экспрессивного языка, отражающего актуальные культурные события. Обращение к таким текстам развивает навыки понимания иноязычной информации, критического мышления и межкультурной коммуникации: «доступность аутентичных материалов, аудио- и видеоресурсов

позволяет создавать более реалистичную языковую среду и учить лексику в контексте ее использования» [7, с. 60].

Цель нашей работы – изучить языковые средства экспрессии, характерные для освещения культурных событий во французской прессе, а также обосновать целесообразность использования подобных материалов в практике преподавания французского языка.

Лексические средства выразительности в иностранных языках вызывают устойчивый интерес у современных исследователей. Так, в русле медиалингвистики Е.А. Зозуля анализирует лингвистические маркеры эмоциональности и убеждения в новостных интервью [2]. Экспрессивный потенциал метафоры раскрывается в работе Я.Д. Скоковской на материале современного франкоязычного экономического дискурса [5]. Проблема заимствований как стилистического приема рассматривается Е.А. Мельниковой, которая изучает англицизмы в заголовках французской прессы и их влияние на восприятие читателя [3]. В области лингвопрагматики песенного текста выделяются исследования А.А. Рунгш и А.С. Чевычаловой (языковые способы донесения социальной и гражданской тематики во французских песнях) [4; 9]. Общетеоретическую базу для изучения эмоционального компонента языка создают работы М.А. Токмачевой и Е.М. Павловой, рассматривающих эмоции как объект коммуникативной лингвистики [8], а также А.А. Жуковой, исследующей особенности языкового выражения эмоциональности и экспрессивности [1].

Как отмечает А.А. Жукова, «эмоционально-экспрессивная лексика, ввиду того, что в ней отражается отношение говорящего к определенному предмету, оценка, экспрессия, его мышление и мировоззрение, представляет собой достаточно сложную систему» [1]. Именно эта сложность делает ее ключевым инструментом создания экспрессии в медиатексте. Наш анализ показал, что основу экспрессивности в статьях о культуре составляет оценочная лексика.

Так, в материале «Le Figaro» об экспозиции доисторических скульптур выставка характеризуется как *inédite* («уникальная», «не имеющая аналогов»), а процесс воссоздания экспонатов сравнивается со сборкой пазла при помощи метафоры: *reconstitués «comme un puzzle»*. Метафора здесь не просто стилистический прием, а «культурная модель, оказывающая значительное эмоциональное воздействие» [5, с. 220] на читателя. Отметим также, что слово *puzzle* в данном контексте, хоть и имеет английское происхождение, в современном французском языке утратило оттенок инородности и функционирует как «родное» французское слово. Поэтому экспрессивность в данном

фрагменте достигается не за счет необычности слова *puzzle*, а за счет необычности его метафорического употребления

Описание экспонатов включает еще один прием – олицетворение: *harnaché d'une fine bride métallique* («запряженный в тонкую металлическую уздечку»), что придает неодушевленному объекту динамику и живость. С методической точки зрения такие примеры могут быть использованы при обучении образной лексике и стилистическим приемам в рамках стилистики на старших курсах.

В статье «Le Monde», посвященной фильму «Аватар 3», экспрессия создается за счет гиперболы и эпитетов: *retour épique* («эпическое возвращение»), *un spectacle grandiose* («грандиозное зрелище»). Глагол *promet* («обещает») в заголовке формирует у читателя ожидание и нетерпение, что характерно для рекламного стиля.

Важным экспрессивным средством выступает антитеза. В этом же источнике в материале о красной дорожке Каннского кинофестиваля антитеза приобретает социальное звучание: *le glamour peut encore coexister avec la liberté d'expression* («гламур все еще может сосуществовать со свободой слова»). Анализ подобных конструкций на занятиях по французскому языку помогает понимать подтекст.

Французская культурная пресса отличается сложными синтаксическими конструкциями, которые также служат целям экспрессии. В публикации о театральной постановке в Страсбурге экспрессивность создается за счет прямой речи с разговорным синтаксисом: «*qu'est-ce que je fais, moi, concrètement?*» («что я, собственно, делаю?»). Эта вопросительная конструкция передает личную вовлеченность говорящего. Как отмечает Е.А. Зозуля, в устной речи интонация и паузация позволяют акцентировать внимание слушателя [2, с. 159]. Сходные приемы привлечения внимания на материале песенных текстов описываются в работах А.А. Рунгш и А.С. Чевычаловой [4; 9]. Подобные аутентичные образцы разговорной речи незаменимы при обучении устному общению, поскольку помогают «изучать грамматику не изолированно, а в контексте решения коммуникативных задач» [6, с. 178].

В условиях информационного многообразия заголовки становятся «ключевым инструментом навигации» для читателя. Мы разделяем точку зрения Е.А. Мельниковой, что заголовок – это не просто подчиненная часть текста, а «обособленный компонент» [3, с. 83], обладающий собственной выразительностью. Обратимся к анализу заголовков статей во французской культурной прессе.

В статьях о культурных событиях нам встретились вопросительные заголовки. Они как бы вовлекают читателя в диалог:

Que vaut l'exposition Lee Miller au Musée d'art moderne de Paris? («Чего стоит выставка Ли Миллера в Музее современного искусства Парижа?»).

Частотными являются также заголовки с двоеточием, которые включают факт и комментарий к нему: *Oscars 2026: Brooks et Pullman annoncent leurs nominations* («Оскар-2026: Брукс и Пуллман объявляют о своих номинациях»).

Заголовки с контрастом, как показал наш анализ, строятся обычно на вынесении проблемной фразы в сильную позицию (в начало заголовка): *Déprogrammé dans plusieurs pays, Kanye West donnera un concert en République tchèque* («Отмененный в нескольких странах, Канье Уэст даст концерт в Чехии») – в этом примере причастный оборот находится в начале названия и создает интригу.

Нередко в заголовках встречаются культурными аллюзиями: *La «Vénus d'Arles» enfin de retour dans sa ville, après 375 ans d'absence* («Венера Арльская наконец вернулась в свой город после 375 лет отсутствия»). В этом примере наречие *enfin* («наконец») подчеркивает долгожданность культурного события.

Таким образом, язык французских СМИ, освещающих культурные события, располагает богатым арсеналом выразительных средств (оценочная лексика, метафоры, антитезы, гиперболы, причастные обороты, экспрессивные заголовки). Для методики преподавания французского языка обращение к аутентичным медиатекстам имеет высокую ценность. Такие материалы погружают студентов в реальную языковую среду и соответствуют принципам коммуникативного подхода. Анализ заголовков и экспрессивной лексики развивает у обучающихся навыки интерпретации текста и критического мышления. Использование аутентичных материалов французских СМИ является эффективным средством обучения французскому языку на старших курсах, способствуя формированию коммуникативно-компетентной языковой личности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Жукова, А.А. Особенности выражения эмоциональности и экспрессивности в испанском языке / А.А. Жукова // Романо-германские языки: интеграция методики преподавания и филологии: Мат. V Междун. очно-заочной научно-практ. конф., Горловка, 04 декабря 2020 г. – Горловка: ГИИЯ, 2020. – С. 135–137. – EDN HVXHNJV.
2. Зозуля, Е.А. Лингвистические маркеры эмоциональности и убеждения в испанских новостных интервью / Е.А. Зозуля // Мир - Язык

- Человек: Мат. VIII Междун. научно-практ. конф., Владимир, 22 октября 2025 г. – Владимир: ВГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, 2025. – С. 158–163. – EDN BBGM TL.

3. Мельникова, Е.А. Англицизмы в заголовках французских новостей: стилистические приемы и их эффект на восприятие читателей (на материале французской газеты «Le Parisien») / Е.А. Мельникова // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых: Мат. IV Нац. научно-практ. конф., Брянск, 26–27 ноября 2025 г. – Брянск: БГУ им. акад. И.Г. Петровского, 2025. – С. 82–85. – EDN PRWY NK.

4. Рунгш, А.А. Французская песня как инструмент гражданского воспитания / А.А. Рунгш // Романо-германские языки: интеграция методики преподавания и филологии: Мат. IX Всеросс. научно-практ. конф., Горловка, 06 декабря 2024 г. – Горловка: ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2024. – С. 184–187. – EDN DPHDUM.

5. Скоковская, Я.Д. Метафоры в современном франкоязычном экономическом дискурсе / Я.Д. Скоковская // Первые шаги в романистике: Сб. мат. междун. студ. научн. конференции, Москва, 03–06 декабря 2024 г. – М.: Языки Народов Мира, 2025. – С. 220–226. – EDN PEXJCM.

6. Токмачева, М.А. Коммуникативный подход к грамматике в аутентичных учебниках французского языка / М.А. Токмачева // Человеческий капитал. – 2024. – № 8(188). – С. 173–180. – DOI 10.25629/НС.2024.08.18. – EDN ZTEGZO.

7. Токмачева, М.А. Реализация коммуникативного подхода к формированию активного словаря в учебниках французских авторов / М.А. Токмачева // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2024. – Т. 13, № 4. – С. 60–65. – DOI 10.12737/2587-9103-2024-13-4-60-65. – EDN JYHSLU.

8. Токмачева, М.А. Эмоции как объект коммуникативной лингвистики / М.А. Токмачева, Е.М. Павлова // Студенческие инициативы в педагогическом образовании: Сб. научн. трудов по мат. Всеросс. научно-практ. конференции, Саранск, 09 ноября 2023 г. – Саранск: МГПУ им. М.Е. Евсевьева, 2023. – С. 440–444. – EDN DTGZHH.

9. Чевычалова, А.С. Лексико-семантические способы выражения социальной тематики в песнях Stromae / А.С. Чевычалова // Студенческий. – 2024. – № 14–4(268). – С. 40–43. – EDN GCTISH.

Бараненко В.Э.

*Научный руководитель: Мамаева Т.П., канд. ист. наук, доц.
Старооскольский филиал Белгородского государственного национального
исследовательского университета (СОФ НИУ «БелГУ»),
г. Старый Оскол, Россия*

КУЛЬТ ЖИВОТНЫХ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ: РЕЛИГИОЗНЫЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В Древнем Египте животные играли множество ролей: от воплощений богов и почитаемых компаньонов в загробном мире до объектов поклонения и значимого экономического актива, особенно в храмовом хозяйстве. Такое отношение к ним объясняется целым рядом факторов: особенности окружающей среды (Нил и его животный мир), их роль в сельском хозяйстве и быту, символическая связь между повадками зверей и качествами божеств, а также египетское мировоззрение, в котором не было чёткой границы между людьми, животными и богами [2].

В египетской мифологии божества часто представляли в виде гибридов человека и животного или в чисто зооморфных формах. Это отражало ассоциацию атрибутов божества с повадками и внешностью животного: например, львица символизировала одновременно гнев и врачевание (богиня Сехмет), кошка олицетворяла домашнюю защиту и плодovitость (Бастет), крокодил представлял мощь и связь с рекой Нил (Собек), ибис ассоциировался с мудростью и письменностью (Тот), сокол (или ястреб) – воплощение бога Хора и его ипостасей, олицетворял фараона и был символом неба, скарабеи происходили от солнечного бога Хепри и были непосредственно связаны с самозарождением, а бык Апис являлся символом плодородия и царственного покровительства [5, с. 192]. Змеи тоже занимали важное место в религиозных верованиях. Египтяне считали их существами одновременно пугающими, опасными и загадочными. Богиня Уаджет, чьё имя переводится как «зелёная», была змееподобной покровительницей Нижнего Египта, символизирующая защиту от любых недоброжелателей [3, с. 25]. Вера в то, что бог может быть воплощён, пусть и скрыто, в конкретном животном, позволяла верующим напрямую взаимодействовать с божественным: животное содержалось в храме, где его кормили и омывали, а также использовали в ритуальных шествиях.

Древние обряды включали в себя кормление священных животных

и совершение омовений над ними, ритуальные шествия, различные подношения и похоронные обряды. Животных преподносили богам на особых жертвенных местах – алтарях, например, кошек посвящали Бастет, богине веселья, которую изображали в виде женщины с кошачьей головой. Кошек специально выращивали в храмах для этих целей, а после смерти мумифицировали и размещали на алтаре. Быков и телят обычно приносили в жертву Исиде, богине-матери. Для жертвоприношения отбирались только животные с безупречно белой кожей, любое пятно считалось дефектом. После совершения обряда тела животных сжигались, а их отрубленные головы пускали по течению Нила. Ибисов посвящали богам Тоту, Ра и Гору, которых изображали с головами птиц. Иногда жертвенных животных использовали для предсказаний: жрецы верили, что боги дадут знамение о том, насколько угодна им жертва и благосклонны ли они к людям. Были и священные изображения, которым поклонялись и относились с особым почитанием. Статуи, амулеты и прочие предметы, изображающие животных, почитались как талисманы, дарующие защиту и благополучие. Законами и традициями предусматривались суровые наказания за вред, нанесённый священным животным, вплоть до смертной казни [3, с. 14].

Храмовые сооружения часто включали в себя прилегающие «священные пастбища» и луга, поскольку содержание почитаемых животных стало неотъемлемой частью финансовой деятельности храма. Жрецы и надзиратели отвечали за заботу о них, кормили лучшей едой, украшали драгоценностями и обеспечивали комфортные условия проживания; вокруг религиозных центров развивалась торговля и производство: возникали паломничества, продажа оберегов и приобретение мумифицированных животных в качестве даров.

Почитание животных служило средством объединения общества: празднества, крупные шествия и общие ритуалы укрепляли единство общины и создавали экономические взаимоотношения между храмом, деревней и городом. Перечислим некоторые известные праздники. В Бубастисе (сегодня Загазиг) отмечался фестиваль, посвящённый Бастет, кошачьей богине. Этот праздник славился своими оживлёнными и весёлыми торжествами, включавшими танцы и музыкальные представления. В городах, включая Крокодилополь (современный Эль-Файюм), устраивали фестиваль в честь бога-крокодила Себека. В ходе этого празднования Себеку преподносили подношения и возносили молитвы о плодovitости и оберегании от угроз, исходящих от Нила. Фестиваль Аписа был торжеством в честь священного быка Аписа, считавшегося воплощением бога Птаха. Апис обитал в храме,

расположенном в Мемфисе, и его кончина являлась значимым событием. После смерти его подвергали бальзамированию и погребали с великими почестями, после чего осуществлялся выбор нового Аписа [4].

Археологические находки, такие как мумифицированные кошки, ибисы, ящерицы, крокодилы и быки, а также особые кладбища для животных, статуэтки и амулеты, являются ценными источниками информации. Изучение погребений животных, техник мумификации и связанных с ними предметов указывает на то, что массовое изготовление мумий животных активно велось в эпоху эллинизма и Римской империи, хотя сами религиозные обряды возникли гораздо раньше, в бронзовом и железном веках. С одной стороны, изготовление индивидуальных мумий животных, которые считались ценными дарами, в определённые периоды свидетельствовали о переплетении религиозных убеждений и экономической выгоды, с другой стороны, культы оказывали двойственное влияние с экологической точки зрения. Животные, почитаемые в культе, находились под защитой и получали заботу в храмах, что помогало сохранить отдельные экземпляры или местные популяции, но массовое разведение для жертвоприношений и мумификации могло вести к чрезмерной эксплуатации видов, ввозу животных из других местностей и изменениям в местной экологии. В ряде случаев религиозная «защита» распространялась только на территорию храма, не останавливая сокращения популяций в естественной среде обитания. Стоит упомянуть, что из-за обрядов сильно страдала от загрязнения река Нил, в которой омывали животных и в которую скидывали головы после ритуалов. Также для изготовления мумий требовалось большое количество материалов (льняные ткани, смолы, пчелиный воск, ладан и животный жир) и жрецов-бальзамировщиков, на всё это и на заботу о священных животных, уходили большие экономические затраты, что приводило к ослаблению централизованной власти [1].

Подводя итог, можно сказать, что поклонение животным в древнеегипетской цивилизации представляло собой многогранный феномен, где религиозные верования, экономические факторы и окружающая среда были тесно переплетены. Звери служили связующим звеном между человеческим обществом и божественными силами, становясь как объектом почитания, так и ресурсом для использования. Для осознания всей сложности этого явления необходим комплексный подход, объединяющий археологические находки, письменные источники и знания зоологии. Исследование ритуалов, связанных с культом животных, также позволяет извлечь

ценные уроки для современных дискуссий о взаимодействии человека и природы, влиянии религиозных убеждений на формирование экологической культуры и воздействии институционализированной религии на сохранение биоразнообразия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Древнеегипетская религия [электронный ресурс] // Википедия: интернет-энциклопедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>, свободный (дата обращения 18.04.2026).
2. Древний Египет [электронный ресурс] // Википедия: интернет-энциклопедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>, свободный (дата обращения: 18.09.2025).
3. Коростовцев, М. А. Религия Древнего Египта / М. А. Коростовцев. – Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1976. – 340 с.
4. Культ животных в древнем Египте [электронный ресурс] // Пикабу: сайт. – Режим доступа: <https://pikabu.ru>, свободный (дата обращения: 20.04.2026).
5. Липиньская, Я., Марциняк, М. Мифология Древнего Египта: пер. с польского / Я. Липиньская, М. Марциняк. – М.: Искусство, 1983. – 221 с.

УДК 328.185

Баранова П.Ю.

*Научный руководитель: Живодрова Н.А., канд. юр. наук, доц.
Пензенский Государственный Университет, г. Пенза, Россия*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ СИНГАПУРА, КИТАЯ И ОАЭ

Коррупция остается одной из ключевых угроз для экономической устойчивости и социального порядка в современных государствах. В процессе разработки эффективных антикоррупционных стратегий эксперты и политики всё чаще обращаются к международной практике. Особую значимость имеет опыт стран, которые за короткий период достигли существенного прогресса и вошли в число мировых лидеров по индексу восприятия коррупции. К таким государствам относятся Сингапур, Китай и Объединенные Арабские Эмираты.

Сингапурская стратегия борьбы с коррупцией признана одной из самых эффективных в мире. На момент обретения независимости в 1965 г. страна страдала от полной коррупции, однако сегодня Сингапур стабильно занимает 3-е место в Индексе восприятия коррупции Transparency International [1]. Ключевым элементом успеха стало создание в 1952 г. автономного Бюро по расследованию случаев коррупции (СРІВ). Его уникальность заключается в независимости. Бюро подчиняется напрямую премьер-министру, а его директор имеет право обратиться к президенту за санкцией на расследование даже в случае отказа со стороны главы правительства [2].

Сингапурский подход часто описывают выражением пряника и кнута. «Пряником» является достойная оплата труда и премии чиновникам, которые зависят от результатов работы. При этом чиновник дорожит своим местом и репутацией, что делает коррупционные схемы невыгодными.

«Кнут» состоит из строгих наказаний. По Закону о предотвращении коррупции за взяточничество могут оштрафовать до 100 тыс. сингапурских долларов или посадить на срок до 5 лет. Также важным инструментом являются штрафные санкции с автоматическим тюремным сроком при неуплате. Это не оставляет шансов уйти от ответственности и сохранить незаконные доходы [3].

В 2024 г. почти 97% дел СРІВ заканчивались обвинительными приговорами. Показательным стало дело бывшего министра транспорта С. Исварана, его приговорили к году тюрьмы за получение подарков, что подтвердило, что в Сингапуре закон действует для всех, независимо от статуса.

После прихода к власти Си Цзиньпина в 2012 г. антикоррупционная политика Китая отличается беспрецедентным масштабом и жесткостью. На государственном уровне коррупция официально признана критической угрозой для стабильности и легитимности коммунистической партии. Борьба с коррупцией ведётся в рамках политики нулевой терпимости. Она охватывает все уровни власти и стала одной из ключевых внутренних кампаний современного Китая [4].

Борьба с коррупцией в Китае – приоритетное направление государственной политики этой страны [5]. Главной отличительной чертой китайской модели является применение исключительной меры наказания - смертной казни за особо тяжкие коррупционные преступления. Факты привлечения к ответственности чиновников активно оглашают в СМИ, демонстрируя всему обществу о невозможности избежания мер наказания, определенных

законодательством страны [6]. В декабре 2025 г. был казнен Бай Тяньхуэй, бывший гендиректор крупной финансовой корпорации China Huarong International, получивший взятки на сумму около 156 млн \$. Бывший министр сельского хозяйства Тан Жэньцзянь был приговорен к смерти, с отсрочкой исполнения приговора на два года за взятки в размере 38 млн \$. Практика показывает, что высшая мера применяется не только к финансистам, но и к высокопоставленным политикам. За годы борьбы с коррупцией наказанию (от дисциплинарного до уголовного) подверглись более миллиона чиновников. Подобные меры обеспечивают значительный результат, поскольку потенциальные нарушители осознают неизбежность и тяжесть правовых последствий [7].

Антикоррупционная стратегия ОАЭ существенно отличается от двух предыдущих моделей, делая ставку на предупреждающие меры, технологическое развитие и активное международное сотрудничество. Эмираты делают коррупцию технически неосуществимой и крайне опасной для участников, выстраивая систему тотальной прозрачности [8]. В настоящее время ОАЭ является лидером в наименьшей степени проявления коррупции в государственном секторе среди стран Персидского залива [9].

Важнейшим направлением является налаживание трансграничного взаимодействия. В ноябре 2025 г. в Абу-Даби под патронажем Интерпола прошла Глобальная конференция по вопросам борьбы с коррупцией и возврата активов с участием более 90 стран. На конференции обсуждалось применение новых инструментов для розыска незаконных активов.

Системный подход ОАЭ к борьбе с коррупцией проявляется в активном заключении двусторонних соглашений. Страна тесно сотрудничает с государствами Персидского залива, они обмениваются опытом и координируют антикоррупционные усилия. Управление по подотчетности ОАЭ подписало меморандумы о взаимопонимании с Государственным контрольным учреждением Омана и Антикоррупционной комиссией Малайзии. Эти документы нацелены на обмен передовыми практиками и проведение совместных обучающих программ. Таким образом, ОАЭ постепенно формирует региональное антикоррупционное объединение, что затрудняет вывод активов и скрываемость лиц, привлекаемых к ответственности, в соседних юрисдикциях.

Опыт Сингапура Китая и ОАЭ имеет большую практическую ценность для совершенствования национальных антикоррупционных стратегий. Наиболее перспективным направлением является внедрение

отдельных эффективных инструментов. Такой подход позволяет заимствовать лучшие практики и адаптировать их к реалиям конкретной страны без необходимости полного переустройства системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Индекс восприятия коррупции. [Электронный ресурс]: [сайт] // Statbase. – URL: <https://statbase.ru> (дата обращения: 14.04.2026).
2. Калач А. В. Противодействие коррупции и борьба с коррупционными проявлениями в Сингапуре и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ / А. В. Калач, Н. Г. Кулакова // Вестник Самарского юридического института. – 2019. – № 2(33). – С. 37-45.
3. Пряник и кнут: ученые придумали, как победить коррупцию в России [Электронный ресурс]: [сайт] // PrimaMedia.ru. – URL: <https://primamedia.ru> (дата обращения: 02.03.2026).
4. Зарубежный опыт борьбы с коррупцией [Электронный ресурс]: [сайт] // Право73. – 2020. – URL: <https://право73.рф> (дата обращения: 02.03.2026).
5. Кулакова В. А. Противодействие коррупции уголовно-правовыми средствами в России и Китае / В. А. Кулакова, Т. Б. Чердакова // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы IV международной научно-практической конференции, Благовещенск-Хэйхэ-Харбин, 14–19 мая 2014 года / Ответственные редакторы: Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Том Выпуск 4. – Благовещенск-Хэйхэ-Харбин: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. – С. 265-269.
6. Живодрова Н. А. Система запретов и ограничений на государственной службе в Китае, как средство противодействия коррупции / Н. А. Живодрова, С. А. Живодрова // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 6(193). – С. 128-129.
7. Трунцевский Ю. В. Противодействие коррупции в Китае: законодательство и правоприменение / Ю. В. Трунцевский, В. В. Севальнев, А. Н. Сухаренко. – М.: Проспект, 2023. – 176 с.
8. Укрепление сотрудничества между высшими ревизионными учреждениями и антикоррупционными органами в предупреждении и пресечении коррупции: практическое руководство. – Вена, 2023. – 150 с.
9. Живодрова С. А. Особенности противодействия коррупции на государственной службе в зарубежных странах на примере Объединенных Арабских Эмиратов / С. А. Живодрова, Н. А. Живодрова // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 5(192). – С. 143-144.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Институт принудительных мер медицинского характера занимает особое место в системе уголовно-правовых мер. В отличие от наказания, он направлен на излечение или улучшение психического состояния лиц, совершивших общественно опасные деяния, а также на предупреждение совершения ими новых преступлений. Правовое регулирование применения мер медицинского характера осуществляется на стыке уголовного, уголовно-процессуального права и законодательства об охране здоровья, в связи с чем данный институт имеет комплексный междисциплинарный характер. Актуальность темы обусловлена наличием в правоприменительной практике ряда сложных вопросов, требующих как законодательного, так и теоретического решения.

Востребованность данной темы наглядно иллюстрирует и судебная практика. Так, Пий-Хемским районным судом Республики Тыва в первом полугодии 2025 года было рассмотрено 2 уголовных дела, тесно связанных с этим вопросом. В одном из них, деле № 1-47/2025 в отношении лица, совершившего деяние, попадающее под признаки ч. 2 ст. 228 УК РФ, были применены принудительные меры медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре общего типа [1]. Кировским районным судом города Саратова за аналогичный период было рассмотрено 3 дела о применении таких мер, по которым были сформулированы вопросы, требующие дополнительных разъяснений Верховного Суда РФ [2].

В действующем уголовном законодательстве РФ отсутствует легальное определение понятия «принудительные меры медицинского характера». В науке уголовного права под ними принято понимать меры государственного принуждения, назначаемые по решению суда лицам, страдающим психическими расстройствами и совершившим общественно опасные деяния, с целью их излечения и предотвращения рецидива [3]. Данные меры не относятся к уголовным наказаниям и считаются иными мерами уголовно-правового характера [4].

Цели применения мер медицинского характера перечислены в ст. 98 УК РФ. К их числу относятся:

- медицинская цель – излечение лиц или улучшение их психического состояния;
- юридическая цель – предупреждение совершения новых преступлений.

Принудительные меры медицинского характера не могут быть применены без наличия на то соответствующих оснований. Все основания перечислены в ст. 97 УК РФ, в их числе совершение деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ, в состоянии невменяемости; наступление после совершения преступления психического расстройства, делающего невозможным исполнение наказания и другие основания. Важно отметить, что принудительные меры медицинского характера в отношении лица может назначить только суд.

Самого по себе наличия психического расстройства для назначения принудительных мер медицинского характера может быть недостаточно. В соответствии с частью 2 ст. 97 УК РФ они назначаются только в случаях, когда психическое расстройство связано с возможностью причинения лицом иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц. При отсутствии таковой опасности суд может передать материалы дела в органы здравоохранения для решения вопроса о лечении лица на общих основаниях.

Статья 99 УК РФ закрепляет перечень видов принудительных мер медицинского характера. Они дифференцированы в зависимости от степени интенсивности наблюдения за пациентом, и включают:

- амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра. Оно назначается лицам, которые по своему психическому состоянию не нуждаются в помещении в психиатрический стационар;
- принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, общего типа. Данная мера применяется к лицам, нуждающимся в стационарном лечении и наблюдении, но не требующим интенсивного наблюдения;
- принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа. Оно назначается тем лицам, которые по своему психическому состоянию требуют постоянного наблюдения;
- принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа с инвазивным наблюдением. Самая строгая мера, применяемая к лицам, представляющим особую опасность для

себя или других лиц и требующим постоянного и интенсивного наблюдения.

Важно отметить, что лицам, совершившим преступление в состоянии вменяемости и осуждённым за него, но нуждающимся в лечении психических расстройств, не исключающих вменяемости, суд наряду с наказанием может назначить принудительные меры медицинского характера в виде амбулаторного наблюдения и лечения у психиатра.

Порядок продления, изменения и прекращения принудительных мер медицинского характера детально регламентирован ст. 102 УК РФ. Все вышеперечисленные вопросы решаются исключительно судом по представлению администрации медицинской организации или уголовно-исполнительной инспекции на основании заключения комиссии врачей-психиатров. Периодичность освидетельствования лица комиссией врачей-психиатров должна составлять не менее одного раза в шесть месяцев. Инициатива о проведении освидетельствования может исходить от лечащего врача, самого лица, его законного представителя или близких родственников. Первое продление мер возможно по истечении шести месяцев с начала лечения, последующие – ежегодно. Прекращение или изменение принудительных мер медицинского характера осуществляется в случае изменения психического состояния лица.

Несмотря на детальную законодательную регламентацию, практика применения принудительных мер медицинского характера сталкивается с рядом проблем [5].

Так, специалисты обращают внимание на многочисленные нормативные пробелы и необходимость согласования норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства с законодательством об охране здоровья.

Сложность вызывает и сам процесс доказывания необходимости применения принудительных мер медицинского характера, поскольку он требует от юристов глубокого понимания медицинской терминологии и психиатрических аспектов.

Таким образом, институт принудительных мер медицинского характера является важным инструментом уголовно-процессуального воздействия, сочетающим в себе функции лечения и предупреждения преступлений. Его применение требует строгого соблюдения законодательства, учитывающего как степень общественной опасности содеянного, так и психическое состояние лица. Дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы и обобщение судебной практики будут способствовать более эффективному достижению

целей, поставленных перед указанным институтом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Справка по применению норм главы 51 УПК РФ // Официальный сайт Пий-Хемского районного суда Республики Тыва. URL: <https://piy-hemskiy--tva.sudrf.ru> (дата обращения: 10.04.26).

2. Обзор и обобщение судебной практики применения судами принудительных мер медицинского характера» за первое полугодие 2025 года // Официальный сайт Кировского районного суда города Саратова. URL: <https://kirovsky--sar.sudrf.ru> (дата обращения: 10.04.26).

3. Щербакова, Д. Д. Принудительные меры медицинского характера: понятие, цели и основания применения / Д. Д. Щербакова. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2026. № 14 (617). С. 264-270.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

5. Иванова К.Е. Актуальные проблемы применения принудительных мер медицинского характера // Академическая наука. 2024. №4. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

УДК 796.015

Бениш А.О.

Научный руководитель: Иванов М. В., ст. преп.

*Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия*

ФИЗИЧЕСКИЕ НАГРУЗКИ И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОРГАНИЗМ ЧЕЛОВЕКА

Тяжёлые физические работы помогали людям справляться с различными жизненными ситуациями в разное время. Основой правильного образа жизни являются спортивные нагрузки. Благодаря им у человека укрепляются мышечные ткани, вырабатывается иммунитет и не возникают проблемы со здоровьем в пожилом возрасте. Люди, которые занимаются физической культурой, эффективнее преодолевают эмоциональные нагрузки, меньше страдают от избыточного веса, редко болеют. У них развита самодисциплина и повышена работоспособность. Физические упражнения вырабатывают

эндорфины, дофамин, серотонин, из-за чего улучшается самочувствие и поднимается настроение [1].

Спортивная активность улучшает опорно-двигательную систему, кровообращение и снижает риск сердечно-сосудистых заболеваний. Также помогает сохранить правильную и красивую осанку. Регулярные занятия физкультурой положительно влияют на развитие в детском, подростковом и зрелом возрасте [1]. Многие люди ведут малоподвижный образ жизни и пренебрегают занятиями физической культурой, несмотря на то, что даже небольшая активность приносит немалую пользу. В особенности если добавить к спортивным упражнениям правильное питание и отказаться от вредных привычек, а также соблюдать рекомендации по состоянию здоровья [4].

Выделяются три основных вида физической нагрузки:

- **Аэробная нагрузка.** Такие активности влияют на работу сердечно-сосудистой и дыхательной системы. Благодаря ним у стенок сосудов увеличивается прочность и эластичность, вследствие чего сокращается риск возникновения сердечных заболеваний. Аэробные нагрузки включают в себя бег, велосипедные и лыжные прогулки, плавание, танцы и другие подобные физические занятия. А также сжигают большое количество калорий и снижают уровень стресса, эффективнее лекарственных препаратов.

- **Силовая или анаэробная нагрузка.** Такие нагрузки способствуют укреплению мышц, костей и налаживают обмен веществ. Физические упражнения выполняются на тренажёрах, включают подтягивания и отжимания, из-за чего замедляется процесс старения.

- **Нейромоторная активность.** К ней относят упражнения, предназначенные для повышения равновесия, растягивания мышц и связок, сохранения гибкости, восстановления работоспособности и нормализации функционирования организма. Известными физическими тренировками в этом направлении являются йога и пилатес [4].

Чтобы результат был эффективнее можно совместить все эти три вида нагрузки, но стоит быть аккуратным и учитывать свои возможности. Длительность тренировки может быть разной, в среднем от 1 до 1,5 часа, обязательно должна быть разминка продолжительностью 10 минут. Она нужна для того чтобы уменьшить риск возникновения травм [3].

Физические нагрузки положительно влияют на состояние нервной системы, помогают восстановить сон. Люди, которые страдают тревожностью и депрессией справляются с этим при помощи спорта, благодаря ему мозг наполняется кислородом и выделяется мелатонин.

Происходит улучшение памяти, концентрации внимания и усвоения информации [6]. На сегодняшний день большое количество людей страдают разными заболеваниями. Обращаясь в больницу, помимо лекарств им назначают специальную физическую активность, полагаясь на состояние организма и серьёзность болезни. Спорт помогает отвлечься от плохих мыслей и значительно повышает шанс на выздоровление.

Самыми распространёнными видами спортивных нагрузок для успешного воздействия на иммунную систему человека являются:

1. Гимнастика, это ряд упражнений, направленных на развитие ловкости, гибкости и выносливости. Она бывает художественная, утренняя, спортивная, ритмическая и т.д., и подходит людям разных возрастов, от самых маленьких до пожилых.

2. Вторым видом довольно популярным будет плавание. Этот спорт развивает выносливость, избавляет от усталости и напряжения, а ещё хорошо влияет на дыхательную систему и сердце.

3. Ну и также часто в физической культуре распространён бег. Он приводит в активность все группы мышц, нормализует кровообращение и снижает вес. Есть несколько видов бега: трусцой, спринтерский, интервальный, в анаэробном режиме и бег в аэробной пульсовой зоне. Однако для правильно выбранного вида нужно учитывать особенности организма. Например, бег трусцой считается профилактическим средством гипертонической болезни, но категорически противопоказан людям, имеющим проблемы с сердцем [7].

Различают три уровня физической активности:

- Низкая, проявляется, когда человек спит, читает в лежачем положении или смотрит телевизор.

- Умеренная, возникает при ходьбе, плавании и других схожих нагрузках.

- Интенсивная, характерна для упражнений вызывающих учащённое сердцебиение, например, бег и поднятие в гору [4].

По статистике ВОЗ, у людей, которые имеют плохой уровень физической активности, риск смертности выше на 20-30% по сравнению с теми, кто регулярно занимается спортом. При постоянных физических нагрузках у детей и подростков укрепляются кости, улучшаются умственные показатели, состояние нервной системы. У взрослых и пожилых людей низкая вероятность сердечно-сосудистых недугов, сокращается риск заболевания гипертонией, раком, диабетом и стабилизируется сон. Для беременных и женщин в послеродовом периоде уменьшается допустимость осложнений при

родах и послеродовой депрессии. Физические нагрузки не влияют отрицательно на вес и здоровье новорождённого ребенка [5].

Большинство людей в современном мире ведут сидячий образ жизни, из-за чего появляются проблемы со здоровьем. Часто дети в юном возрасте страдают ожирением и нарушением психического состояния. Взрослые люди мучаются от хронических заболеваний и систематического перепада настроения [2].

Таким образом, физическая активность положительно сказывается на здоровье и благополучии иммунной системы. Если не заниматься физической культурой и вести малоподвижный образ жизни, возникают риски развития неинфекционных заболеваний и может привести к истощению организма. Однако не стоит забывать, что при выполнении спортивных нагрузок нужно учитывать особенности своего здоровья. Когда у человека проблемы с сердцем, то силовые упражнения противопоказаны. Не рекомендуется возвращаться к физкультурной активности сразу после болезни, так как полноценно организм ещё не восстановился и особой пользы от занятий не будет. Физические нагрузки в жизни людей играют не маловажную роль, без нее человеку приходится сложно. Многие это понимают, поэтому процент людей, которые занимаются спортом, увеличивается каждый день.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Иштуганова А.А., Крылов В.М. Влияние физических нагрузок на организм человека // Вестник науки №8 (8) Том 4. С. 45-50.

2. Бухало Б. Ю., Парфенов С. В. Влияние здорового образа жизни на умственную активность // Сборник материалов IX Международной заочной научно-практической конференции, посвящённой 165-летию В. Г. Шухова. — Белгород: Изд-во БГТУ им. В. Г. Шухова, 2017. С. 77–81.

3. Виды физических нагрузок и их интенсивность [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения 18.05.2026).

4. Как влияют на организм разные виды физической активности [Электронный ресурс]. URL: <https://rkob.ru> (дата обращения 18.05.2026).

5. Физическая активность [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru> (дата обращения 18.05.2026).

6. Грачёв, А. С. Двигательная активность как один из основных факторов подготовки конкурентоспособных молодых специалистов // Сборник материалов VII Международной заочной научно-практической конференции, посвящённой 70-летию Великой Победы. — Белгород: Изд-во БГТУ им. В. Г. Шухова, 2015. С. 100–105.

7. Влияние физической нагрузки на организм человека [Электронный ресурс]. URL: <https://cozimp48.gosuslugi.ru> (дата обращения 18.05.2026).

УДК 658.562:502.131.1

Бердникова В.С.

Научный руководитель: Кириллова С.С., канд. экон. наук
*Воронежский филиал «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
г. Воронеж, Россия*

ОБУЧЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОТРУДНИКОВ В ОБЛАСТИ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Анализируя сегодня, как организации выстраивают работу с персоналом, мы обнаруживаем устойчивое разграничение двух понятий, которые на практике часто смешивают. Профессиональное обучение персонала – это процесс подготовки сотрудников к выполнению новых производственных функций, занятию должностей, решению новых задач, направленный на преодоление расхождения между требованиями к работнику и качествами реального человека. Развитие сотрудников – это более широкое понятие, которое включает длительное создание компетенций, мотивацию и рост человека как профессионала.

Согласно ГОСТ Р ИСО 9001-2015, организация обязана определять необходимую компетентность лиц, влияющих на результаты деятельности и СМК (раздел 7.2), и обеспечивать её через обучение или наставничество. Раздел 7.3 требует осведомлённости: персонал должен понимать, ради каких целей в области качества выполняется работа. ГОСТ Р ИСО 9004-2019 идёт дальше, утверждая, что вовлечённость персонала повышает способность организации создавать ценность (раздел 9.2). Долгосрочное развитие невозможно без сотрудников, разделяющих ценности компании. Без людей, способных системно мыслить и учитывать влияние бизнеса на среду, устойчивое развитие остаётся декларацией.

Пандемия COVID-19 стала масштабным стресс-тестом для корпоративного обучения: множество программ переведено в дистанционный формат. Для организации – экономия, для сотрудника – отсутствие временных потерь. Исследования показывают, что у сотрудников недостаточно знаний и навыков для успешной работы в быстро меняющейся среде. Компании стремятся развивать знания через

корпоративное обучение. При выборе метода важно учитывать специализацию организации и её цели. Большую популярность приобрели интерактивные методы: тренинг, коучинг, мозговой штурм. Однако полностью вытеснить очный формат дистанционный не может. Для задач менеджмента качества востребованы кейсы и проектные работы, развивающие критическое мышление и навык принятия решений в условиях неопределённости.

В российской практике интеграция обучения в СМК долгое время оставалась формальной: программы разрабатывались под требования сертификационного аудита, а не под реальные задачи. Баранова и Сакович фиксируют закономерность: там, где обучение выстроено как непрерывный процесс с элементами управления знаниями и наставничества, показатели результативности СМК устойчиво выше. Однако такая модель требует долгосрочных инвестиций, что вступает в противоречие с практикой краткосрочного планирования. Российские организации сталкиваются с трудностями при переходе от формального соответствия к реальному развитию человеческого капитала. В международной практике акцент смещается к концепции «человеческой устойчивости». Согласно отчёту Deloitte (2024), развитие навыков, благополучия и занятости сотрудников становится условием долгосрочной жизнеспособности организации. Компании с высоким уровнем компетенций демонстрируют более высокую рентабельность и лучшие экологические показатели. Большая часть европейских программ корпоративного обучения уже включает компоненты устойчивого развития и ESG. «Зелёные компетенции» становятся обязательными для сотрудников всех уровней.

Таблица 1. Анализ Российского и Международного опыта

Критерий сравнения	Российский опыт	Международный опыт
Нормативная основа обучения	ГОСТ Р ИСО 9001-2015, ГОСТ Р ИСО 9004-2019: обучение как обязательный элемент СМК (разделы 7.2, 7.3)	ISO 9001, ISO 14001, ISO 45001, модель EFQM 2025: обучение интегрировано в стратегию устойчивого развития
Основной подход к обучению	Основной акцент делается на ознакомление с требованиями стандартов, методами контроля качества и формировании ответственности за качество продукции/услуг.	Стратегический: обучение как инструмент долгосрочной конкурентоспособности и устойчивости организации

Модель развития персонала	Управление знаниями, наставничество, повышение квалификации.	«Человеческая устойчивость» развитие навыков, занятости сотрудников.
Форматы обучения	Очные программы, кейсы, проектные работы, ИИ. дистанционный формат активно развивается после 2020 года.	Микрообучение, ИИ-платформы, виртуальная реальность.
Измеримые результаты обучения	Снижение текучести кадров, рост производительности, мотивации и вовлеченности, снижение рисков, улучшение показателей	Более высокая рентабельность собственного капитала, снижение рисков
Общая тенденция	Движение от обучения как инструмента соответствия — к обучению как инструменту стратегии	Обучение как сквозное измерение качества управления людьми, неотделимое от устойчивого развития организации

Сближение российского и международного подходов прослеживается в одном: и те и другие движутся от обучения как инструмента соответствия – к обучению как инструменту стратегии.

Между тем разрыв между декларируемыми намерениями и реальной практикой остаётся значительным – и природа этого разрыва не столько финансовая, сколько концептуальная. Организации нередко воспринимают обучение в области качества и устойчивого развития как два параллельных, не связанных между собой процесса: первый – для службы качества, второй – для отдела корпоративной социальной ответственности. Исследуя системы профессионального развития персонала, выявлен характерный симптом: сотрудники проходят программы обучения, не понимая, как полученные знания соотносятся с целями организации, – и именно это непонимание, а не нехватка знаний как таковых, становится главным тормозом изменений.

Соппротивление персонала – ещё один барьер, который принято недооценивать. Хорошо известно, что взрослый человек усваивает новое не тогда, когда его обязывают, а тогда, когда видит личную значимость изменения. Программы, спущенные сверху без объяснения логики, воспринимаются как административная нагрузка – и формально выполняются, не меняя ни установок, ни практики. Дефицит специалистов, способных одновременно работать в логике менеджмента качества и устойчивого развития, усугубляет ситуацию: большинство владеет либо одной областью, либо другой, но не их

пересечением, – а именно на пересечении и возникает та компетентность, которая нужна организации.

Цифровой разрыв, обнажённый пандемией, не исчез – он трансформировался. Множество сотрудников хотят получить навыки работы с искусственным интеллектом, однако большинство организаций не успевает адаптировать программы к этому запросу. Анализируя системы опережающей подготовки кадров по управлению качеством и бережливому производству, сформирован принцип, который сегодня звучит особенно точно: обучение должно опережать изменения, а не догонять их. Организация, которая начинает готовить людей к новым требованиям после того, как они уже наступили, – всегда в позиции догоняющего.

К числу барьеров относятся финансовые ограничения (недостаточное бюджетирование, особенно в малом и среднем бизнесе), что ведёт к снижению компетентности и отставанию от требований стандартов. Сопротивление персонала выражается в нежелании участвовать в обучении, воспринимаемом как дополнительная нагрузка, следствием становится низкая вовлечённость и формальное прохождение программ. Разрыв между обучением и практикой означает, что программы не адаптированы к реальным задачам организации, знания не применяются, инвестиции не окупаются. Цифровой разрыв связан с неравномерной готовностью сотрудников к дистанционным форматам, что порождает неравный доступ к развитию и снижение эффективности онлайн-программ.

В заключении следует отметить, что следует рассматривать обучение и развитие персонала в области менеджмента качества и устойчивого развития не как смежные управленческие функции, а как единый стратегический процесс, результатом которого является не просто компетентный, но осмысленно действующий сотрудник. Нормативная база – ГОСТ Р ИСО 9001-2015 и ГОСТ Р ИСО 9004-2019 – закладывает необходимую основу, однако сама по себе она не работает: она наполняется только тогда, когда организация переходит от логики соответствия к логике развития. Российский и международный опыт, при всём различии контекстов, сходится в одном наблюдении: устойчивый результат достигается там, где обучение встроено в стратегию, а не пристёгнуто к ней. Барьеры – финансовые, концептуальные, цифровые – преодолимы, но только при условии, что руководство организации воспринимает человека не как ресурс, подлежащий настройке, а как носителя смысла, без которого ни качество, ни устойчивость невозможны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ГОСТ Р ИСО 9004-2015. Системы менеджмента качества. Требования. – М.: Стандартинформ, 2015. – 32 с.
2. ГОСТ Р ИСО 9004-2019. Менеджмент качества. Качество организации. Руководство по достижению устойчивого успеха организации. – М.: Стандартинформ, 2019. – 48 с.
3. Баранова, И. П. Инновационные механизмы управления персоналом в системе менеджмента качества предприятия / И. П. Баранова, А. А. Сакович
4. Галина, А. Современные подходы к профессиональному развитию и обучению персонала в организации / А. Галина, Е. Малютина, Т. Уколова // Кадровик. – 2023. – № 4. – С. 24-31.
5. Зайцева, Т. В. Управление персоналом: учебник / Т. В. Зайцева, А. Т. Зуб. – 2-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 328 с.
6. Маслова, В. М. Управление персоналом: учебник для вузов / В. М. Маслова. – М.: Юрайт, 2022. – 447 с.
7. Deloitte. Global Human Capital Trends 2024

УДК 336.02

Берестовая Д.А.

***Научный руководитель: Дубинина Е.Ю., канд. экон. наук, доц.
Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия***

АНТИИНФЛЯЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: КОНФЛИКТ ЦЕЛЕЙ И ПАРАДОКС СТАВКИ

Инфляцию характеризует постоянное увеличение ценового уровня без улучшения качества товаров, что формирует барьеры для инвестиционной деятельности из-за роста неопределённости и рисков. Поэтому антиинфляционное регулирование направлено на поддержание предпринимательской активности и рост благосостояния граждан. Для структурно трансформирующейся российской экономики, проблема ценовой стабильности наиболее актуальна, а государственная антиинфляционная политика как комплекс мер по ограничению роста цен, стабилизации денежного обращения и снижению инфляционных ожиданий [13, с. 270] приобретает ключевое значение. Однако на практике её результативность противоречива: Банк России на протяжении десяти лет ориентируется на инфляцию в 4%, но даже жёсткие монетарные инструменты не позволяют достичь этого

показателя. Такой дисбаланс отражает конфликт монетарного сдерживания, фискального стимулирования и парадокс ставки, дискреционное регулирование которой не способно нивелировать инфляцию. Для оценки эффективности национальной антиинфляционной политики обратимся к динамике ключевых макроэкономических индикаторов (Табл. 1).

Эмпирический анализ показывает: ужесточение монетарной политики (ключевая ставка +16,75%) не привело ни к достижению целевой инфляции в 4% (напротив, её прирост составил +4,58%), ни к сокращению денежной массы (+58,61 трлн руб.) - главного дисбаланса, подпитывающего инфляцию; одновременно выросли дефлятор ВВП (+54,94%) и стоимость минимального набора продуктов (+2636,98 руб.). Дополнительное давление создают: низкая безработица (-3,19%) через дефицит кадров вызывает рост издержек; рост реальных доходов (+12,3%) увеличивает спрос; ослабление рубля (+18,69 руб.) удорожает импорт. Высокие инфляционные ожидания (+2,4%) и недоверие к антиинфляционным мерам закрепляют спираль, а ценовое давление охватывает всю экономику, делая инфляцию нечувствительной к ключевой ставке.

Таблица 1. Динамика показателей экономической конъюнктуры России [составлено и рассчитано автором по материалам 2-8,11,12]

Показатель	2020	2022	2024	Δ 24-20
Уровень инфляции, %	4,91	11,94	9,52	4,58
Ключевая ставка, %	4,25	7,5	21	16,75
Средний курс к долл., руб.	73,87	68,54	92,56	18,69
Инфляционные ожидания, %	11,5	12,1	13,9	2,4
Дефлятор ВВП, %	84,6	118,23	139,54	54,94
Денежная масса, трлн руб.	58,65	82,39	117,26	58,61
Номинальный ВВП, трлн. руб.	107,658	155,35	201,152	93,494
ВВПреальный, трлн. руб.	127,255	131,396	144,153	16,901
Численность населения, млн.чел.	146,749	145,558	146,151	-597,80
ВВПреал. на душу, млн руб/чел.	0,867	0,902	0,986	0,119
Доходы бюджета, трлн руб.	18,7226	27,824	36,7086	17,986
Расходы бюджета, трлн руб.	22,8244	31,1190	40,1805	17,3561
Номинальные доходы, руб./мес.	28719,9	37428,3	48499,3	19779,4
Прирост реальных доходов, %	96,2	101,5	108,5	12,3
МРОТ, руб.	12130	15279	19242	7112
Прожиточный минимум, руб.	11300	13919	15453	4153
Уровень безработицы, %	5,62	3,87	2,43	-3,19
Минимальный набор продуктов питания, руб.	4456,02	5562,58	7093	2636,98

Жёсткая монетарная политика демонстрирует ограниченную эффективность: рост ставки не компенсирует воздействия немонетарных факторов, а достижения (прирост ВВП на душу населения (119 тыс. руб.), увеличение МРОТ и прожиточного минимума), вступаю в противоречие с задачей ценовой стабильности. Для выявления причин сложившейся конъюнктуры рассмотрим факторы, генерирующие российскую инфляцию (Табл. 2).

Таблица 2. Причины инфляции в РФ [составлено автором по материалам 2-12]

Инфляция спроса	Инфляция издержек
Рост госрасходов (+76%).	Ослабление курса рубля (+25,3%).
Расширение денежной массы (+100%) при отставании реального ВВП (+13,28%).	Монополистическое ценообразование (тысячи случаев необоснованного роста цен, ФАС)
Высокие инфляционные ожидания населения.	Рост издержек на оплату труда (МРОТ +58,6%)
Кредитная экспансия (льготные ипотечные и отраслевые программы).	Удорожание импорта из-за санкционных ограничений и логистических сбоев.
Рост реальных располагаемых доходов населения (+12,3%).	Структурная зависимость от импорта.

Факторы, обобщённые в таблице, показывают: рост госрасходов и денежной массы при отставании реального ВВП формируют устойчивый инфляционный разрыв; удорожание труда и зависимость от импорта добавляют издержки. Ключевым структурным ограничением ценовой стабильности выступает монополизм в экономике [9]. Преодоление инфляции требует не только сдерживания спроса, но и снижения монопольного влияния на цены. Выявленные причины инфляции обуславливают выбор между альтернативными подходами к её сдерживанию. В макроэкономике выделяют активную и адаптивную модели антиинфляционной политики, их ключевые различия применительно к российской практике обобщены в таблице 3.

Таблица 3. Сравнительная характеристика моделей антиинфляционной политики [составлено автором по материалам 1].

Активная модель	Адаптивная модель	Российская модель
Содержание		
Контроль денежной массы и совокупного спроса	Компенсация потерь от роста цен	Доминирует активный подход, адаптивный компонент выражен
Целеполагание		

Долгосрочная ценовая стабильность	Социальное равновесие	Таргет 4% не достигнута, фактический приоритет - социальная компенсация
Инструментарий		
Ключевая ставка, операции на рынке, нормы резервирования	Индексация доходов, ценовые соглашения, тарифный контроль	Оба набора инструментов, что создаёт конфликт целей
Потенциальные риски		
Спад экономики, рост безработицы	Закрепление инфляционных ожиданий	Одновременное проявление обоих рисков

Реализуемая регулятором сдерживающая политика опирается на ключевую ставку как основной активный инструмент, а параллельно действует ежегодная индексация соцгарантий, как адаптивный стимулирующий фискальный механизм. Это создаёт двойной эффект: у бизнеса растут издержки на оплату труда, у населения - покупательная способность, что провоцирует инфляцию со стороны спроса и предложения. Таким образом, гибридная российская антиинфляционная политика - институциональная несогласованность, где монетарное сдерживание блокируется социальными мерами, а конфликт целей и парадокс ставки делают таргет в 4% недостижимым при любом уровне ключевой ставки. Выявленные институциональные дисбалансы и эмпирические закономерности требуют систематизации препятствий на пути ценовой стабильности и обоснования направлений их преодоления (Табл. 4).

Таблице 4. Барьеры и траектории повышения результативности антиинфляционной политики России

Барьер	Траектория преодоления
Фискально-монетарный конфликт (рост госрасходов +76% при ставке 21%)	Комплексный макроэкономический план, синхронизация бюджетной эмиссии с целевыми инструментами регулятора
Дисбаланс между динамикой M_2 (+100%) и реального ВВП (+13,28%)	Согласование прироста денежной массы с потенциалом роста производства ($\leq 3-5\%$.)
Инерционные инфляционные ожидания (13,9% при таргете 4%)	Повышение прозрачности решений ЦБ, коммуникационная стратегия, привязка соцвыплат к прогнозной инфляции

Монопольное ценообразование (тысячи нарушений, ФАС)	Отраслевой мониторинг, экономически обоснованные цены (себестоимость + рентабельность $\leq 15\%$),
Проинфляционный эффект адаптивных мер (МРОТ +58,6%)	Индексация соцгарантий по целевому прогнозу, а не фактическому росту цен
Структурная импортозависимость	Локализация критического импорта, инвестиции в инновационные и обрабатывающие сектора

Эмпирический анализ подтвердил, что конфликт целей и парадокс ставки блокируют достижение инфляционного ориентира в 4%: повышение ключевой ставки не сокращает денежную массу и не сдерживает рост общего уровня цен, а адаптивные меры усиливают инфляционное давление. Преодоление институциональной ловушки требует перехода от дискретного ужесточения монетарной политики к системной координации фискальных и денежно-кредитных регуляторов. Полагаем, что реализация комплексного подхода позволит достичь ценовой стабильности в диапазоне 3–4% при стимулирующей ключевой ставке (5–6%), создав условия для долгосрочного экономического роста и повышения благосостояния населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виды и методы антиинфляционной политики [Электронный ресурс] // Справочник. - URL: <https://spravochnick.ru> (дата обращения: 29.04.2026).
2. Денежная масса (PM2) в рублях - График за 10 лет [Электронный ресурс]. - URL: <https://bytopic.ru> (дата обращения: 29.04.2026).
3. Дефлятор ВВП. Россия. Данные по годам статистики [Электронный ресурс]. - URL: <https://statbase.ru> (дата обращения: 29.04.2026).
4. Индекс потребительских цен (ИПЦ) в РФ [Электронный ресурс]. - URL: <https://ru.investing.com> (дата обращения: 29.04.2026).
5. Курс ЦБ РФ на заданную дату, архив курсов валют ЦБ РФ [Электронный ресурс]. - URL: <https://mainfin.ru> (дата обращения: 29.04.2026).
6. Номинальные и реальные денежные доходы населения [Электронный ресурс]. - URL: <https://32.rosstat.gov.ru> (дата обращения: 29.04.2026).
7. Общая численность населения России по годам с 1897 по 2024 (Таблица) [Электронный ресурс]. - URL: <https://infotables.ru> (дата

обращения: 29.04.2026).

8. Росбизнесконсалтинг (РБК) [Электронный ресурс] // Экономика и финансы. - URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 29.04.2026).

9. Федеральная антимонопольная служба [Электронный ресурс]. - URL: <https://fas.gov.ru/> (дата обращения: 29.04.2026).

10. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. - URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 29.04.2026).

11. Центральный Банк Российской Федерации [Электронный ресурс]. - URL: <https://cbr.ru/> (дата обращения: 29.04.2026).

12. Чинова Е.Н. Монетарные ограничения инновационного развития экономики России / Е.Н. Чинова, Е.Ю. Дубинина // Наукоемкие технологии и инновации (XXVI научные чтения): сборник докладов Международной научно-практической конференции. - Белгород, 2025. - С. 999-1003.

13. Экономическая теория. Часть 2. Макроэкономика / под общ. ред. Е.Н. Чиновой. - Белгород: Изд-во БГТУ, 2010. - 428 с.

УДК 327.5

Биккинина Л.Р.

*Научный руководитель: Вильданов Р.Р., канд. полит. наук, доц.
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
г. Уфа, Россия*

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ СТРАН КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Каспийский регион продолжает играть значимую роль в глобальном энергетическом дискурсе на протяжении последних трех десятилетий. Его уникальные геологические условия обусловили наличие значительных углеводородных ресурсов, оцениваемых в 48 миллиардов баррелей нефти и 292 триллиона кубических футов природного газа. Эти запасы превратили регион в один из ключевых центров мировой нефте- и газодобычи, что, в свою очередь, оказало существенное влияние на геополитическую и экономическую динамику взаимодействия между пятью прибрежными государствами: Азербайджаном, Ираном, Казахстаном, Российской Федерацией и Туркменистаном. Энергетический потенциал Каспийского бассейна, таким образом, выступает в качестве основополагающего фактора,

определяющего стратегические интересы и внешнеполитические приоритеты указанных государств [1].

Формирование современной энергетической архитектуры Каспия началось в первой половине 1990-х годов и было неразрывно связано с появлением на политической карте новых независимых государств — Азербайджана, Казахстана и Туркменистана. Распад СССР кардинально изменил ситуацию, поставив перед странами региона задачу определения прав собственности на значительные ресурсные активы [5].

Необходимо подчеркнуть, что объем разведанных ресурсов нефти и газа выступал одновременно как мощный катализатор межгосударственного сотрудничества, так и потенциальный источник геополитических напряжений. Однако их распределение по акватории носит неравномерный характер: наиболее крупные нефтяные месторождения расположены ближе к северной и центральной частям моря, тогда как значительные газовые скопления сосредоточены в его южных и восточных секторах [8]. Географическое распределение природных ресурсов оказывает существенное влияние на стратегическое планирование их добычи и определяет внешнеполитические приоритеты государств, имеющих выход к морю [2].

На начальном этапе построения региональных энергетических связей центральное место занял вопрос о юридическом статусе Каспия [3]. От того, будет ли водоём квалифицирован как море или как озеро с позиций международного права, зависели принципы размежевания минеральных ресурсов. Изначально подходы участников заметно различались. Россия и Иран отстаивали сохранение режима совместного владения и коллективного распоряжения недрами. Азербайджан и Казахстан, напротив, настаивали на секторальном разделе дна согласно нормам Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, что давало им возможность закрепить суверенные права на уже открытые и перспективные блоки [9]. Туркменистан в целом разделял секторальную логику, но при этом имел неурегулированный спор с Азербайджаном относительно месторождений («Кяпаз»/«Сердар»).

Параллельно с правовыми дискуссиями разворачивалась не менее значимая борьба за определение экспортных маршрутов. Географическая замкнутость Каспийского бассейна, отсутствие прямого выхода к открытому морю делали транспортировку добытых углеводородов одним из ключевых факторов энергетической политики. Россия на начальном этапе обладала практически монопольным положением в качестве транзитной территории, располагая сетью

трубопроводов, построенных ещё в советский период. Это давало ей серьёзные рычаги влияния на экспортные потоки новых независимых производителей. В ответ Азербайджан, Грузия и Турция инициировали проекты альтернативных маршрутов. В 2006 году был введён в эксплуатацию нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан.

В газовой отрасли конкуренция маршрутов также была ярко выражена. Проекты, такие как Транскаспийский газопровод, который предполагал прокладку трубы из Туркменистана в Азербайджан через Каспийское море, обсуждались и поддерживались на протяжении долгого времени, но так и не были реализованы. Препятствием для этого служили как неопределённость правового статуса акватории, так и опасения прибрежных стран по поводу экологических последствий и влияния нового маршрута на существующие схемы поставок [6].

Подписание в августе 2018 года Конвенции о правовом статусе Каспийского моря стало ключевым событием, существенно повлиявшим на региональную энергетическую повестку. Пятисторонний документ, вырабатывавшийся более двух десятилетий, утвердил распределение, основанное на компромиссе. Дно и недра делятся по договорённости сопредельных государств на основе общепризнанных принципов и норм международного права, что фактически легитимирует секторальный подход. Водная толща, поверхность и биологические ресурсы остаются в общем пользовании, за исключением прибрежных зон шириной 15 морских миль и рыболовных зон в 25 миль. Ключевой с точки зрения энергетической тематики является статья 14 Конвенции, которая устанавливает, что прокладка подводных трубопроводов осуществляется в соответствии с соглашениями тех государств, через сектора которых они проходят, и с учётом экологических требований [7].

Конвенция 2018 года не решила всех существовавших проблем, но создала более предсказуемую правовую среду для энергетической деятельности. Снятие первичной неопределённости относительно права государств распоряжаться ресурсами своего сектора позволило активизировать диалог по практическим вопросам — от координации планов добычи до совместного мониторинга экологической обстановки [4].

Если обратиться к современному состоянию энергетических отношений в регионе, можно выделить несколько устойчивых тенденций.

Первая из них состоит в постепенном смещении от логики прямого противоборства к более комплексной модели, объединяющей элементы конкуренции и партнёрства. Прикаспийские государства, защищая

национальные интересы, одновременно демонстрируют готовность к прагматичным компромиссам тогда, когда это соответствует их долгосрочным экономическим расчётам. Иллюстрацией может выступать практика своповых операций и сезонных обменов углеводородами, позволяющая рационализировать логистику и сокращать затраты.

Вторая тенденция связана с углублением транспортной диверсификации. Сегодня каспийские энергоресурсы поставляются на мировые рынки сразу по нескольким направлениям. Казахстанская нефть экспортируется через Каспийский трубопроводный консорциум в Новороссийск, через систему Атырау-Самара, а также в направлении Китая. Азербайджанский газ поступает в Турцию и Южную Европу в рамках Южного газового коридора. Туркменистан диверсифицировал свои поставки за счёт строительства газопровода в Китай, став одним из крупнейших экспортёров трубопроводного газа в восточном направлении.

Третья тенденция заключается в растущем внимании к несырьевым аспектам энергетического сотрудничества. Каспийское море — это замкнутый водоём с уязвимой экосистемой, и любые аварии на объектах добычи или транспортировки могут привести к трансграничному ущербу. Осознание этой общей уязвимости побуждает страны к разработке совместных механизмов предотвращения и ликвидации аварийных разливов, а также к обмену экологической информацией и согласованию стандартов безопасности. В подобном контексте энергетический фактор трансформируется в зону общей ответственности, требующую постоянных контактов между профильными ведомствами.

Глобальный энергетический переход влияет на Каспийский регион, где страны-импортёры ускоряют декарбонизацию и ужесточают экологические стандарты. Азербайджан и Казахстан планируют повысить долю возобновляемых источников энергии и развивать экспорт «зелёной» электроэнергии. Однако углеводороды останутся ключевым экспортным товаром и валютным источником для большинства стран региона в ближайшее и среднесрочное время.

Сегодня энергетическая взаимозависимость прикаспийских стран не сводится к противостоянию. Она включает в себя многогранные формы сотрудничества, охватывающие такие критически важные области, как логистика, безопасность и экология. Несмотря на наличие сохраняющихся разногласий по конкретным проектам, общая тенденция к поиску компромиссных решений, отвечающих интересам всех участников, остается неизменной. Энергетический фактор

продолжает выступать в качестве ключевой доминанты, определяющей конфигурацию и динамику межгосударственных отношений в Каспийском регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алекперова, А. Р. Глобализация и востоковедение: проблемы направления Восток-Запад и его современные тенденции развития // Наука сегодня: теория и практика : Сборник научных статей VIII Международной научно-практической конференции. – Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2020. – С. 172-175. – EDN EHASOU.

2. Бикметова, А. Р. Историческая и сравнительная социология в глобальном мире // Наука в современных условиях: от идеи до внедрения : материалы Национальной научно-практической конференции. – Ульяновск: Ульяновский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, 2022. – С. 1897-1901. – EDN UKRZWE.

3. Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 г. // Бюллетень международных договоров , 2004, №1, стр.68

4. Жильцов С. С. Каспийский регион: политика, экономика, сотрудничество / С. С. Жильцов, И. С. Зонн. — М.: Международные отношения, 2017. 304 с.

5. Зайнуллина, К. М. Влияние глобализации и регионализации на мировое сообщество // Наука в современных условиях: от идеи до внедрения : материалы Национальной научно-практической конференции. – Ульяновск: Ульяновский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, 2022. – С. 3231-3235. – EDN HFLCEE.

6. Ильинская О. И. Юридический статус Каспийского моря: история и современное состояние // Журнал российского права. — 2021. — № 12. — С. 141–156.

7. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря (подписан в г. Актау, 12 августа 2018 г.) URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 12.05.2026)

8. Ситдикова, Л. В. Геополитические аспекты теории международных отношений // Наука сегодня: теория и практика : Сборник научных статей VIII Международной научно-практической конференции. – Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2020. – С. 210-213. – EDN DKPIMO.

9. Соглашение между Азербайджанской Республикой, Республикой Казахстан и Российской Федерацией о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря от 14 мая 2003 г. // Бюллетень международных договоров , 2013, № 2, с.5

УДК 330.46:004.8

Борисенко А.О.

Научный руководитель: Божков Ю.Н., канд. экон. наук, доц.

Белгородский государственный технологический университет

им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРОГНОЗИРОВАНИИ СПРОСА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ БИЗНЕСА

Прогнозирование спроса давно вышло за пределы простой экстраполяции прошлых продаж. Российский бизнес работает в среде, где решение о закупке, выпуске партии, загрузке склада, кадровом графике, рекламном бюджете и ценовом маневре принимается под давлением высокой изменчивости. Сезонные колебания, цифровой след покупателей, неравномерность логистики, акционные всплески, платформенная конкуренция и быстрые сдвиги потребительских предпочтений требуют иной аналитической оптики. На первый план выходит интеллектуальная обработка больших массивов сведений, способная улавливать скрытые зависимости и выдавать более точный прогноз.

Искусственный интеллект в данной сфере следует рассматривать не как модный технологический знак, а как управленческий механизм, связывающий данные, модель, решение и финансовый результат. Речь идет о переходе от реакции на уже произошедший дефицит либо избыточный остаток к упреждающему управлению. При подобном подходе спрос перестает быть внешней неизвестной величиной и превращается в рассчитываемый параметр, на основании которого компания выстраивает операционный контур. Экономическая отдача проявляется через снижение потерь от неликвидов, уменьшение издержек хранения, более точное распределение оборотного капитала, сокращение числа срочных закупок и повышение маржинальности товарной матрицы.

Актуальность темы определяется совпадением двух процессов. Первый связан с быстрым ростом доступности цифровых данных. Предприятия накопили значительные массивы сведений из ERP, CRM,

кассовых систем, маркетплейсов, сайтов, программ лояльности и сервисов внешней аналитики. Второй процесс выражается в необходимости повышать экономическую эффективность без пропорционального увеличения ресурсов. В подобной логике спросовой прогноз становится частью финансового управления, а не только элементом маркетинговой диагностики.

Для российских компаний задача приобретает прикладной характер. Ошибка в оценке будущих продаж приводит не просто к статистическому отклонению. Она формирует кассовые разрывы, перегрузку складов, дефицит ходовых позиций, рост возвратов, падение качества клиентского сервиса, ухудшение переговорной позиции с поставщиками. Следовательно, интеллектуальные модели востребованы не ради самой автоматизации, а ради повышения отдачи каждого управленческого решения. При этом деловая практика показывает, что экономический эффект возникает лишь тогда, когда прогноз встраивается в закупки, логистику, ценообразование, ассортиментную политику и бюджетирование.

Российская научная литература рассматривает искусственный интеллект в экономике не изолированно, а в связке с производительностью, качеством управленческого выбора и цифровой зрелостью организации. Д. Р. Ахматова подчеркивает, что интеграция интеллектуальных решений усиливает конкурентоспособность и повышает общую результативность хозяйственных систем, поскольку позволяет работать с масштабными массивами информации и ускоряет аналитический цикл [1, с. 17].

В прикладных исследованиях по прогнозированию спроса российские авторы делают акцент на сопоставлении алгоритмов и на пригодности моделей к неоднородным данным. В. М. Вишневский, Ю. Л. Леохин, Т. Д. Фатхулин и А. В. Занегин показывают, что методы машинного обучения позволяют выявлять сложные нелинейные зависимости, а сравнительный анализ моделей дает бизнесу основание выбирать инструмент не по моде, а по качеству прогноза в конкретной товарной категории [2, с. 38].

Е. А. Кушникова связывает успех подобных решений с формированием data-driven культуры и с объединением внутренних источников сведений. Для малого и среднего бизнеса, по выводу автора, эффект возникает при сопряжении данных из 1С, CRM, закупочного и сбытового контуров, когда аналитика начинает обслуживать реальные коммерческие действия, а не остается на уровне разрозненных отчетов [3, с. 103].

П. К. Мякишев и И. В. Синицын рассматривают задачу на материале ритейла и показывают, что прогнозная модель полезна прежде всего там, где требуется согласовать ассортимент, частоту пополнения и объем запасов по множеству позиций. В подобной постановке речь идет не только о вычислительной точности, но и о снижении управленческой инерции [4, с. 47].

С. В. Савин и А. Д. Мурзин расширяют обсуждение и связывают внедрение искусственного интеллекта с трансформацией бизнес-моделей. Авторы фиксируют связь между автоматизацией, снижением операционных затрат, ростом возврата на инвестиции и перестройкой логики создания ценности, что позволяет рассматривать спросовой прогноз не как локальную IT-функцию, а как часть архитектуры современной фирмы [5, с. 8].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что экономическая эффективность применения искусственного интеллекта в прогнозировании спроса формируется по четырем основным направлениям.

Первое направление связано с оборотным капиталом. При традиционном подходе закупки нередко ориентируются на усредненную ретроспективу, экспертное мнение менеджера или формальный норматив. Подобная схема уязвима в периоды акционных кампаний, календарных пиков, погодных аномалий, локальных сбоях поставки и изменения потребительской корзины. Интеллектуальная модель, напротив, учитывает большую совокупность факторов, что снижает вероятность завышения объема заказа. Для бизнеса подобное решение означает высвобождение денежных средств, ранее замороженных в избыточных остатках. Финансовый результат проявляется в ускорении оборачиваемости, сокращении расходов на хранение и более гибком перераспределении ресурсов между товарными группами.

Второе направление касается потерь от дефицита. Недопоставка популярной позиции бьет по выручке, валовой прибыли, повторной покупке и восприятию бренда. Пропущенный спрос часто не возвращается в полном объеме, поскольку клиент уходит к конкуренту либо меняет категорию покупки. Интеллектуальные системы снижают подобный риск за счет более точной работы с временными рядами, событийными всплесками, пользовательским трафиком, карточками товара и реакцией на цену. В торговле, производстве и сфере услуг выигрыш выражается в лучшем уровне наличия, более ровной загрузке каналов и меньшем числе экстренных решений, принимаемых под давлением дефицита.

Третье направление затрагивает организацию процессов. Высокоточный прогноз ценен лишь тогда, когда он встроен в управленческий контур. Если аналитический модуль существует отдельно от закупок, маркетинга и логистики, экономический эффект быстро растворяется. Поэтому зрелая практика предполагает связку прогноза с автоматизированным пополнением запасов, пересмотром минимальных остатков, сценарным ценообразованием, корректировкой промплана и пересчетом графика поставок. На уровне бизнеса подобная интеграция уменьшает число ручных операций, ускоряет согласование и снижает зависимость результата от индивидуального опыта отдельного сотрудника.

Четвертое направление связано с качеством стратегического выбора. Спросовой прогноз на базе искусственного интеллекта помогает оценивать не только будущие продажи, но и последствия управленческих альтернатив. Компания получает возможность проверять сценарии до запуска акции, расширения матрицы, вывода новинки, смены поставщика или открытия новой точки. Тем самым модель становится инструментом экономического проектирования. Руководство видит вероятный диапазон продаж, чувствительность к цене, возможную нагрузку на склад, риск товарного старения и предполагаемую доходность решения.

При всей привлекательности подхода нельзя игнорировать ограничения. На практике слабое звено часто находится не в модели, а в данных. Дубли карточек, ошибки номенклатуры, некачественная история продаж, разрывы во временных рядах, ручная корректировка цен без фиксации причин, несогласованность справочников и отсутствие единого горизонта планирования искажают результат. В такой ситуации даже сложная нейросеть воспроизводит управленческий шум. Следовательно, экономическая отдача требует предварительной дисциплины данных, прозрачных правил учета и понятной архитектуры интеграции.

Отдельного внимания заслуживает кадровый аспект. Внедрение искусственного интеллекта не отменяет роли специалиста по закупкам, категорийного менеджера, экономиста или аналитика. Напротив, акцент смещается с ручного подсчета на интерпретацию и контроль модели. Сотрудник должен понимать природу отклонения, уметь отличать временный всплеск от устойчивого тренда, проверять логику факторов и корректно задавать бизнес-ограничения. Следовательно, интеллектуальный прогноз не вытесняет управленческую функцию, а переводит ее на более высокий уровень.

С позиции экономической теории спросовой прогноз на базе искусственного интеллекта можно определить как механизм сокращения неопределенности при принятии хозяйственных решений. Чем меньше неопределенность, тем ниже транзакционные потери, тем точнее распределение ресурсов, тем выше согласованность между подразделениями. Для компании выгода выражается не в абстрактной цифровизации, а в росте операционной устойчивости и в повышении отдачи от уже имеющихся данных.

Искусственный интеллект в прогнозировании спроса выступает действенным инструментом повышения экономической эффективности бизнеса при условии системного внедрения. Практический эффект возникает через снижение избыточных запасов, сокращение дефицита, рост оборачиваемости, выравнивание закупочного цикла, повышение точности ассортиментных решений и уменьшение операционных потерь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ахматова Д. Р. Экономический потенциал искусственного интеллекта: мировой опыт, российская практика и перспективы стран ЕАЭС / Д. Р. Ахматова // Экономика и управление инновациями. 2023. № 3(26). С. 15–24.
2. Вишневский В. М. Методы машинного обучения в решении задачи прогнозирования спроса на отдельные виды товаров / В. М. Вишневский, Ю. Л. Леохин, Т. Д. Фатхулин, А. В. Занегин // T-Comm: Телекоммуникации и транспорт. 2024. Т. 18, № 10. С. 34–43.
3. Кушникова Е. А. Перспективы внедрения data-driven подхода для работы с большими данными (Big Data) и искусственного интеллекта (AI) в e-commerce на примере предприятия малого и среднего бизнеса / Е. А. Кушникова // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 2, № 6(147). С. 100–109.
4. Мякишев П. К. Прогнозирование спроса на товары в ритейле с применением методов машинного обучения / П. К. Мякишев, И. В. Сеницын // Университетский вестник. 2021. № 4. С. 45–52.
5. Савин С. В. Роль искусственного интеллекта в создании новых бизнес-моделей в цифровой экономике: от цифровизации до полностью автоматизированных решений / С. В. Савин, А. Д. Мурзин // Мир новой экономики. 2024. Т. 18, № 4. С. 6–17.
6. Селиверстов Ю. И. Цифровая трансформация бизнеса субъектами малого и среднего предпринимательства как фактор роста конкурентоспособности / Ю. И. Селиверстов, А. А. Рудычев, Ю. А.

УДК 796/799

Верховникова Т.А.

Научный руководитель: Алексеев Н.А., проф.

*Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
г. Белгород, Россия*

ПРОБЛЕМА РЕГУЛЯЦИИ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ КУРСАНТОВ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКОЙ

Первоначальный этап обучения в вузах МВД России, является сложным и напряжённым адаптационным периодом к воздействию неблагоприятных факторов в профессиональном становлении будущих специалистов правоохранительных органов. Курсанты первого-второго курсов сталкиваются с рядом стресс-факторов, обусловленных сменой привычной социальной среды, переходом к казарменному положению, строгой регламентацией распорядка дня, высокой интенсивностью учебных нагрузок и необходимостью подчинения нормам субординации. Как отмечают в своих работах Д.Е. Алексеев и Д.В. Алексеева, негативные эмоциональные состояния оказывают существенное влияние на эффективность учебной и служебной деятельности курсантов. Именно в этот период у курсантов формируется отношение к служебной деятельности и будущей профессии, закладываются основы профессиональной идентичности и активно развиваются такие важные качества, как способность к саморегуляции собственного психоэмоционального состояния. Эмоции не только следствие разнообразных воздействий на психику, но причина радостей и печалей, взлётов и падений, большого прилива сил и катастрофического их упадка. Самообладание, выдержка-одно из важнейших условий успешной профессиональной деятельности человека. При здоровом эмоциональном состоянии человек расцветает, при нездоровом – увядает. Эмоции основной источник энергии человека. На начальном этапе обучения курсантов по физической подготовке необходимо учить их использовать положительное влияние эмоций в повышении профессиональной мотивации для достижения высокого уровня физической подготовленности и не допускать отрицательного их влияния. При хорошем функциональном состоянии, высоком уровне физической подготовленности у курсанта появляется

чувство уверенности, которое и обеспечивает стабильное психоэмоциональное состояние в учебном процессе, общении в коллективе, а также в нестандартных условиях. Курсант быстрее может добиться успеха в процессе обучения только в том случае, если сумеет эффективно управлять своим психоэмоциональным состоянием. Не отрицая значимости указанных факторов, отметим, что проблема психоэмоционального состояния этим далеко не исчерпывается. Стабильность и надёжность в сложной оперативно служебной деятельности, результат влияния многих факторов. Устойчивое психоэмоциональное состояния зависит не столько от силы нервной системы, сколько от особенностей деятельности психики, её структуры поведения человека. Когда психоэмоциональная нагрузка превышает допустимые пределы нарушается, падает общая работоспособность.

Прикладная физическая подготовка (ПФП) играет немаловажную роль в системе профессионального образования сотрудников органов внутренних дел. Согласно Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», сотрудник полиции обязан проходить специальную подготовку, а также периодическую проверку на профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Она направлена не только на развитие физических качеств, но и на формирование готовности к применению этих качеств и боевых приёмов борьбы в условиях противостояния с правонарушителем, сопряженных с риском для жизни. Однако сама по себе ПФП, особенно на начальном этапе, обычно выступает для курсантов мощным стрессогенным фактором, предъявляя повышенные требования к функциональным резервам организма и психики курсанта, что актуализирует проблему поиска эффективных механизмов регуляции психоэмоционального состояния.

На первоначальном этапе обучения занятия по прикладной физической подготовке являются серьезным испытанием для курсантов. Высокие физические нагрузки, необходимость преодолевать болевые ощущения, страх перед выполнением сложных упражнений (например, приемов задержания, боевых приемов борьбы с дозированным сопротивлением ассистента), выполнение контрольных нормативов публично – все это является источником стресса. А.О. Широкостунова в своих работах отмечает, что именно на первых курсах наблюдается повышенный уровень эмоциональной неустойчивости, который проявляется непосредственно в процессе физической подготовки, снижая ее эффективность и повышая риск травматизма.

Если у курсанта еще не сформирован навык саморегуляции, ситуация контроля нормативов будет восприниматься как экстремальная и вызывать череду физиологических и психологических реакций, негативно влияющих на успешную деятельность. Возможные неудачи в процессе обучения физической подготовке могут сильно усугублять психоэмоциональное состояние и формировать тем самым «порочный круг» стресса. Есть курсанты, которые переживая те или иные эмоции, не пытаются что-либо делать, они не понимают, что с ними происходит. Неопределённость действует на них угнетающе. Успешность преодоления подобных трудностей зависит от качества этих решений и психоэмоциональной подготовленности. Обладая плохо развитым самоконтролем и самоанализом курсанты смутно представляют, что с ними происходит. Психоэмоциональное состояние в большей степени зависит от каждого курсанта, его мировоззрения, направленности мотивов, интересов. Большое влияние на психоэмоциональную сферу оказывает прочность моральных принципов. Проблема управления психоэмоциональным состоянием курсантов на начальном этапе учебно-тренировочных занятий является необходимым и важным в становлении прочных моральных принципов. Суть психоэмоционального поведения курсантов-подчинение поступков разуму, хотя это очень сложный процесс и зависит от индивидуальных особенностей каждого человека.

Несмотря на свою стрессогенность, ПФП выступает потенциалом для правильной регуляции психоэмоционального состояния. Это находит свое подтверждение в мнениях многих российских авторов, которые отмечают, что правильно организованная физическая активность и мышечная работа способствует значительному уменьшению гормонов стресса (адреналина, кортизола), а более циклические упражнения, такие как бег или плавание, оказывают медитативный эффект, что нормализует работу нервной системы в целом. Кроме того, физическая активность оказывает влияние на повышении самооценки и уверенности в себе, так как успешное овладение сложными двигательными навыками формирует позитивный личностный образ.

При систематических занятиях физической подготовкой у курсантов формируется стрессоустойчивость, так как длительное преодоление физических нагрузок является наглядной моделью стрессовой ситуации. Адаптируясь к физическому стрессу, организм и психика обучаются эффективнее противостоять и другим видам стрессоров (психологическим, социальным). Помимо этого, при физической активности вырабатываются эндорфины, на фоне которых

улучшается настроение и общий эмоциональный фон.

Например, в Барнаульском юридическом институте МВД России было проведено исследование, показавшее, что создание спортивных сооружений в жилых помещениях обучающихся для выполнения домашних заданий по ППФП способствует не только повышению физической подготовленности, но и снижению уровня тревожности за счет регулярной физической активности в привычной обстановке.

Кроме того, возможно использование такой педагогической стратегии, как «Ситуация успеха», то есть создание такой ситуации, когда каждый курсант, особенно с низкой стрессоустойчивостью, мог пережить опыт успеха на занятии. Такая стратегия позволяет повысить самооценку и снизить тревогу.

Самигуллин Р.М. провел комплексное исследование влияния физической подготовки на процесс адаптации курсантов первого курса к образовательному процессу в вузах МВД России.

Результаты исследования показали, что курсанты, регулярно занимающиеся физической подготовкой и в последующем демонстрирующие высокие результаты, характеризуются, в первую очередь, более низкими показателями личностной и ситуативной тревожности, но более высоким уровнем стрессоустойчивости, а также лучшей успеваемостью по теоретическим дисциплинам и более быстрым установлением социальных контактов в учебном коллективе.

Автор отмечает, что именно коллективные тренировки и участие в спортивных мероприятиях повышают уровень сплоченности внутри коллектива, что является немаловажным фактором социальной адаптации. Кроме того, физическая подготовка - это не только средство укрепления здоровья и развития функциональных возможностей организма, но и важный элемент психофизиологической адаптации.

Подводя итог вышесказанному, стоит сказать, что проблема регуляции психоэмоционального состояния курсантов на начальном этапе обучения является междисциплинарной и включает в себя несколько компонентов. Высокий уровень стресса, тревожности и адаптационных трудностей у первокурсников требует поиска эффективных путей профилактики и коррекции. Прикладная физическая подготовка является неотъемлемой частью профессионального становления и занимает в этом процессе двойственную позицию: являясь мощным стресс-фактором, она обладает колоссальным ресурсом для формирования стрессоустойчивости и обучения навыкам саморегуляции. Педагогические наблюдения за процессом обучения курсантов убедительно доказывают необходимость целенаправленной тренировки

для управления психоэмоциональными качествами в процессе учебно-тренировочных занятий. Преодоление сложившегося противоречия лежит в основе психологизации педагогического процесса по физической подготовке. Необходимо перейти от узконаправленной модели некоего «натаскивания» на нормативы к более широкой, личностно-ориентированной модели, целью которой является гармоничное развитие психофизических качеств будущего офицера, способного управлять своим состоянием в любых, самых сложных ситуациях служебной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев Д.Е. Особенности системы убеждений при тревоге у курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, обучающихся по разным специальностям / Д.Е. Алексеев, Д.В. Алексеева // Психология и право. – 2025. – Т. 15, № 1. – С. 12-17.
2. Ганишина, И. С. О программе формирования антинаркотической личностной установки курсантов образовательных организаций ФСИН России / И.С. Ганишина, А.А. Чернышов // Прикладная юридическая психология. – 2018 – № 1 (42). – С. 46–51.
3. Деулин, Д.В. Исследование психоэмоционального состояния курсантов образовательной организации МВД России в условиях цифровой депривации / Д.В. Деулин, Д.Е. Алексеев // Возможности и риски цифровой среды: сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции по психологии развития (чтения памяти Л.Ф. Обухова). – М.: МГППУ, 2019. – Т. 2. – С. 349-352.
4. Костина Е.В. Выделение профилей переживаемых психологических состояний и чувств при осуществлении деятельности у курсантов вузов Министерства внутренних дел Российской Федерации / Е.В. Костина, А.А. Дубинский, В.Г. Булыгина // Прикладная юридическая психология. – 2024. – № 1(66). – С. 55-72.
5. Душкин А.С. Преимущества и риски перфекционизма курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России / А.С. Душкин, Н.А. Гончарова // Российский девиантологический журнал. – 2023. – № 4. – С. 403-412.
6. Широкостунова, А.О. Особенности формирования эмоциональной устойчивости курсантов 1 курса Нижегородской академии МВД России / А.О. Широкостунова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 22. – С. 56-58.
7. Шмойлова Н.А. Уровень психологического благополучия курсантов вуза МВД России / Н.А. Шмойлова // Актуальные проблемы

экстремальной и кризисной психологии: материалы V Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2023. – С. 92-94 .

УДК 65.015:004.85

Волобоева С.Ю.

***Научный руководитель: Кочина С.К., д-р. экон. наук, проф.
Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия***

ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ПЕРСОНАЛА КАК КЛЮЧЕВОЙ АТРИБУТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ МАШИНОСТРОЕНИЯ

Инновационное развитие машиностроения представляет собой комплексный процесс создания и внедрения новых технологических и организационно-управленческих новшеств, обеспечивающих качественное повышение эффективности производственных процессов, конкурентоспособности продукции и адаптивности отраслевого актора к изменяющимся рыночным и конъюнктурным условиям. Помимо этого, к положительным сторонам поддержки инновационной траектории развития машиностроительной отрасли можно причислить снижение энергоемкости, сокращение и оптимизация производственных циклов, повышение точности и надежности работы оборудования, а также переход к интеллектуальным производственным системам. Ключевыми векторами интеллектуально-цифрового развития выступают аддитивные технологии, глубокая роботизация и создание гибких производственных платформ, разработка цифровых двойников продукции и процессов, а также использование систем аналитики и искусственного интеллекта в управлении качеством [1].

Особенность научно-технической деятельности промышленного предприятия заключается в том, что подавляющее большинство инноваций в машиностроении имеют цифровую природу или интерфейс. В экономической литературе выделяется отдельный класс цифровых инноваций, являющийся результатом интеграции передовых интеллектуально-электронных технологий в товары (услуги) и производственные процессы. Таким образом, инновационное развитие машиностроения объективно неразрывно связано с цифровизацией, поскольку без должного уровня оцифровывания невозможно реализовать концепцию электронного конструкторско-технологического бюро, минимизировать риски и расходы в отношении

бракованной продукции, обеспечить синхронизацию цепочек поставок в режиме реального времени.

Наличие передового оборудования и программного обеспечения само по себе не приводит к инновационному развитию нового формата, поскольку ключевое ограничение сегодня смещается в сторону оценки кадровых ресурсов, а именно человеческого капитала.

Человеческий капитал предстает как сложная категория, состоящая из профессиональных знаний и потенциала человека (работника) или трудового коллектива предприятия, направленная на получение экономических и финансовых выгод, достижение поставленных задач, реализацию выдвинутых инициатив и обеспечение процесса воспроизводства [2].

В текущих обстоятельствах машиностроительные предприятия сталкиваются с острым дефицитом квалифицированных кадров, обладающих достаточными знаниями обновленной формации, ведь подготовка будущих специалистов ведется на устаревшем оборудовании. В свою очередь, молодые специалисты, владеющие цифровыми технологиями, не имеют достаточной инженерной подготовки и корпоративной работы в машиностроении [3]. Таким образом, на рынке труда все чаще выдвигается запрос на наличие у персонала цифровых компетенций.

Цифровые компетенции работника машиностроительного предприятия определяются, как способность использовать цифровые технологии для эффективного выполнения профессиональных и рутинных задач, а также для внедрения инноваций в производственные, маркетинговые, организационные и управленческие процессы (Рис. 1).

Рис. 1. Структура цифровых компетенций (составлено по [4])

Развитие цифровых технологий работникам необходимо по нескольким причинам. Во-первых, без соответствующего обучения даже самое современное цифровое оборудование используется как обычное и неактуальное, что полностью обесценивает инвестиции в него. Во-вторых, цифровые технологии позволяют сократить время от появления идеи (проекта) до выпуска серийного изделия. В-третьих, они обеспечивают рост операционной эффективности через снижение простоев оборудования, брака на производстве и актуальную оптимизацию запасов, что напрямую требует цифровой грамотности на рабочем месте. Кроме того, сформированные цифровые технологии способствуют возникновению непрерывных и постоянных улучшений, когда работник сам, на основе анализа данных компьютера придумывает новые инновационные и прорывные предложения [5].

Инновационное развитие компетенций персонала в условиях укрепляющейся четвертой промышленной революции носит преимущественно цифровой характер, однако без системного развития цифровых компетенций персонала даже самые современные инструменты и платформы становятся бесполезными и не окупаемыми. Таким образом, цифровые компетенции персонала выступают не просто дополнением, а критически важным условием для обеспечения инновационного развития современного машиностроительного сектора. Важно подметить, что для обеспечения инновационной устойчивости приоритетной задачей для предприятий и образовательных учреждений должно стать планомерное формирование цифровых компетенций всех категорий работников: от инженерно-технических рабочих до управленческого звена [6].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Яковлев, Г.И. Особенности формирования и реализации стратегии инновационного развития машиностроительного предприятия / Г.И. Яковлев, А.В. Стрельцов // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12. – № 1. – С. 375-390.
2. Троска, З.А. Человеческий капитал предприятий: идентификация, структура и международная конкурентоспособность / З.А. Троска, П.Т. Гехаева, А.И. Вагапов // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 5. – № 3(144). – С. 54-60.
3. Карстина, С.Г. Влияние цифровых трансформаций на подготовку инженерных кадров / С.Г. Карстина, К.М. Маханов, О.Л. Коваленко // Управление устойчивым развитием. – 2020. – № 5(30). – С. 94-99.

4. Каминская, А.О. Развитие цифровых компетенций персонала как фактор конкурентоспособности современных предприятий / А.О. Каминская, Э.Р. Аблитаров // Национальные экономические системы в контексте трансформации глобального экономического пространства: сборник научных трудов. – Симферополь, 2024. – С. 262-265.

5. Волобоева, С.Ю. Цифровизация и изменение роли рабочих профессий: вызовы для кадрового обеспечения промышленных предприятий / С.Ю. Волобоева, С.К. Кочина // Актуальные тренды цифровой трансформации промышленных предприятий: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. – Курск, 2025. – С. 132-135.

6. Крашакова, Т.Ю. Интеграция производственных, цифровых, образовательных и бережливых технологий как условие эффективной подготовки квалифицированных специалистов для строительной отрасли / Т.Ю. Крашакова, Н.С. Саломатина // Инновационное развитие профессионального образования. – 2024. – № 3(43). – С. 44-51.

УДК 622.23.05:338.45

Воробей Н.В., Молчанов М.Ю., Никулин В.В.

***Научный руководитель: Кочина С.К., д-р. экон. наук, проф.
Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия***

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНОЙ ТЕХНИКИ В ГОРНОЙ ОТРАСЛИ

Горная отрасль обладает высокой капиталоемкостью, значительными операционными затратами и высокими рисками для жизни и здоровья работников. В последнее время ключевым направлением развития в данной отрасли становится широкое применение беспилотных технологий. Роботизация в горнодобывающей и угольной промышленности перестаёт быть экспериментом и постепенно интерпретируется как инструмент повышения безопасности и эффективности производственных процессов [1].

Но следует помнить, что беспилотная техника (Рис. 1) пока не является массовым инструментом, поскольку её целесообразное применение ограничивается спецификой определённых производств.

Рис. 1. Беспилотные самосвалы [2]

При добыче полезных ископаемых беспилотные технологии можно применять в следующих сферах: беспилотные карьерные самосвалы – выполняют транспортировку горной массы, беспилотные погрузчики – работают в связке с самосвалами для погрузки горной массы, автоматизированные буровые установки – обеспечивают высокоточную буровзрывную работу, беспилотные летательные аппараты (БПЛА) – применяются для маркшейдерских съёмок, мониторинга состояния карьеров и отвалов, создания цифровых моделей выработки [2].

Внедрение беспилотной техники позволяет уменьшить следующие статьи расходы: ФОТ (фонд оплаты труда) водителей и операторов – до 25-30% от общих затрат на персонал, расходы на топливо – на 10-15% за счёт оптимизации маршрутов и режимов движения, затраты на техобслуживание – 15-20% вследствие анализа системы и равномерной нагрузке на агрегаты, страхование и компенсации за травматизм – снижение рисков для персонала.

Внедряющие беспилотную технику (Рис. 2) горнодобывающие предприятия переходят на новый уровень технологической и производственной безопасности. Отсутствие человека в опасных зонах (участки с угрозой обвала, оползня, места взрывных работ, излишняя загазованность) позволяет избежать угрозы жизни и здоровью работников.

Рис. 2. Беспилотная техника в шахте [3]

Вследствие этого значительно сокращается частота человеческого фактора: усталость, невнимательность, ошибки, которые, зачастую приводят к авариям и несчастным случаям.

Кроме того, беспилотные системы позволяют получить более высокую производительность, как по участку предприятия, так и по единице конкретной техники. Они работают круглосуточно, без перерывов на обед, пересмену и т.п. Вдобавок к этому алгоритмы максимально оптимизируют работу техники, подбирая максимально эффективные маршруты, сокращают простой техники. Все эти факторы дают увеличение к объёму перевозимой породы на 15-30%. При регулярном плановом обслуживании (технологическом и программном) беспилотная техника работает бесперебойно, так как минимизировано влияние человеческого фактора.

Внедрение систем полной автоматизации позволяет существенно продлить срок эксплуатации техники за счёт устранения факторов, связанных с действием оператора. Алгоритмы управления работают в стабильном, разрешённом режиме – без резких ускорений и перегрузок, своевременно обнаруживают помехи и заранее сигнализируют о возможных проблемах. Это позволяет избежать преждевременного износа оборудования и продлить его эксплуатационные свойства [3].

По мнению экспертов, срок окупаемости инвестиций составляет от 3 до 5 лет для новых месторождений, а для уже действующих горных предприятий от 8 до 10 лет, что нередко считается экономически невыгодным в современных реалиях.

Для средних и малых отраслевых компаний, высокие затраты на приобретение беспилотной техники становятся высоким барьером для внедрения. Относительно большие сроки окупаемости приводят к тому, что предприятия предпочитают не рисковать и откладывают модернизацию, что в долгосрочной перспективе может снизить их конкурентоспособность и производительность.

В России добыча обеспечивает 10-12% годового ВВП, стабильно входя в тройку лидеров вместе с обрабатывающей промышленностью и торговлей. Доля рудных полезных ископаемых в общей структуре добычи составляет 20-22%. При этом рынок обладает огромным потенциалом: промышленная добыча ведётся лишь на 25-30% месторождений, остальные находятся в стадии разработки.

К основным проблемам распространения и внедрения беспилотной техники можно отнести: отсутствие чётких регламентов эксплуатации беспилотной техники на промышленных предприятиях, высокие затраты (особенно для не крупных акторов), дефицит специалистов по управлению, обслуживанию и работе с подобной техникой, надёжность

работы в экстремальных условиях аномального холода или жары, пыли или влажности, вибрации и кибербезопасности [4].

Снизить риски и ускорить окупаемость внедрения беспилотной техники можно с помощью нескольких простых шагов: поэтапное внедрение через пилотные проекты на отдельных участках, разработка нормативно-правовой базы (регламентов и ГОСТов) для работы современной техники на промышленных предприятиях, федеральная или региональная поддержка (гранты, субсидии, льготы), переобучение сотрудников, партнёрство с заводами-изготовителями беспилотной техники.

Применение беспилотной техники в горной отрасли обладает значительным экономическим потенциалом, включая снижение операционных затрат, повышение производительности и безопасности. Однако высокая стоимость внедрения и длительные сроки окупаемости сдерживают широкое распространение этих технологий. Дальнейшее развитие беспилотных технологий и массовость будут способствовать снижению их стоимости. Для повышения экономической эффективности необходимо комплексное решение, включающее государственную поддержку, развитие нормативно-правовой базы, и подготовку квалифицированных кадров [5].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кочина, С.К. Особенности интеграции концепции бережливого производства и цифровизации / С.К. Кочина, С.Ю. Волобоева // Университетская наука. – 2025. – № 2(20). – С. 122-124.
2. Клебанов, А.Ф. Будущее безлюдных технологий на открытых горных работах / А.Ф. Клебанов // Горная промышленность. – 2020. – № 3. – С. 32-36.
3. Хазин, М.Л. Роботизированная техника для добычи полезных ископаемых / М.Л. Хазин // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. – 2020. – Т. 18. – № 1. – С. 4-15.
4. Прокопьева, В.М. Обзор роботизированной техники в горном деле / В.М. Прокопьева, М.В. Каймонов // Интерактивная наука. – 2023. – № 8 (84). – С. 49-53.
5. Наговицын, О.В. Аспекты внедрения роботизации в технологические процессы горнодобывающих предприятий / О.В. Наговицын, О.В. Белгородцев // Journal of Advanced Research in Technical Science. – 2024. – №. 45. – С. 17-29.

Габдуллина И.Р.

*Научный руководитель: Дорощук Е.С., д-р пед. наук, проф.
Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия*

РОЛЬ СЕТЕВЫХ МЕДИА В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОРОДОВ-ПОБРАТИМОВ КАЗАНИ И СТАМБУЛА

В современном медиапространстве активно развиваются новые формы коммуникации, традиционные СМИ эволюционируют к цифровым форматам – «новым» и «сетевым» медиа.

Сетевые СМИ характеризуются дистантностью коммуникации; ретинальностью, т.е. передачей сообщений неопределенному числу неизвестных получателей, индивидуально-коллективным субъектом речи, массовым рассредоточенным адресатом. Среди выполняемых функций: информационная (сообщение о разного рода фактах и событиях), комментарийно-оценочная (анализ и оценка фактов), познавательного-просветительская (пополнение знаний адресата), функция воздействия (формирование у адресата устойчивых представлений), гедонистическая (развлечение) [1].

Первые формы сетевых медиа появились в 1990-х гг. и имели некоторое политическое измерение. Появление таких средств изменил весь мир, сделав информацию доступной для всех. Это вызвало расширение аудитории. Подаваемые материалы улучшились, и у читателей появилась зависимость от постоянного обновления новостной ленты, чтобы быть в курсе последних событий [2].

В условиях глобализации и цифровизации сетевым медиа принадлежит особая роль в формировании и трансляции культурной идентичности. Этот процесс интересен для изучения в контексте городов-побратимов Казани и Стамбула, являющихся значимыми культурными центрами России и Турции. Они представляют особый случай для исследования благодаря их богатому историческому наследию и активной позиции в цифровом пространстве.

Стамбул (Турция) и Казань (Россия) представляют собой уникальное переплетение Востока и Запада, исламских и христианских традиций, а также современных и исторических элементов.

Стамбул – это город контрастов, где можно услышать призывы к молитве (азан) с минаретов, но также и увидеть кипящую деловую и культурную жизнь по западному образцу. Город, расположенный на

двух континентах, сформировался под влиянием византийского наследия, Османской империи, исламской культуры и современности.

Казань – один из старейших городов России, где веками бок о бок живут татары, русские и другие народы. Казань показывает гармонию ислама и православия, что видно в архитектуре: недалеко от мечети располагается храм.

Данное исследование основано на сравнительном анализе контента сетевых медиа Казани («Бизнес Онлайн», «Татар-информ» (на русском языке), «Татар-информ» (на татарском языке), «Интертат» (на татарском языке)) и Стамбула (“T24”, “Habertürk”) за период с 1 июля по 31 декабря 2025 года. Всего было рассмотрено 300 публикаций. Среди использованных методов: контент-анализ, дискурс-анализ, количественная оценка вовлеченности пользователей.

В проанализированных материалах четко выделяется повестка дня. У турецких сетевых СМИ: кино и фестивали, современное искусство и выставки, литература и поэзия, музыка и концерты, культурная политика и конфликты, событийная хроника (анонсы мероприятий). Дискурс-анализ показал, что о событиях не просто сообщается, они объясняются, осмысливаются. Легитимация достигается через экспертность, например, через режиссеров.

Сетевые медиа Казани сообщают о государственных культурных мероприятиях (фестивалях, брифингах), национальных праздниках и традициях (например, Мәүлид бәйрәме (праздник Мавлид), Сабантуй), проектах (например, «Хәрәкәттә – бәрәкәт», «Яңа исем»), мероприятиях, посвященных памяти известных людей (Муса Джалиль). Способ подачи информации: новостная заметка, интервью. В текстах можно найти цитаты экспертов и комментарии участников.

По проанализированным публикациям видно, как сочетаются традиционные ценности с современностью. Казань и Стамбул – примеры того, как разные религии и культуры могут сосуществовать и создавать уникальную атмосферу, притягивая туристов и исследователей.

С помощью локального контента рассказывается о татарской и русской культуре в Казани, о турецком колорите Стамбула. Обозреватель из любого другого города можно узнать о таких известных личностях, как композитор Салих Сайдашев, писатель Амирхан Еники, поэт Муса Джалиль, увидеть, чем живут сегодня татарские и русские театры. Мы в свою очередь можем узнать о художнике Джамале Тоя, фестивале культуры Samsun, кинофестивале Эсенлер, новиках в книжных магазинах и т.д.

Исследование подтвердило значительную роль сетевых медиа в формировании культурной идентичности городов-побратимов. И Казань, и Стамбул используют цифровые платформы для: сохранения культурного наследия; привлечения туристического внимания; формирования современных городских образов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Карпова, Т. Б. Сетевые СМИ как тип дискурса современной России // МИРС. – 2010. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 02.05.2026).
2. Макарова, А. А. Сетевые медиа как инструмент медиа-дипломатии / А. А. Макарова // Вестник государственного университета Дубна. Серия: Науки о человеке и обществе. – 2022. – № 2. – С. 49-60. – EDN MQIOYG.

УДК 316.334.2

Габидуллина А.А.

Научный руководитель: Филина О.В., канд. экон. наук., доц.

Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Россия

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ КАК ФАКТОР ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ВЫБОРА

Когда мы размышляем, почему покупаем ту или иную вещь, чаще всего вспоминаем цену, качество или собственный вкус. Но нередко решение зависит не столько от самого товара, сколько от того, как на него посмотрят другие. Мы берём не просто куртку или телефон, а знак, который окружающие считывают и делают выводы. Эта сторона потребительского поведения давно интересует исследователей [1].

Одним из первых, кто подробно связал траты со статусом, был американский исследователь Торстейн Веблен. В книге «Теория праздного класса» он ввёл понятие демонстративного потребления. Идея простая: многие дорогие вещи покупают не ради пользы, а чтобы на виду показать, что человек может себе это позволить [2]. В таком случае высокая цена – не минус, а главный плюс: именно она становится доказательством финансового превосходства над теми, кому такая покупка не по карману [2].

Чуть по-другому на эту тему смотрел французский социолог Пьер Бурдьё. В работе «Различение: социальная критика суждения» он показывает, что наши вкусы в одежде, еде или искусстве – это не только

личное дело, они тесно связаны с тем, в какой среде мы выросли и живём [3]. Чтобы объяснить этот механизм, Бурдьё использует термин «габитус». Это набор привычек и способов воспринимать мир, которые человек впитывает с детства, и они потом во многом направляют его повседневные решения [3].

Именно габитус как бы подсказывает, что «людям вроде нас» носить уместно, а что нет, где принято отдыхать и какие книги выбирать. Например, если в семье было привычно ходить в театры и на выставки, человек, скорее всего, будет воспринимать такой досуг как норму и даже как что-то престижное. А для кого-то из другой среды та же выставка может выглядеть скучной тратой времени [3]. Бурдьё также отмечает: чем выше культурный капитал семьи, тем заметнее в её расходах траты на поддержание образа – на одежду, косметику и культурные занятия [3].

Ещё один важный штрих к этой теме можно найти у Карла Маркса. В первом томе «Капитала» он подробно разбирает явление товарного фетишизма. Его смысл в том, что при капиталистическом производстве товары начинают восприниматься как нечто самостоятельное, почти загадочное, и за этим теряются реальные отношения между теми, кто их сделал и кто их продаёт [4]. Мы перестаём видеть в дорогой сумке или кроссовках итог чьего-то труда. На первый план выходит логотип: кажется, будто он сам по себе «имеет ценность» и может как-то передать её владельцу [4].

Теперь давайте посмотрим на несколько понятных примеров из повседневной жизни, опираясь на современные исследования показного потребления. Самый очевидный вариант – дорогие часы. Время сегодня без проблем показывает любой недорогой телефон, но сам по себе телефон обычно не воспринимается как знак статуса. А вот часы за несколько сотен тысяч рублей эту роль выполняют. В итоге потребление начинает работать как своего рода язык: через вещи человек даёт понять окружающим, какое место, по его ощущениям, он занимает в обществе [5].

Ещё один частый пример – рынок дорогих автомобилей. Большой внедорожник в городе редко реально нужен по практическим причинам. Чтобы ездить в пробках и парковаться возле офиса, обычно достаточно машины проще и экономичнее. Но такая машина не даёт того символического эффекта, ради которого и покупают дорогой автомобиль [5].

Сюда же можно отнести одежду и аксессуары с заметными логотипами известных брендов. По сути, человек платит за то, чтобы носить рекламу марки на себе. Он покупает не только вещь, но и

возможность публично показать, что относится к миру дорогих товаров [5].

В последние годы всё более заметным стало показное потребление в соцсетях. Фото из дорогих ресторанов, кадры из путешествий или снимки новых покупок – всё это выкладывают для широкой аудитории и часто с расчётом на одобрение в виде лайков и комментариев [5].

Чтобы было проще увидеть общую картину, основные идеи трёх рассмотренных авторов занесены в таблицу 1.

Таблица 1. Подходы к объяснению влияния социальных норм на потребление

Автор	Ключевое понятие	Что объясняет
Т. Веблен	Демонстративное потребление	Когда люди покупают дорогие вещи, чтобы подчеркнуть свой статус
П. Бурдьё	Габитус	Как вкусы и траты связаны с тем, из какой социальной среды человек вышел
К. Маркс	Товарный фетишизм	Почему бренды и символы могут так сильно влиять на покупателя

Социальные нормы влияют на потребительский выбор примерно так же сильно, как цена или реальное качество товара. Если сложить вместе то, о чём писали Веблен, Бурдьё и Маркс, становится понятнее, почему люди часто покупают не только полезные вещи, но и то, что показывает статус и даёт ощущение принадлежности к какой-то группе [5].

Разбираться в этих механизмах полезно не только для учёбы и исследований, но и в повседневной жизни. Хотя бы для того, чтобы иногда спрашивать себя, насколько наш выбор в магазине действительно наш.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Батыков, И.В. Модели генезиса общества потребления: от товарного фетишизма к символическому потреблению / И.В. Батыков // Общество: социология, психология, педагогика. — 2023. — № 11. — С. 23-34.

2. Цуриков, В.И. Спрос, закон спроса, эффекты Гиффена и Веблена. Часть 2. Нефункциональный спрос и загадки спроса. / В.И. Цуриков // Теоретическая экономика. — 2024. — № 11 (119). — С. 12-33.

3. Разумовская, Е.А. Социальные предпочтения и общественные блага в поведенческой экономике / Е.А. Разумовская, Д.Ю. Разумовский, А.Р. Исакова, Е.А. Мосина // Вестник Академии знаний. — 2024. — № 2 (61). — С. 349-356.

4. Мельник, Т.И. Социокультурное влияние коммуникационных кампаний брендов: позитивная практика / Т.И. Мельник // Beneficium. — 2023. — № 4 (49). — С. 57-63.

5. Кучеренко, Е.А. Теория показного потребления Т. Веблена через призму концепции П. Бурдьё / Е.А. Кучеренко // Теория и практика общественного развития, — 2013. — № 8. — С. 101-103.

УДК 327

Галимова А.Д.

Научный руководитель: Вильданов Р.Р., канд. полит. наук, доц.

Уфимский государственный нефтяной технический университет,

г. Уфа, Россия

КАРТОГРАФИЧЕСКАЯ И ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР КАК МЕХАНИЗМ ОТСТАИВАНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Национальные интересы Китайской Народной Республики (КНР) в вопросах пограничных территорий главным образом осуществляются через картографическую и топонимическую политику. В первую очередь, это направление деятельности государство реализует через издание нормативно-правовых актов.

Первый закон «Положение об управлении географическими названиями» был выпущен в 1986 году, а последние правки были внесены в 2022 году. В данном документе указывается, что органы местной власти на уровне округов наделены полномочиями наименования географических объектов. Функцию единого контроля осуществляет Департамент по гражданским делам КНР. Правительство Китая утверждает, что топонимы должны учитывать специфику географического объекта и мнение местного населения. Также они должны отражать ценности, историко-культурное наследие государства: недопустимо использование иностранных имен, а написание географических объектов других стран и национальных меньшинств стандартизуется правилами китайского произношения и перевода. В случае нарушения указанных требований следует юридическая ответственность [1].

Министерство гражданской администрации КНР регулярно

публикует списки стандартизированных топонимов для спорных территорий. Первый такой перечень, затрагивающий территорию Южного Тибета, был выпущен в 2017 г. Последний список от 2025 г. включает 27 объектов с обозначением на китайском и тибетском языках, пиньинь, категории географических объектов, административный округ, данные о долготе и ширине [2] [3].

Так, периоды обострения в индокитайских отношениях повлияли на ряд официальных документов, опубликованных в 2017 и 2021 годах. Выпуск последнего списка 2023 года обуславливается попыткой КНР продемонстрировать Индии стабилизацию отношений с Бутаном. Подобное урегулирование могло бы создать дополнительное напряжение в бутано-индийских отношениях, так как территориальные претензии Бутана и Китая напрямую затрагивают стратегические интересы Индии. [6]

Для большего понимания китайской топонимической политики нами был проведен сравнительный анализ географических названий в странах-участниках географических споров с официальными топонимами Китая этих же территорий.

Для начала, рассмотрим «Аксайчин» (阿克赛钦), который с древнетюркского переводится как «Белокаменный пляж Китая». Опираясь на данную этимологию, Китай обосновывает историческую принадлежность региона к Синьцзяну. [11].

С позиции властей КНР, нынешняя территория Аруначал-Прадеша исторически является южной частью Тибета. В рамках политики использования национальных топонимов Китай применяет понятие 藏南 (Цзаннань) – Южный Тибет. В свою очередь, закрепленный в Индии топоним имеет санскритское происхождение. «Agha» означает рассвет, а «Achal» – гора, «Pradesh» – штат, регион. Дословно Аруначал-Прадеша переводится как «регион, освещенный рассветом гор» и связано с его северо-восточным расположением, где восход солнца происходит раньше, чем в других частях страны [7].

Географические объекты, расположенные на территории Южно-Китайского моря, также подверглись унификации. В 1983 г. Комиссия по географическим названиям Китая выпустила первый список «我国南海诸岛部分标准地名», который на данный момент насчитывает 431 стандартизированный топоним. Введение новых названий направлено на китаизацию, исправление транслитерации и отражение точного положения объектов. Яркий пример тому будет архипелаг Спратли. Он стал топонимом 南沙群岛 (Наньшацуньдао), который дословно переводится как «Южные Песчаные Острова» [4].

При этом, во Вьетнаме архипелаг Спратли называется Quần đảo

Trường Sa (Архипелаг Длинных Песчаных Отмелей), в Филиппинах – «Kapuluhan ng Kalayaan» (Архипелаг Независимости), а Малайзия и Бруней сохраняют топоним «Kepulauan Spratly» (Острова Спратли), восходящий к имени британского капитана. Разнообразие топонимов архипелага Спратли наглядно демонстрирует сложную историческую динамику региона, где переплелись интересы прибрежных государств и колониальных империй [8].

Название Парасельских островов восходит к португальскому слову «paracel» (земля), с помощью которого мореплаватели обозначали рифы и отмели. Вьетнам применяет «Quần đảo Hoàng Sa», «Архипелаг Желтых Песков», а Китай – «西沙群岛» (Сишациюндао), «Архипелаг Западных Песков». Этот факт вновь подчеркивает важность исторического контекста для китайской топонимической политики [5].

Официально КНР именует Дяоюйдао «钓鱼台群岛» (Дяоюйтайцюньдао) «Архипелагом Рыбной Ловли». Такое обозначение обуславливает богатство прилегающей акватории рыбными ресурсами, которые на протяжении многих веков привлекали сюда китайских рыбаков. В Японии же острова называются 尖閣諸島 (Сенкаку-сёто), «Архипелаг Острых Вершин», и в данном контексте отражают, в первую очередь, характерные для них заостренные скалистые возвышенности [9].

Возвращаясь к теме бутано-китайских отношений, стоит заметить, что фонетические различия топонимов практически отсутствуют, в отличие от рассмотренных выше пограничных споров. Как правило, китайские названия созвучны с бутанскими и не несут дополнительный смысл. Например, для обозначения Доклам используют 洞郎 (Дунлан), Сактенг – 萨克滕 (Сакэтэн), Пасамлунг – 帕桑兰 (Пасанлань), Джакарлунг – 吉格弄 (Цзигэнун). Подобное сходство обусловлено тем, что язык Бутана и тибетский происходит из одной языковой группы [6].

Делая вывод по топонимической политике КНР, мы можем утверждать, что данное направление деятельности государства, реализуемое во внешней политике, позволяет Китаю осуществлять легитимацию претензий на спорные территории (Аксайчин, в Южно-Китайском море, Восточно-Китайском море, Южный Тибет и др.). Через унификацию названий, нормативно-правовые акты и регулярный выпуск списков нововведенных обозначений различных земель Китай стремится сформировать единую общекитайскую идентичность и усилить свое влияние.

Помимо стандартизации топонимов, государство активно использует карты в качестве политического инструмента. Быстрое

создание и публикация цифровых карт предоставляет существенное преимущество государствам, вовлечённым в пограничные конфликты. Такие карты становятся эффективным средством пропаганды, утверждают национальный нарратив и закрепляют в общественном сознании представление о своих границах.

В 2023 году Министерство природных ресурсов КНР выпустило стандартную карту Китая. Она определила Тайвань как провинцию и включила в свой состав спорные территории с Индией, Японией и Бутаном. Только Сактенг не включён в состав Китая. Кроме того, в Южно-Китайском море проведена десятипунктирная линия [12]. Это вновь подчеркивает претензии Пекина на акваторию вокруг острова. Несмотря на то, что официальных разъяснений по этому поводу не последовало, эта карта, наряду со стандартизированными топонимами, обязательна для использования в СМИ, рекламе и типографии [10]

Подводя итог, мы можем с уверенностью утверждать, что топонимическая и картографическая политика Китая представляет собой важную составляющую стратегии отстаивания суверенитета над спорными территориями. Несмотря на то, что данное направление активно действовала ещё в прошлом веке, наибольший импульс оно получило в последние десять лет. Началом этого процесса можно считать публикацию Правительством КНР списков стандартизированных топонимов и новую официальную карту Китая 2023 года. Главная цель такой политики – укрепить контроль над территориями и распространить ценности общенациональной (общекитайской) идентичности. Проведенный нами анализ картографического источника демонстрирует, что посредством карт Китай осуществляет идеологическое и геополитическое воздействие, формирует у жителей спорных территорий и собственных граждан желаемое восприятие государственных границ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 中华人民共和国. 国务院. 中华人民共和国国务院令 第753号 (2022年3月30日) // 中华人民共和国中央人民政府 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.cn> (дата обращения: 10.04.2026)
2. 中华人民共和国. 民政部. 关于增补藏南地区公开使用地名 (第一批) 的公告 (第 404 号) (2017 年4月13日) // 中华人民共和国外交部 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn> (дата обращения: 10.04.2026)
3. 中华人民共和国. 民政部. 民政部关于增补藏南地区公开使用地名 (第五批) 的公告 // 贵州省人民政府门户网站 [Электронный ресурс].

URL: <https://mzt.guizhou.gov.cn> (дата обращения: 10.04.2026)

4. 自然资源部 民政部关于公布我国南海部分岛礁和海底地理实体标准名称的公// 中华人民共和国外交部 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.gov.cn> (дата обращения: 10.04.2026)

5. Gil, A.R. The Paracel Islands : Tracing their Presence on Western Maps in the Sixteenth to Eighteenth Centuries / A.R. Gil // IMCoS Journal. – 2021. – № 164. – С. 18-28.

6. Gurung, W.F. China's Territorial Claims and Infringement in Bhutan: Concerns for India / W.F. Gurung, A. Ranjan // Institute of Southeast Asian Studies (ISEAS). – 2021. – № 341. – С. 1-9

7. How 29 States in India got their Names: Origin and Interesting Facts. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jagranjosh.com> (дата обращения: 10.04.2026)

8. Name an island. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com> (дата обращения: 04.04.2026)

9. The Senkaku Islands. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.senkaku-islands.jp/en/about/> (дата обращения: 05.04.2026)

10. 什么是标准地图// 铜陵市人民政府 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tl.gov.cn> (дата обращения: 06.04.2026)

11. 阿克赛钦 // 搜狗百科 [Электронный ресурс]. URL: <https://baike.sogou.com> (дата обращения: 10.04.2026)

12. 标准地图服务系统 [Электронный ресурс]. URL: <http://bzdt.ch.mnr.gov.cn/> (дата обращения: 10.04.2026)

УДК 004.021

Глухова Я.А., Карпова В.Е.

Научный руководитель: Цыганкова В.Н., канд. экон. наук, доц.

Волгоградский государственный технический университет,

г. Волгоград, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АЛГОРИТМОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕКЛАМЫ

В условиях развития цифровизации традиционные подходы к анализу потребительского поведения и управления рекламным кабинетом постепенно утрачивают свою эффективность.

Сегодня рекламная аналитика переживает переломный момент: ужесточение законодательства в сфере защиты данных, отказ браузеров от сторонних cookies и запрет на идентификаторы устройств привели к тому, что маркетинговые данные стали неполными.

Современная рекламная аналитика теперь опирается не только на исторические данные, но и на современные методы байесовский вывод и машинное обучение, используются вероятностные модели:

1. Предиктивное моделирование: компании используют модели машинного обучения для предсказания вероятности покупки, пожизненной ценности клиента, риска оттока).

2. Теехнологии «чистых комнат» позволяют аналитикам работать с данными разных компаний без нарушения приватности пользователей, объединяя наборы данных для более глубокого анализа.

3. Искусственный интеллект как аналитик: генеративные модели и автоматизированные системы анализа данных начинают самостоятельно находить аномалии и факторы роста эффективности, избавляя маркетологов от рутинной работы.

Как отмечает М. А. Симакина, технологии Big Data позволяют маркетологам не просто аккумулировать информацию о пользователях, но и выявлять связи между поведенческими сигналами и конверсиями, что повышает точность прогнозирования [6], ключевым вызовом остаётся не объём данных, а качество их интерпретации.

Д. И. Клюка показал, что использование искусственного интеллекта для таргетирования позволяет перейти от демографической сегментации к персонализации в реальном времени [1], алгоритмы машинного обучения способны корректировать рекламные стратегии, что обеспечивает рост кликабельность и снижение стоимости привлечения клиента, но необходимо соблюдать баланс между точностью прогноза и сложностью расчетов, особенно в условиях ограниченных ресурсов рекламных платформ.

Н. И. Ломакин и соавторы[2] предлагают когнитивную модель прогнозирования экономической устойчивости, М. М. Монастырская показывает, что анализ сеансов и последовательностей действий позволяют выявлять типичные сценарии взаимодействия с платформой [5].

В. С. Милованов исследует использование цифровых технологий в маркетинговом продвижении онлайн-курсов, демонстрируя, что модели, обученные на данных о вовлечённости студентов, позволяют оптимизировать коммуникационные стратегии и повышать конверсию в платные подписки [3].

Д. Михайлов показывает, что комбинация генеративных моделей для создания креативов и предиктивных алгоритмов для оценки их эффективности позволяет полностью автоматизировать цикл запуска рекламной кампании [4]. Автор отмечает, что такие гибридные системы не только сокращают время на подготовку материалов, но и

обеспечивают непрерывную A/B-оптимизацию на основе обратной связи в реальном времени.

В основу нашего эксперимента был положен открытый датасет поведения пользователей на e-commerce платформе, содержащий 12 тысяч записей о веб-сессиях. Для реализации исследования применялись стандартные инструменты экосистемы Python, в частности библиотеки Pandas и Scikit-learn. Перед обучением моделей данные прошли необходимую предобработку: числовые признаки, такие как длительность сессии и количество просмотров страниц, были нормализованы. Выбор пал на два алгоритма:

1) Random Forest известен своей устойчивостью к переобучению за счёт параллельного построения множества деревьев и усреднения их прогнозов, так же его можно использовать для предиктивного бюджетирования:

а) скоринг пользователей: Модель может предсказывать вероятность покупки для каждого сегмента аудитории. Бюджеты перераспределяются в пользу тех кампаний, которые «подсвечивают» сегменты с высокой вероятностью конверсии.

б) оптимизация частоты показов: Random Forest может определить точку насыщения, после которой показ рекламы одному и тому же пользователю начинает снижать вероятность конверсии.

в) прогнозирование оттока: в рамках оценки эффективности рекламы важно понимать не только привлечение, но и удержание. Если реклама привлекает аудиторию, которая быстро уходит, модель покажет отрицательную эффективность такого канала на длительном горизонте.

2) Gradient Boosting, напротив, использует последовательный подход: дерево обучается на ошибках предыдущего, что позволяет постепенно наращивать точность модели, особенно на структурированных табличных данных.

Полученные результаты однозначно свидетельствуют в пользу градиентного бустинга. Так, его F1-score достиг значения (0,88), что примерно на пять процентов превышает показатель Random Forest (0,83). Более того, Gradient Boosting продемонстрировал лучшие значения по всем остальным метрикам, подтверждая свою способность выявлять сложные нелинейные закономерности в поведенческих данных.

Не менее важным аспектом стала интерпретируемость модели: анализ важности признаков показал, что ключевым фактором, определяющим вероятность конверсии, является время, проведённое

пользователем на сайте (доля важности 0,35). Следом идут количество просмотров страниц (0,25) и общая длительность сессии (0,15).

Технические и демографические параметры, такие как источник трафика (0,1), возраст (0,07) или тип устройства (0,008), оказывают существенно меньшее влияние, что логично согласуется с концепцией вовлечённости: именно глубина взаимодействия с контентом сигнализирует о готовности к целевому действию.

Интеграция модели Gradient Boosting в системы управления рекламой позволяет не только точнее сегментировать аудиторию, но и перераспределять рекламный бюджет, исключая показы нецелевым пользователям. В долгосрочной перспективе это способствует снижению стоимости привлечения клиента и росту ROI маркетинговых кампаний. Тем не менее, стоит отметить, что высокая точность бустинга часто достигается ценой большей вычислительной сложности и повышенного риска переобучения при недостаточной регуляризации..

Таким образом, проведённое исследование подтверждает целесообразность использования алгоритмов градиентного бустинга для прогнозирования пользовательского поведения в цифровой среде. Несмотря на то, что Random Forest остаётся надёжным и быстрым базовым решением, Gradient Boosting демонстрирует превосходство в точности и глубине анализа сложных зависимостей.

Практическая ценность работы заключается в возможности её прямого внедрения в механизмы оптимизации цифрового маркетинга, где каждое процентное улучшение метрик конвертируется в измеримый экономический эффект.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Клюка, Д. И. Использование искусственного интеллекта для таргетированной рекламы // Информационные технологии. Проблемы и решения. – 2024. – № 1(26). – С. 76-81. – EDN VXMVTO.

2. Когнитивная модель прогнозирования устойчивости экономики в условиях рыночной неопределенности и риска / Н. И. Ломакин, М. С. Марамыгин, Г. И. Лукьянов [и др.] // Международная экономика. – 2023. – № 4. – С. 262-280. – DOI 10.33920/vne-04-2304-06. – EDN TONWEU.

3. Милованов, В. С. Использование цифровых технологий в маркетинговом продвижении образовательных онлайн-платформ // Вестник науки. – 2025. – Т. 1, № 6(87). – С. 2353-2360. – EDN EDYLUK.

4. Михайлов, Н. Д. LLM и ML в автоматизации рекламы: генерация и прогноз эффективности / Н. Д. Михайлов // Мировая наука. – 2025. – № 6(99). – С. 179-181. – EDN PQLRUO.

5. Монастырская, М. М. Поиск закономерностей в интернет-рекламе на основе поведения пользователей / М. М. Монастырская // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. – 2020. – № 2(44). – С. 44-51. – EDN FOIYXT.

6. Симакина М. А. Особенности использования технологий Big Data в маркетинге // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. №6. С. 255-260. Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/simakina> (дата обращения: 28.04.2026).

7. User Behavior Dataset on E-commerce Platform. Kaggle. URL: <https://www.kaggle.com> (дата обращения: 28.04.2026).

УДК 94

Горкина У.Р.

*Научный руководитель: Гостев С.С., канд. юр. наук
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
г. Москва, Россия*

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

В теории права под судебным прецедентом понимается решение суда по конкретному делу, которое является обязательным для той же и нижестоящих судебных инстанций при разрешении аналогичных дел в будущем [5, с. 45]. Ключевым признаком прецедента является его нормативная обязательность, обеспечиваемая доктриной «Stare Decisis» («стоять на решенном»).

Важно разграничивать решение суда как процессуальный акт и собственно прецедент как содержащуюся в нем правовую позицию. Прецедентом является не все решение, а его правовая сердцевина – основание решения, то есть правовые принципы, примененные судом к установленным фактам для вынесения окончательного вердикта. Все остальные рассуждения судьи, не являющиеся необходимыми для разрешения дела, относятся к попутно сказанному и не имеют обязательной силы, обладая лишь убеждающим авторитетом [12, с. 28].

От других источников права судебный прецедент отличают такие характеристики, как казуистичность (привязка к конкретным обстоятельствам дела), создание в процессе правоприменения, обязательность прохождения процедуры официального опубликования и иерархическая обязательность (решения вышестоящих судов обязательны для нижестоящих).

Становление судебного прецедента как основного источника права неразрывно связано с историей Англии. После нормандского завоевания 1066 года начался процесс централизации судебной системы. Разъездные королевские суды, действовавшие от имени монарха, вырабатывали единообразные подходы к разрешению споров. Их решения, записывавшиеся в свитках тяжб, постепенно складывались в единую систему «общего права» (common law), общего для всей страны [6, с. 285].

К XV веку общее право, ставшее излишне формальным и жестким, столкнулось с кризисом. В ответ сформировалось «право справедливости» (law of equity), исходившее из канцелярии лорда-канцлера, который разрешал споры, руководствуясь принципами справедливости и совести, а не строгими нормами общего права. Со временем и справедливость сама стала системой прецедентов. Историческое разделение между общим правом и правом справедливости было устранено Судебными реформами 1873-1875 гг., однако их доктринальные различия сохраняют значение до сих пор [9, с. 98].

В современной Великобритании действует строгая иерархия прецедентов. Решения Палаты лордов (ныне Верховного суда Великобритании) являются обязательными для всех нижестоящих судов. Апелляционный суд связан прецедентами Верховного суда и своими собственными (за некоторыми исключениями в уголовных делах). Нижестоящие суды обязаны следовать прецедентам всех вышестоящих инстанций [3, с. 12].

Доктрина stare decisis обеспечивает стабильность и предсказуемость права. Однако она не является абсолютной. В 1966 году Палата лордов в своей Practice Statement заявила о праве отступать от своих предыдущих решений, когда это необходимо во имя правосудия [11, с. 312].

Судебный прецедент – это многогранный источник права, который характеризуется обязательным опубликованием и наличием иерархической структуры. Историческое становление прецедента в Англии привело к образованию двойственной правовой системы, которая оказала значительное влияние на правовые системы многих государств. Таким образом, в настоящее время судебный прецедент остаётся актуальным и развивающимся институтом, играющим значительную роль в обеспечении эффективности и справедливости правового регулирования в странах Западной Европы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арановский К.В., Князев С.Д. Судьба судебного прецедента в романо-германском праве // Журнал конституционного правосудия. – 2013. – № 4. – С. 10-15.
2. Берман Г.Д. Западная традиция права: эпоха формирования. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 624 с.
3. Васильева Т.А. Понятие и признаки судебного прецедента как источника права // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2010. – № 3. – С. 44-48.
4. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. – М.: Международные отношения, 2009. – 456 с.
5. Кучин М.В. Судебный прецедент как источник права (дискуссионные вопросы) // Российский юридический журнал. – 1999. – № 4. – С. 77-84.
6. Максимов А.А. Прецедент как один из источников английского права // Государство и право. – 1995. – № 2. – С. 96-102.
7. Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Право Европейского союза. Вопросы истории и теории. – М.: Проспект, 2010. – 352 с.
8. Мухаев Р.Т. Теория государства и права: учебник для бакалавров. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – 585 с.
9. Прокопович Г.А. Подходы к пониманию и формы проявления судебного прецедента в англоамериканской и континентальной моделях судебного правотворчества // Российская юстиция. – 2013. – № 10. – С. 26-30.

УДК 330.35

Городова В.А.

*Научный руководитель: Дубинина Е.Ю., канд. экон. наук, доц.
Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия*

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РФ: БАРЬЕРЫ И ПОТЕНЦИАЛ

Рост современной российской экономики сопряжен с преодолением структурных дисбалансов, обострившихся введением санкций. Финансирование военных расходов и обеспечение технологической независимости стимулируют отдельные сектора, усиливая инфляционное давление и риски перегрева. Ограничение доступа к технологиям и капиталу требует перехода к интенсивной

инновационной модели на основе роста производительности труда, что необходимо для устойчивого повышения доходов населения, сохранения инвестиционной привлекательности и укрепления экономического суверенитета. Ключевые цели экономического роста - обеспечение нацбезопасности (ввиду закрытости информации не верифицируется) и повышение материального благосостояния населения, оценка которого выступает предметом исследования. Показатели, характеризующие уровень жизни и способность государства выполнять соцобязательства, представлена в таблице 1.

Таблица 1 - Динамика индикаторов экономической конъюнктуры
[составлено и рассчитано автором по материалам 1,4, 7-10]

Показатели	2020	2022	2024	Δ
ВВПреальный, млрд руб.	107658,1	157001,0	202320,5	94662,4
Числен-ть населения, чел.	146748590	146980061	146150789	- 597801
ВВП на душу, тыс. руб/чел.	700	1 100	1 400	700
Производит-сть труда, %	+1,5	+1,5	+2,7	+1,2
Средняя зарплата, руб.	51344	65338	89069	49016
МРОТ, руб.	12 130	14 585	19 242	10320
Прожиточ. минимум, руб.	10 843	13 287	15 453	6890
Средняя пенсия, руб.	14 972	17 690	20 942	5970
Инфляция, %	4,91	11,94	9,52	4,61
Коэффициент Джини	0,337	0,339	0,408	0,071
Ключевая ставка, %	5	12	21	16
Ставка по ипотеке, %	8,84	6,5	8	-0,84
Ставка потреб. кредита, %	6,78	11,46	24,56	17,78

Динамика демонстрирует, что экономический рост в РФ носит преимущественно экстенсивный характер с элементами догоняющего развития. ВВП увеличился на 87,9% при приросте производительности труда лишь 1,2% – увеличение выпуска обеспечено загрузкой мощностей и вовлечением ресурсов, а не технологическими сдвигами. Рост ВВП на душу населения на 100% на фоне сокращения численности на 600 тыс. чел. не отражает повышения эффективности труда, а обусловлен снижением количества занятых. Ужесточение монетарных инструментов (ключевая ставка +16%) не снизило инфляцию (+4,61%), что указывает на структурные и фискальные факторы [2]. Сдерживающая политика удорожает кредит: ставка по потребительскому кредиту выросла на 17,78%, ипотечная за счёт субсидий снизилась лишь на 0,84%. Рост коэффициента Джини (+0,071)

свидетельствует о концентрации выгод от экстенсивного роста у собственников капитала и в милитаризованных секторах, тогда как усиление неравенства сдерживает совокупный спрос и препятствует повышению благосостояния. Для выявления отраслевых источников экстенсивного роста обратимся к структуре ВВП (табл. 2).

Таблица 2 – Отраслевая структура экономики в динамике
[составлено и рассчитано автором по материалам 5, 8, 9, 10]

Статьи	2020		2022		2024		Δ
	млрд руб	%	млрд руб	%	млрд руб	%	
ВВП, в т.ч:	10765 8,1	10 0	15700 10	10 0	20232 0,5	10 0	0
Сельское и лесное хоз-во, охота, рыболовство	5 765,3	5, 4	7 715,1	4, 8	7 510,0	3, 7	-1,7
Добыча полезных ископаемых	14 023,8	13 ,1	20 954,9	13 ,3	22 378,4	11 ,1	-2
Обрабатывающие производства	15 258,7	14 ,2	25 545,6	16 ,3	40 512,4	20 ,0	5,8
Строительство	6 569,0	6, 1	9 869,7	6, 3	16 064,7	7, 9	1,8
Торговля, ремонт	13 367,2	12 ,3	21 402,0	13 ,6	33 789,1	16 ,7	4,4
Транспортировка и хранение	6 258,4	5, 7	9 700,9	6, 2	12 853,2	6, 4	0,7
Деятельность в области информации и связи	3 835,1	3, 6	5 043,1	3, 2	7 192,7	3, 6	0
Госуправление, военная без-ть, соцобеспечение	7 801,6	7, 3	12 100,5	7, 7	23 957,9	11 ,8	4,5
Образование, здравооохр-е, соцуслуги	6 754,2	6, 3	9 353,8	6, 0	12 166,4	6, 0	-0,3
Пр. виды экономической деятельности	28 033,8	26 ,0	35 315,4	22 ,6	25 895,2	12 ,8	- 13,2

Анализ показывает рост доли обрабатывающего (+5,8%), строительного (+1,8%), торгового (+4,4%) и госсекторов (+4,5%) при сокращении доли сельского хозяйства (-1,7%) и прочих видов деятельности (-13,2%). Основные драйверы - импортозамещение и гособоронзаказ, что подтверждается увеличением доли обрабатывающих производств до 20% при одновременном сжатии гражданских секторов. Рост доли госуправления опережает динамику образования и здравоохранения, что свидетельствует о перераспределении ресурсов в пользу оборонного и силового секторов в ущерб развитию человеческого капитала. Отраслевые сдвиги

консервируют экстенсивную модель, усиливая риски технологической и продовольственной аддикции. Выявленные диспропорции отражаются на уровне материального благополучия россиян, для оценки которого целесообразно обратиться к международным рейтингам качества жизни (табл. 3).

Таблица 3 – Рейтинг России по показателям оценки качества жизни населения [составлено и рассчитано автором по материалам 3,6, 9,11]

Параметр	2020		2024		Δ
	значение	место	значение	место	
ВВП на душу населения	0,0007	64	0,0014	59	-5
Уровень рождаемости	1,50	62	1,37	72	-10
Уровень смертности	13,3	15	12,9	11	-4
Уровень преступности	44,8	65	45,1	88	23
Уровень ожидаемой продолжит. жизни, лет	71,54	96	73,4	109	13
Уровень коррупции	30	129	22	154	25
Индекс счастья	5,546	73	5,785	72	-1
ИРЧП	0,824	52	0,821	56	4

Представленные данные демонстрируют противоречивую динамику качества жизни. Позиция России улучшилась по ВВП на душу населения (–5) и индексу счастья (–1), однако наблюдается ухудшение по ИРЧП (+4), уровню коррупции (+25), преступности (+23), рождаемости (+10) и ожидаемой продолжительности жизни (+13) при её абсолютном росте, что говорит об опережающем прогрессе других стран. Таким образом, количественное увеличение национального дохода не сопровождается адекватным ростом человеческого развития и социального благополучия, что подтверждает тезис о качественной несбалансированности экономического роста РФ. Проведённый анализ позволил систематизировать ключевые барьеры, пути их преодоления и соответствующий потенциал развития (Табл. 4)

Таблица 4. Барьеры экономического роста и потенциал их преодоления.

Барьеры	Направления трансформации	Ожидаемые эффекты
Экстенсивно-инфляционная модель (рост за счёт загрузки мощностей, высокая инфляция, жёсткая ДКП)	Реинвестирование в реальный сектор, поддержка НИОКР, снижение немонетарной инфляции (дефицит кадров, монополизм)	Интенсивный рост, снижение ставок, доступность кредитов, рост инвестиций и спроса

Структурные диспропорции (милитаризация, рост госаппарата, сырьевая стагнация, эрозия соинфраструктуры)	Диверсификация промышленности, модернизация сырья, адресное финансирование образования и здравоохранения	Сбалансированность экономики, снижение зависимости от госзаказа, рост несырьевого экспорта, реновация соцсферы
Социальное неравенство (коэффициент Джини как предиктор криминализации)	Прогрессивное налогообложение, расширение трансфертов, поддержка МСБ, реформа правоохранительной системы	Нивелирование соцнапряжённости, стабилизация спроса, повышение безопасности и качества жизни
Демографическая рецессия (количественные и качественные потери трудового потенциала)	Стимулирование рождаемости, репатриация кадров, инвестиции в здоровье и образование	Рост экономически активного населения, повышение ИЧР, увеличение продолжительности жизни
Внешние рестрикции (блокировка доступа к технологиям, капиталам, рынкам)	Автономные техцепочки, реориентация на дружественные рынки, форсирование внутреннего спроса	Технологический суверенитет, снижение внешней уязвимости, адаптация, гибкость

Таким образом, экономический рост РФ осуществляется в рамках экстенсивной модели, консервирующей разрыв между динамикой ВВП и социальным благополучием. Реализация потенциала перехода к интенсивному росту возможна при условии преодоления выявленных барьеров через переориентацию ресурсов в человеческий капитал и диверсификацию экономики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Григорьева Елена. Величина МРОТ в 2013-2026 годах в России (таблица) [Электронный ресурс] // nalog-nalog.ru. - URL: <https://nalog-nalog.ru> (дата обращения: 10.04.2026).
2. Дубинина, Е. Ю. Актуализация влияния технологического фактора на развитие инновационного потенциала / Е. Ю. Дубинина // Экономика и предпринимательство. - 2023. - № 7(156). - С. 1185-1188.
3. Индекс преступности по странам [Электронный ресурс] // numbeo.com. -URL: <https://www.numbeo.com> (дата обращения: 17.04.2026).

4. История значений ключевой ставки Банка России [Электронный ресурс] // ipb.ru.- URL: <https://ipb.ru> (дата обращения: 10.04.2026).

5. Михаил Мишустин проводит стратегическое совещание по вопросам содействия внешнеэкономической активности [Электронный ресурс] // government.ru. (дата обращения: 01.04.2026).

6. Перспективы мировой экономики [Электронный ресурс] // imf.org. - URL: <https://www.imf.org> (дата обращения: 17.04.2026).

7. Рост производительности труда в РФ в ближайшие шесть лет ожидается на 21% [Электронный ресурс] // interfax.ru. - URL: <https://www.interfax.ru> (дата обращения: 03.04.2026).

8. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // rosstat.gov.ru. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 15.04.2026).

9. GOGOV - о главном в России без политики [Электронный ресурс] // gogov.ru. - URL: <https://gogov.ru> (дата обращения: 30.04.2026).

10. Statbase [Электронный ресурс] // statbase.ru. - URL: <https://statbase.ru> (дата обращения: 30.04.2026).

11. World Bank Group [Электронный ресурс] // data.worldbank.org (дата обращения: 27.04.2026).

УДК 316.6

Державина А.Д.1, Курапова А.С., Курапов С.В.2

¹Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,

г. Санкт-Петербург, Россия

*²Российский НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
г. Москва, Россия*

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИНТЕГРАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КУЛЬТУРНУЮ И МОЛОДЕЖНУЮ ПОЛИТИКУ

Интеграция искусственного интеллекта в государственное управление перестала быть технологической футурологией. Сегодня ИИ уже используется для анализа предпочтений молодежи, формирования рекомендательных лент в культурных сервисах, автоматизации обратной связи и для генерации контента (текстов, изображений, музыкальных произведений). Однако если в коммерческой сфере критерием эффективности ИИ выступает максимизация вовлеченности и прибыли, то в сфере культурной и молодежной политики на первый план выходят этические императивы:

сохранение идентичности, передача традиционных ценностей, уважение к личности и недопущение манипуляции поведением и эксплуатации уязвимостей человека [1]. Цель данной статьи — систематизировать этические вызовы, возникающие при интеграции ИИ в культурную и молодежную политику, и предложить принципы их минимизации без отказа от технологического развития.

Традиционно культурная политика строилась на человеческом посредничестве где фильтрами и интерпретаторами контента для молодежи выступали издатели, образовательные учреждения, органы государственной власти и др. ИИ разрушает эту модель, становясь автономным агентом, взаимодействующим с молодежью напрямую.

Этическая неопределенность возникает из-за трех фундаментальных характеристик современных ИИ-систем:

1. Непрозрачность (эффект «черного ящика» [2]). Разработчики нейросети не могут объяснить почему нейросеть рекомендовала конкретному подростку именно этот фильм, песню или новость, алгоритм обучался на миллионах примеров, которые могли содержать скрытые предубеждения.

2. Отсутствие моральной интенции. ИИ не обладает совестью, эмпатией или ответственностью. Он оптимизирует целевую функцию («максимизировать просмотры», «минимизировать жалобы»), которая может вступать в противоречие с нравственными нормами.

3. Масштабируемость влияния. Ошибка или этическая «поломка» одного алгоритма может одновременно затронуть миллионы молодых людей, что создает беспрецедентные риски.

В связи с этим возникает ключевой этический вопрос: может ли государство делегировать ИИ полномочия по формированию культурной среды молодежи, и если да, то при каких ограничениях?

Основные этические дилеммы, возникающие при интеграции ИИ в культурную и молодежную политику связаны с четырьмя аспектами: потреблением ИИ-контента, персонализацией рекомендаций, шаблонными ответами чат-ботов и риском подмены исторических фактов так называемыми “галлюцинациями” нейросетей.

Молодежь, потребляя контент, созданный ИИ, лишается контакта с человеческим переживанием, болью, радостью и рефлексией, которые составляют суть искусства. Культура рискует превратиться в «фастфуд» из алгоритмически оптимизированных паттернов.

Алгоритм, знающий о пользователе больше, чем он сам о себе, может навязывать определенные ценности, формировать зависимость от платформы или, напротив, изолировать молодого человека в «информационном пузыре», лишая его альтернативных культурных

горизонтов.

Шаблонные генерации ответов чат-бота вместо эмпатии человека могут в долгосрочной перспективе повлечь проблемы с коммуникацией.

Замена документированной истины алгоритмически сгенерированными нарративами может способствовать формированию ложных представлений о прошлом.

Как показывают результаты эмпирического исследования, проведенного среди студентов СПбГЭТУ «ЛЭТИ», сами молодые люди осознают эти риски: 72,8 % опрошенных выражают опасения относительно использования ИИ в принятии жизненно важных решений, 63,2 % считают важной угрозой отсутствие человеческого взаимодействия, а 58,6 % — потерю автономии в принятии решений [3].

Для систематизации этических проблем целесообразно выделить три группы субъектов, на которых распространяется влияние ИИ (см. таблицу 1).

Таблица 1. Классификация рисков по субъектам культурной политики

Субъект	Основной этический риск	Негативное последствие
Молодежь как получатель услуг	Манипуляция через персонализацию; дефицит человеческого общения	Утрата критического мышления, эмоциональная депривация
Работник культуры/ педагог	Вытеснение ИИ творческих и воспитательных функций	Девальвация профессии, потеря смысла труда
Государство / чиновник	Снижение качества решений, подрыв легитимности госуправления	Безответственность, снижение доверия к власти

На основе предложенной систематизации этических дилемм и рисков можно сформулировать принципы этической интеграции ИИ в культурную и молодежную политику.

Утверждение человеком

Ни одно итоговое решение, затрагивающее культурные ценности или воспитание молодежи, не может приниматься ИИ автономно. Алгоритмы могут предлагать, анализировать, ранжировать, но окончательное утверждение контента, выдача рекомендаций, ответ на

обращение должны контролироваться человеком.

Алгоритмическая прозрачность

Государственные ИИ-системы, используемые в культуре и работе с молодежью, не могут быть «черными ящиками». Граждане и надзорные органы имеют право знать, на каких данных обучался алгоритм, какие метрики оптимизации заложены, и кто несет ответственность за его работу.

3. Аутентичность культурного продукта

Контент, созданный исключительно ИИ (без участия человека-автора), должен иметь обязательную маркировку [4]. Приоритет в финансировании и продвижении должны сохранять проекты с участием живых творцов, особенно в сферах, связанных с передачей традиционных ценностей и исторической памяти.

4. Сохранение человеческой коммуникации

Молодежь должна иметь гарантированную возможность получить живую консультацию от человека, а не только от чат-бота. ИИ может быть первым уровнем поддержки (информирование), но не может полностью замещать диалог, требующий эмпатии и нравственного суждения.

5. Ответственность

Юридическая и моральная ответственность за последствия работы ИИ в сфере культурной и молодежной политики лежит на органе государственной власти, внедрившем систему. Невозможно сослаться на «ошибку алгоритма» как на оправдание.

Интеграция искусственного интеллекта в культурную и молодежную политику неизбежна, однако его нужно рассматривать лишь как инструмент в руках человека, а не как агента, подменяющего суждение, творчество, культурно-личностную целостность, — особенно в сфере воспитания, где такая подмена создает прямые риски для культурного суверенитета страны.

В частности, рекомендуется проработать идею создания Этических комитетов по ИИ при Министерстве культуры РФ и Федеральном агентстве по делам молодежи (Росмолодежь). В состав комитетов должны входить философы, этики, педагоги, юристы и представители IT-отрасли. Работа таких комитетов должна быть закреплена ведомственным стандартом, содержащим перечень запрещенных практик (например, использование ИИ для вытеснения человека из творческих профессий, скрытая манипуляция предпочтениями несовершеннолетних). Кроме того для обеспечения безопасности пользователей необходим обязательный этический аудит всех ИИ-систем, закупаемых или разрабатываемых для

государственных нужд в сфере культуры и молодежной политики, и введение образовательных модулей для госслужащих и работников культуры по теме «Этика взаимодействия с ИИ», включающих распознавание алгоритмических рисков.

Практическим аналогом такого модуля может служить курс «Этика общения с искусственным интеллектом», направленный на формирование у молодежи «осознанного и ответственного отношения к ИИ» [5].

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку конкретных методик этического аудита и механизмов общественного контроля за алгоритмическими системами в государственном секторе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения, текст проекта нормативного правового акта «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <https://regulation.gov.ru> (дата обращения 28.04.2025).

2. Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта / под ред. А. В. Незнамова. — М.: Nova Creative Group, 2024. — 200 с.

3. Этические аспекты влияния нейросетей на жизнь студенческой молодежи в контексте социологического подхода (на примере студентов ИТ-направления СПбГЭТУ «ЛЭТИ») / А. С. Курапова, С. В. Курапов, А. Д. Державина, Н. В. Шатило // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, No 3. С. 79–90. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-79-90.

4. Кодекс этики в сфере ИИ [Электронный ресурс]. – URL: <https://ethics.a-ai.ru> (дата обращения: 11.05.2026).

5. Представление программы курса “Этика общения с искусственным интеллектом”: цели и задачи курса, целевая аудитория курса / А. С. Курапова, С. В. Курапов, А. Д. Державина // II Международная научно-практическая конференция “Искусственный интеллект и духовная культура” РЭУ им. Г.В. Плеханова 23 октября 2025 г. - В печати.

Дорофеев К.Ю.

*Научный руководитель: Балабанова Г.Г., канд. экон. наук, доц.
Белгородский государственный технологический университет
им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Россия*

ПЛАН «ОСТ»: АРХИТЕКТУРА ГЕНОЦИДА

Время неумолимо делает своё дело, и исторические события начинают восприниматься как далёкие эпизоды, а не как реалии, которые затрагивали жизни миллионов людей. Важно помнить, что за каждой датой, за каждым событием стоят судьбы, надежды и страдания. Несмотря на то что прошло много лет, уроки той войны по-прежнему актуальны. Мы должны помнить о ценности мира и необходимости противостоять любым проявлениям агрессии и ненависти.

Современные вызовы требуют от нас не только знания истории, но и способности анализировать её, извлекая уроки для будущего. Важно передавать память о тех событиях следующим поколениям, чтобы они могли оценить значимость мира и согласия, а также осознать, как легко человечество может снова оказаться на грани конфликта.

Итак, речь пойдёт о двух планах. Первый - план «Ост», представляющий собой совокупность программ и планов колонизации нацистской Германией завоеванных территорий и принудительного выселения населявших эти территории расово «неполноценных» народов. Второй план - «Барбаросса» или план «молниеносной войны» с СССР.

Основные положения плана можно условно свести к пяти направлениям (рис. 1). «Ост» представлял собой долгосрочный план. Предполагалось, что через тридцать лет численность немецкого населения на занятой территории будет составлять 31 миллион человек (это переселенцы из Германии, этнические немцы, проживающие на других территориях и народы, относящиеся к нордической группе). «Право на землю, согласно вечному закону природы, принадлежит тому, кто завоевал ее, исходя из того, что старые границы сдерживают рост численности народа. И то, что у нас есть дети, которые хотят жить, оправдывает наши притязания на вновь завоеванные восточные территории» [1]. Численность местного населения сократится до 14 миллионов человек [2] из 180 миллионов за счёт высылки за Урал, в Сибирь (от 50 до 80% в зависимости от национальности), обращения в бесплатную рабочую силу, а также полной ликвидации.

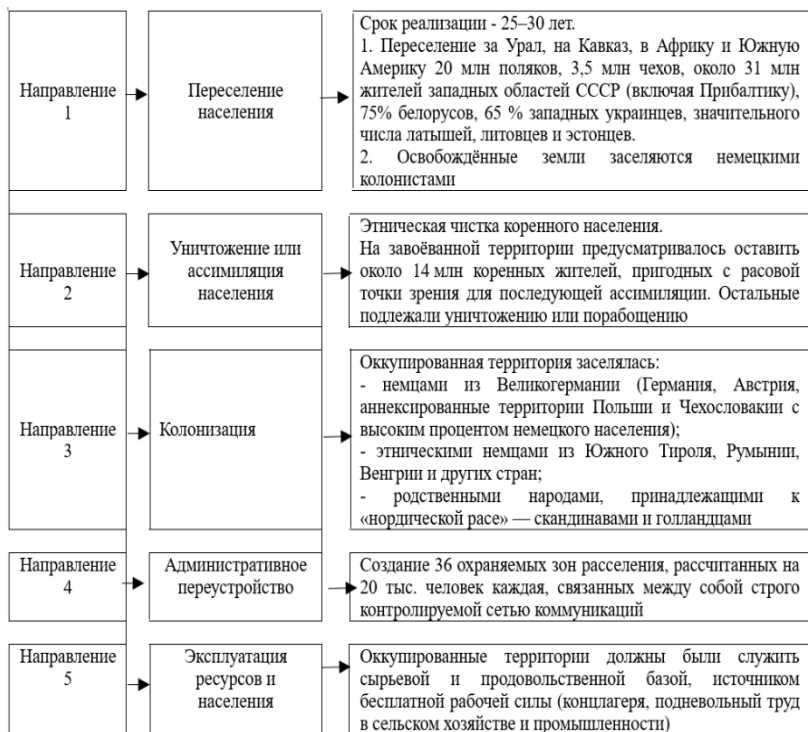

Рис. 1. Основные направления плана «Ост»
(составлено по [3])

Однако в «Замечаниях и предложениях по генеральному плану «Ост»» писалось, что помимо «поощрения стремлений к переселению на восток» следует «пробудить у немецких колонистов на восточных территориях желание к увеличению деторождения», поскольку, несмотря на бум рождаемости в Германии с 1933 года, этого недостаточно для существования немецкого народа, особенно принимая во внимание его огромные задачи по колонизации восточных территорий и невероятную биологическую способность к размножению соседних с нами восточных народов» [2].

Уже в мае 1942 года немецкие экономисты предоставили расчеты на организацию жизни на этих территориях. На нужды обустройства из имперского бюджета предполагалось выделить ежегодно около 16 млрд рейхсмарок [4]. На одного переселенца планировалось потратить 6,256 тыс. рейхсмарок. Однако депортация местного населения оказалась затратной, поэтому было предложено два варианта решения вопроса.

Первый стратегический вектор предполагал подрыв биологического потенциала народов на оккупированных территориях через снижение рождаемости.

Для этого необходимо:

- использовать медиаресурсы для внедрения идеи о том, что дети являются лишь финансовой нагрузкой, для проведения развернутой активной кампании в поддержку контрацепции и безопасных абортов, добровольной стерилизации;
- полностью ликвидировать педиатрию, детские сады и ясли, т. е. ликвидировать институт ухода за детьми;
- избавление от больных умственно и физиологически;
- уничтожить одну из лучших систем бесплатного здравоохранения: минимизировать количество лечебных учреждений и полностью прекратить подготовку медицинских кадров.

Крайне важное значение имело ограничение доступа к образованию и культуре. Для этого сразу же уничтожались «носители духовности, знаний и творческих способностей» в сферах политики и экономики, науки и техники, культуры и искусства, а также исторической памяти [3]. Закрывались университеты, средние школы, библиотеки. Народ мог получать только минимальный объем знаний, т. е. он должен был уметь читать и писать лишь в минимальном объеме. «Ни в коем случае не следует давать местному населению более высокого образования. Если мы совершим эту оплошность, то ... породим в будущем сопротивление против нас» [3]. Предполагалась радиотрансляция только непротивительной музыки.

Путь второй - «фабрики смерти».

На захваченной территории от Волги до Урала началось строительство концлагерей (действовало более 60 концлагерей). Всего же действовало 1634 концлагеря.

По разным оценкам только в концлагерях Германии погибло более 8 миллионов советских мирных жителей, из них 216 тысяч детей (рис. 2).

В дальнейшем было решено прибегнуть к постепенному ослаблению русского народа через:

- 1) разобщение в расовом отношении, т. е. отделение населяющих занятую территорию нордических групп от остальных и предоставление им определенных преференций;
- 2) децентрализацию государства посредством создания отдельных территорий, имеющих свои органы управления;

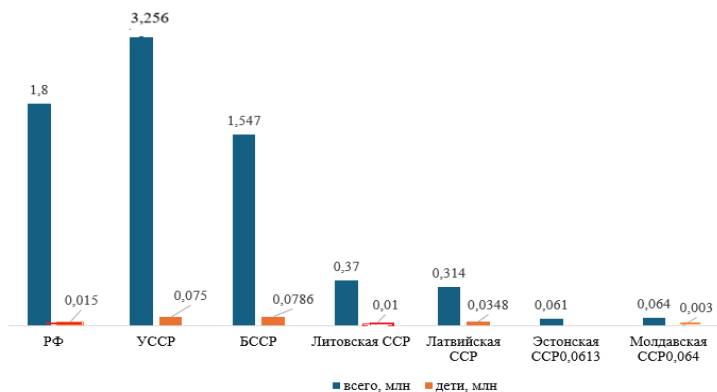

Рис. 2. Численность погибших в концлагерях Германии советских мирных жителей, млн чел. (составлено по [5])

3) превращение страны в сырьевой придаток и рынок бесплатной рабочей силы. Всего с оккупированных территорий на принудительный труд было угнано 5,27 млн человек. Задача европейской, и прежде всего немецкой, промышленности, использующей бесплатный труд восточных работников, являлась переработка полуфабрикатов, выращенной сельхозпродукции или добытого сырья на оккупированных территориях, которые рассматривались в экономическом плане как колонии для удовлетворения насущных нужд господствующей расы. Об обеспечении населения оккупированных территорий продуктами, необходимыми товарами и услугами не могло быть и речи;

4) снижения жизненного уровня местного населения. Так, уровень оплаты труда поддерживался на самом низком уровне, а цены – на высоком. Все излишки продукции, в особенности в аграрном секторе, либо изымались, либо подлежали сдаче по самым низким ценам. Все мероприятия, направленные на повышение жизненного уровня местного населения, пресекались

Заработные платы и цены на оккупированных территориях планировалось поддерживать на предельно низком уровне. Все излишки продукции, особенно в аграрном секторе, подлежали сдаче по минимальным ценам.

Казалось бы, прошло довольно большое количество времени. Но, на наш взгляд, отголоски Генерального плана «Ост» проявляются даже в наши дни. Во-первых, достаточно обратить внимание на риторику стран коллективного Запада по отношению к нашей стране. Неоднократно выдвигались тезисы о том, что Россия – угроза

национальной безопасности для той или иной страны, что Россию необходимо поделить на несколько самостоятельных государств. Во-вторых, нельзя упускать события, которые сейчас происходят на территории Украины, в ходе которых погибают как русский, так и украинский народы.

«Генеральный план Ост» — это план геноцида и колонизации, сопоставимый по масштабу замысла с самыми мрачными страницами колониальной истории. Он сочетал в себе методы физического уничтожения, депортаций, преднамеренного создания голода и расовой сегрегации. Он был логическим продолжением нацистской расовой идеологии, конечной целью которой являлось уничтожение целых народов Восточной Европы. И также не стоит упускать из внимания тот факт, что отголоски этого плана до сих пор находят место в риторике большинства стран коллективного Запада, даже тех стран, которые, казалось бы, безмерно пострадали от фашистского режима. Тех стран, которые должны были знать и помнить, что есть фашистское зло.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пикер, Г. Застольные разговоры Гитлера / Г. Пикер. – Смоленск: Фирма «Русич», 1993. – 484 с. URL: <https://rusneb.ru> (дата обращения: 24.04.2026).
2. Замечания и предложения «Восточного министерства» по генеральному плану «Ост». URL: <https://sceptsis.net> (дата обращения: 22.04.2026).
3. Дашичев, В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы, материалы. Т.1. / В.И. Дашичев. - Москва: Изд-во «Наука», 1973. – 768 с. URL: <https://djvu.online/file> (дата обращения: 22.04.2026).
4. Дашичев, В.И. Генеральный план «Ост» и современность. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 22.04.2026).
5. Кривошеев, Г. Ф. Великая Отечественная война. Без грифа секретности. Книга потерь / Г. Ф. Кривошеев, В. Н. Андронников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин. – Москва: Изд-во «Вече», 2010. – 384 с.
6. Балабанова, Г. Г. Демографические проблемы РФ в ракурсе третьего демографического перехода / Г. Г. Балабанова // В кн. Общество и власть: социально-экономические аспекты и публичная политика. - Белгород: Изд-во БГТУ им. В. Г. Шухова, 2020. – С. 104-120.

Дузинкевич Ю.А.

*Научный руководитель: Арская Е.В., канд. экон. наук, доц.
Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия*

ТРАНСФОРМАЦИЯ АУДИТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Принятие национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в 2017 году закрепило курс на глубокую цифровизацию хозяйственной деятельности, неизбежно затронувший механизмы независимой проверки бизнеса. ERP-системы, облачные платформы, блокчейн и инструменты анализа больших данных формируют принципиально иную среду для формирования проверяемой информации. По данным Министерства финансов РФ, к 2021 году свыше 70% крупнейших аудируемых компаний вели учёт преимущественно в автоматизированных системах [16, 18]. Это открывает возможность сплошной проверки данных, но одновременно порождает новую категорию рисков: манипулирование алгоритмами формирования записей, кибератаки на учётные базы и системные ошибки автоматической классификации операций.

Потенциал цифровых технологий для повышения качества аудита очевиден. Однако реальность их внедрения значительно сложнее: нормативные пробелы, дефицит специализированных компетенций и высокие транзакционные издержки адаптации создают устойчивое противоречие между возможным и действительным. В российской научной литературе данное противоречие до сих пор не получило комплексного осмысления, что определяет актуальность настоящего исследования.

Российские исследования 2020–2021 годов образуют несколько взаимодополняющих направлений. Рогуленко Т.М. и Пономарёва С.В. предложили развёрнутое определение цифрового аудита как комплекса процедур, опирающихся на автоматизированную обработку массивов, структурированных и неструктурированных данных, разграничив его с традиционным аудитом по полноте охвата, скорости обработки и глубине аналитики [9]. Бровкина Н.Д. установила, что при корректной настройке систем роботизированной автоматизации (RPA) трудозатраты на рутинные проверочные операции сокращаются на 40–60%, при этом профессиональное суждение в нестандартных ситуациях

остаётся незаменимым [1].

Соколов Б.Н. и Рукин В.В. предложили расширенную классификацию рисков существенного искажения, специфических для цифровой учётной среды [11]. Кондраков Н.П. проанализировал трансформацию статистических подходов к аудиторской выборке в условиях сплошной доступности данных. Лабынцев Н.Т. и Ковалёва О.В. поставили актуальный вопрос о порядке документирования алгоритмических аудиторских решений - вопрос, не имеющий пока нормативного ответа [4, 5].

Цифровой аудит - система процедур, работающих непосредственно с первичными учётными данными в их исходном цифровом формате, в момент, максимально приближённый к их формированию. Data-driven аудит предполагает вынесение суждений на основе анализа всей доступной совокупности данных, а не репрезентативной выборки. По оценкам Дружиловской Т.Ю., такой подход снижает риск необнаруженного существенного искажения на 25–35% по сравнению с традиционным выборочным методом [3]. Инструменты Business Intelligence позволяют визуализировать паттерны хозяйственных операций, автоматически флажировать нетипичные транзакции и строить предиктивные модели риска.

Применение искусственного интеллекта охватывает три ключевых направления. Первое - обработка неструктурированных документов посредством OCR и NLP. Второе - выявление аномалий: методы машинного обучения (isolation forest, autoencoders) обнаруживают отклонения, недоступные человеческому взгляду. Третье - прогнозирование зон риска до начала детальных процедур. Лабынцев Н.Т. и Ковалёва О.В. экспериментально показали, что модели на базе градиентного бустинга превосходят традиционные аналитические процедуры по точности выявления признаков мошенничества при работе с большими массивами транзакционных данных [5].

Непрерывный аудит (continuous auditing) означает постоянный или высокочастотный мониторинг финансовых данных и бизнес-процессов посредством интеграции аудиторских инструментов непосредственно с ERP-системами клиента. Шеремет А.Д. и Суйц В.П. формулируют ключевой тезис: непрерывный аудит трансформирует не только методологию, но и темпоральную логику аудиторских суждений - годовой цикл уступает место динамическому контролю [6]. Горелик О.М. характеризует происходящий сдвиг как переход аудитора от функции верификатора к функции аналитика-интерпретатора: аудитор оценивает системную логику формирования данных, надёжность алгоритмов и достаточность внутренних контролей в

автоматизированной среде [2].

Действующие российские федеральные стандарты аудиторской деятельности (ФСАД), разработанные на основе МСА, не запрещают применение автоматизированных инструментов, однако специальных требований к верификации алгоритмов, документированию машинных аудиторских процедур и критериям оценки их качества не предусматривают [8, 17]. Образующийся регуляторный вакуум порождает избыточную осторожность и тормозит инновации именно там, где они наиболее необходимы.

Значительная часть российских предприятий, прежде всего субъекты малого и среднего бизнеса, использует устаревшие или разнородные учётные системы, для которых экспорт данных в стандартизированных форматах представляет серьёзную проблему [15]. Дополнительным барьером служит кибербезопасность: предоставление аудитору удалённого доступа к учётным данным создаёт реальную угрозу утечки конфиденциальной информации [14]. Согласно данным Саввиных В.Н., менее 20% действующих российских аудиторов обладают компетенциями в области анализа данных, достаточными для самостоятельного применения аналитических инструментов; система профессиональной подготовки хронически отстаёт от темпов технологических изменений [10].

Существенен и менее очевидный риск *automation bias* - чрезмерного доверия к результатам алгоритмов, ведущего к атрофии профессионального скептицизма [7]. Если обучающая выборка модели смещена, её прогнозы будут систематически ошибочными, причём незаметно для пользователя. Мизиковский Е.А. и Мизиковский И.Е. указывают, что данная проблема особенно остра в системах внутреннего аудита, где критическая проверка алгоритмических решений нередко подменяется их механическим принятием [6].

Цифровая трансформация аудита представляет собой объективный и необратимый процесс: большие данные, искусственный интеллект и непрерывный мониторинг - уже сегодняшняя реальность профессии, пусть и неравномерно распределённая по рынку [12]. Вместе с тем переход к цифровому аудиту сопряжён с комплексом институциональных, технологических и кадровых ограничений, проявляющихся в российских условиях с особой остротой. Их преодоление требует скоординированных усилий: обновления нормативной базы, реформы системы профессиональной подготовки, разработки отраслевых стандартов применения аналитических технологий [10, 16].

Научная новизна настоящей работы состоит в комплексной

систематизации эффектов и ограничений цифровой трансформации применительно к специфике российской регуляторной и институциональной среды. Перспективные направления дальнейших исследований: эмпирическая проверка реальной эффективности цифровых инструментов на российском аудиторском рынке; выработка критериев качества алгоритмических аудиторских процедур; изучение влияния цифровизации на независимость аудитора - вопрос, который, вероятно, окажется наиболее практически значимым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бровкина Н.Д. Роботизированная автоматизация процессов в аудите: возможности и ограничения // Аудит и финансовый анализ. 2021. № 2. С. 14–22.
2. Горелик О.М. Трансформация роли аудитора в условиях цифровизации экономики // Учёт. Анализ. Аудит. 2021. Т. 8. № 3. С. 55–65.
3. Дружиловская Т.Ю. Подходы к организации аудита в условиях применения больших данных // Международный бухгалтерский учёт. 2020. Т. 23. № 9. С. 1008–1024.
4. Кондраков Н.П. Аудиторская выборка в автоматизированных учётных системах: современные подходы // Бухгалтерский учёт. 2021. № 4. С. 41–48.
5. Лабынцев Н.Т., Ковалёва О.В. Применение методов машинного обучения для выявления признаков мошенничества в финансовой отчётности // Аудитор. 2021. № 6. С. 23–31.
6. Мизиковский Е.А., Мизиковский И.Е. Цифровые технологии в системе внутреннего аудита // Экономический анализ: теория и практика. 2020. Т. 19. № 10. С. 1876–1891.
7. Миронова О.А., Азарская М.А. Качество аудита в условиях цифровой трансформации // Аудит и финансовый анализ. 2021. № 1. С. 32–40.
8. Подольский В.И., Савин А.А. Аудит в цифровую эпоху: методологические аспекты // Аудиторские ведомости. 2020. № 3. С. 3–12.
9. Рогоуленко Т.М., Пономарёва С.В. Концептуальные основы цифрового аудита // Вестник университета. 2020. № 7. С. 103–110.
10. Саввиных В.Н. Компетентностная модель аудитора в условиях цифровой экономики // Экономика и управление. 2021. № 8. С. 619–627.
11. Соколов Б.Н., Рукин В.В. Риски существенного искажения в автоматизированных учётных системах // Аудит и финансовый анализ.

2020. № 4. С. 11–18.

12. Суглобов А.Е. Инновационные технологии в аудиторской деятельности // Аудиторские ведомости. 2020. № 5. С. 25–34.

13. Шеремет А.Д., Суйц В.П. Непрерывный аудит: теоретические основы и практические перспективы // Аудит и финансовый анализ. 2020. № 6. С. 4–12.

14. Щербакова Н.С. Блокчейн-технологии и их влияние на организацию аудита // Финансы и кредит. 2021. Т. 27. № 3. С. 612–628.

15. Эриашвили Н.Д., Борохов В.Н. Цифровизация аудиторской деятельности в Российской Федерации: состояние и перспективы // Экономические науки. 2021. № 196. С. 90–95.

16. Министерство финансов Российской Федерации. Концепция развития аудиторской деятельности в России до 2024 года. М.: Минфин России, 2020. 38 с.

17. Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (ред. от 26.11.2019). - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.04.2026).

18. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утверждена распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р. - URL: <http://government.ru> (дата обращения: 21.04.2026).

УДК 005.21

Дюндина В.П.

Научный руководитель: Уразбахтина Л.Р., канд. экон. наук, доц.

Казанский государственный энергетический университет,

г. Казань, Россия

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ КОМПАНИЕЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: МЕХАНИЗМЫ УСТОЙЧИВОСТИ

Современная деловая среда характеризуется не циклическими кризисами, а хронической нестабильностью. Геополитические сдвиги, перестройка глобальных логистических маршрутов, санкционные ограничения и волатильность финансовых рынков создали новые условия, в которых традиционные модели долгосрочного стратегического планирования демонстрируют ограниченную эффективность. Для российских компаний эти вызовы дополнены задачами технологического суверенитета, переориентации цепочек создания стоимости и адаптации к изменяющейся макроэкономической политике. В таких условиях стратегическое управление перестает быть

исключительно инструментом роста и превращается в механизм обеспечения операционной устойчивости. Цель данной работы – выявить и систематизировать механизмы, позволяющие компаниям сохранять функциональность и потенциал развития в условиях внешней турбулентности, с учетом специфики российского бизнеса.

В России нестабильность проявляется не только в макроэкономике, но и в структурных ограничениях. Производственные компании сталкиваются с необходимостью замещения критически важных компонентов, что требует перестройки не только закупочной политики, но и технологических процессов. Розничные сети и логистические операторы вынуждены адаптировать модели дистрибуции к новым торговым коридорам, что увеличивает сроки и стоимость поставок. IT-сектор, несмотря на быстрый рост внутреннего спроса, испытывает давление в части доступа к аппаратной базе и международным экосистемам разработки. При этом малый и средний бизнес часто оказывается в более уязвимом положении из-за ограниченного доступа к финансовым резервам и квалифицированным кадрам, тогда как крупные холдинги могут использовать масштаб для вертикальной интеграции и создания внутренних экосистем. Эти различия требуют дифференцированного подхода к формированию стратегической устойчивости [1].

Ярким примером адаптации служит ООО «Опора Плюс» – подрядная организация электросетевого комплекса Республики Татарстан, работающая на рынке с 2009 года [2].

За 15 лет работы предприятие выросло от субподрядчика в Приволжской зоне до организации, реализующей проекты за пределами Татарстана, включая Тюменскую область и федеральную трассу М-12. Для такой компании внешние вызовы имеют конкретное измерение: срыв сроков поставки высоковольтного оборудования или импортных комплектующих может парализовать строительство подстанции, а дефицит квалифицированных электромонтажников и инженеров ПНР требует постоянного партнерства с профильными вузами (КГЭУ, Казанский энергетический колледж, Апастовский аграрный колледж). Также ограничение доступа к зарубежному ПО и диагностическому оборудованию стимулирует развитие собственных решений – так, компания запатентовала программу ОСУЗ для оптимизации управленческих задач.

Эффективное стратегическое управление в условиях нестабильности требует синхронизации финансовых, операционных и управленческих инструментов [3]. На примере «Опоры Плюс» можно

проследить, как теоретические принципы воплощаются в конкретных действиях.

Финансовая устойчивость формируется не только через резервы, но и через диверсификацию портфеля заказов. Компания работает как с крупными госзаказчиками (АО «Сетевая компания»), так и с промышленными предприятиями, что снижает риски зависимости от одного контрагента.

Операционная гибкость реализуется через переход от жестких схем к адаптивным. Внедрение платформы «1С: Комплексная автоматизация» в 2016 году позволило ускорить обработку информации и повысить прозрачность бизнес-процессов. При этом компания сознательно развивает собственные компетенции: создание электротехнической лаборатории, обучение бригад работе под напряжением, обновление парка спецтехники – все это снижает зависимость от внешних подрядчиков.

Стратегическое ядро системы устойчивости строится на трех компонентах, которые работают вместе. Сценарное планирование в действии. Компания не полагается на единственный прогноз. Реализация крупных проектов (например, ПС 110 кВ «Верхний Услон» или вынос сетей на трассе М-12) сопровождалась проработкой альтернативных сценариев: от оптимистичного (досрочный ввод) до кризисного (задержка поставок, погодные аномалии). Успешное восстановление ЛЭП после ледяного дождя в 2022 году в трех районах Татарстана стало возможным именно благодаря заранее отработанным алгоритмам действий в форс-мажорных условиях.

Внедрение бережливого производства («Основы бережливого производства», 2024) и системы непрерывных улучшений позволяет компании оперативно реагировать на отклонения. Мастера и кураторы регулярно выезжают на объекты для анализа эффективности, а рационализаторские предложения сотрудников внедряются в реальные процессы. Каждый новый сотрудник проходит обучение и сдает внутренний экзамен на знание положений «Бережливого производства», это реализует принцип управления «по отклонениям», позволяя купировать проблемы на ранней стадии. На рисунке 1, представлена схема системы 5С, которой пользуется каждый сотрудник компании.

Рис. 1. Система 5С - Эффективный метод организации рабочих мест

В условиях дефицита кадров компания делает ставку на опережающее обучение. Партнерство с учебными заведениями, организация экзаменов на собственной площадке, внутренние конкурсы профессионального мастерства («Лучшая бригада электромонтеров») – все это формирует лояльное ядро специалистов.

Ценности компании («Всегда старайся сделать лучше», «Не бойся признавать ошибки») транслируются не как лозунги, а как критерии принятия решений в полевых условиях [4].

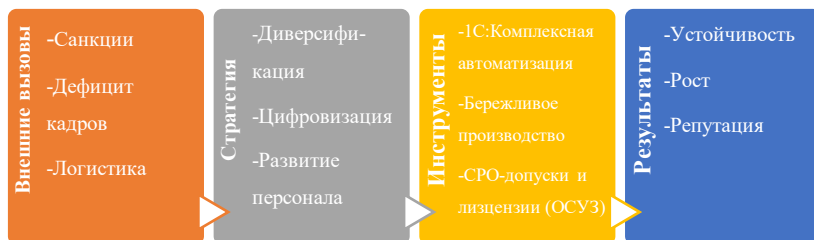

Рис. 2. Модель адаптивного управления в ООО «Опора Плюс»

Внедрение описанных механизмов сопряжено с издержками. Создание резервов замораживает капитал, а инвестиции в обучение и цифровизацию требуют времени для отдачи. Однако наблюдения за практикой «Опоры Плюс» показывают, что организации, сумевшие

выстроить баланс между рентабельностью и устойчивостью, демонстрируют более высокую скорость адаптации. Компания не только сохранила объемы работ в период 2022–2024 гг., но и расширила географию присутствия, защитила патент на собственное ПО и заняла призовые места в национальных рейтингах производительности.

Количественная оценка этого эффекта требует дальнейших отраслевых исследований, но вывод очевиден: устойчивость – это не статичное состояние, а непрерывный процесс настройки.

Таким образом, глобальная нестабильность превратилась в постоянный фон функционирования бизнеса. Стратегическое управление в таких условиях смещает фокус с максимизации прибыли на обеспечение операционной устойчивости [5]. Предложенная система механизмов – финансовая автономия, операционная гибкость и адаптивное стратегическое ядро – формирует каркас организации, способной не только противостоять внешним шокам, но и использовать их для трансформации. Практика ООО «Опора Плюс» подтверждает: успех зависит не от универсальных рецептов, а от способности интегрировать внешние вызовы во внутреннюю логику развития, учитывая отраслевую специфику, размер компании и доступные ресурсы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будагов, А. С. Особенности внедрения стратегий управления изменениями в инициативах по цифровой трансформации предприятий с позиций стратегического управления / А. С. Будагов, Н. Н. Трофимова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 5, № 5(146). – С. 91-97. – DOI 10.36871/ek.ur.p.r.2024.05.05.013. – EDN CZPCCW.

2. ООО «Опора Плюс»: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://opora.plus> (дата обращения: 27.04.2026).

3. Большакова, А. С. Инновационные подходы к формированию экономической стратегии предприятия в условиях глобализации рынка / А. С. Большакова, Л. Р. Уразбахтина // Управление экономикой, системами, процессами: Сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Пенза, 15–16 октября 2025 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. – С. 122-126. – EDN MOOEZN.

4. ООО «Опора Плюс» (ИНН 1655191830) // Rusprofile.ru: информационный сервис. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rusprofile.ru> (дата обращения: 29.04.2026).

5. Мызникова, М. А. Трансформация стратегического управления отечественных социально-экономических систем через призму смены парадигм стратегического управления / М. А. Мызникова // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2021. – № 1. – С. 150-159. – EDN PPLIAS.

УДК 338.27

Жозеф Майеса

***Научный руководитель: Божков Ю.Н., канд. экон. наук, доц.
Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия***

ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА ГАИТИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Актуальность исследования обусловлена тем, что внутренний рынок Гаити играет ключевую роль в обеспечении экономической безопасности страны. Несмотря на высокую зависимость от импорта и внешней помощи, именно развитие национального производства и внутреннего рынка может способствовать уменьшению негативных тенденций в экономике страны [1].

Следует отметить, что важным фактором сформировавшихся проблем внутреннего рынка является региональная специфика Гаити. Географические особенности страны, частая подверженность стихийным бедствиям, включая землетрясения и ураганы, усугубляют существующие ограничения внутреннего рынка. Нарушение транспортных и информационно-коммуникационных связей приводит к перебоям поставок, росту издержек и снижению объема национального производства. В сочетании с экономической нестабильностью и ограниченными ресурсами государства, эти структурные барьеры создают системный эффект, который препятствует полноценному развитию внутреннего рынка и удерживает страну в состоянии экономической нестабильности [2].

В настоящее время внутренний рынок Гаити сталкивается с множеством структурных барьеров, которые ограничивают его эффективное функционирование и развитие. Эти барьеры имеют комплексный характер и включают физическую, институциональную, финансовую, технологическую и социально-экономическую составляющие [3].

Прежде всего, важным фактором является неразвитая национальная инфраструктура. Транспортные магистрали страны

находятся в неудовлетворительном состоянии, многие из них непроходимы в сезон дождей, что затрудняет перемещение товаров и снижает скорость доставки продукции к потребителям. Ограниченные возможности хранения и переработки продукции создают дополнительные издержки для производителей, повышая стоимость товаров на внутреннем рынке.

Вторым значимым барьером является институциональная и законодательная среда. В стране отмечается слабое регулирование торговой деятельности, недостаточная защита прав предпринимателей и ограниченные возможности для развития малого и среднего бизнеса. Коррупция и бюрократические препятствия также затрудняют доступ к государственным программам поддержки и инвестициям, что снижает мотивацию предпринимателей расширять производство и выходить на внутренний рынок [4].

Третьей ключевой проблемой является финансовая ограниченность. Местные предприятия испытывают серьезные трудности с доступом к банковскому кредитованию, инвестициям и страховым инструментам. Высокие процентные ставки и отсутствие специализированных программ поддержки малого бизнеса создают финансовый барьер для расширения производства и модернизации технологий. В результате многие предприниматели вынуждены ограничиваться мелкими объемами производства и не могут конкурировать с импортными товарами, которые зачастую дешевле и доступны шире [5].

Также нельзя не учитывать социально-экономические и географические особенности Гаити. Страна подвержена частым стихийным бедствиям, что делает внутренний рынок уязвимым к сбоям поставок и системным кризисам.

Следует отметить, что географическая фрагментация территории страны, высокий уровень бедности и низкая покупательная способность населения также ограничивают возможности для развития национального рынка, создавая ситуацию, когда спрос и предложение находятся в дисбалансе.

Таким образом, анализ структурных барьеров показывает, что внутренний рынок Гаити ограничен одновременно несколькими факторами: недостатком инфраструктуры, финансовых и технологических ресурсов, слабой институциональной поддержкой и социально-экономическими особенностями. Эти ограничения создают системный эффект, при котором развитие национального производства затруднено, а внутренний рынок остается слабо интегрированным и уязвимым к внешним и внутренним шокам.

Систематизация структурных проблем, дестабилизирующих экономику Гаити, позволит в будущем грамотно сформировать эффективную национальную стратегию экономического развития, выделив ключевые национальные факторы успеха.

Ключевые барьеры внутреннего рынка Гаити представим в таблице 1.

Таблица 1. Основные структурные барьеры внутреннего рынка Гаити

Барьер (проблема)	Содержание	Влияние на внутренний рынок
Физическая инфраструктура	Плохие дороги, ограниченные порты, недостаток складов	Высокие транспортные издержки, замедление поставок
Институциональная среда	Бюрократия, коррупция, слабая защита предпринимателей	Ограничение роста бизнеса, снижение инвестиций
Финансовые ограничения	Высокие процентные ставки, трудности с кредитами	Недостаток оборотного капитала, ограничение модернизации
Технологический и информационный дефицит	Низкая компьютеризация, слабый маркетинг, отсутствие статистики	Сложности с сбытом продукции, неэффективное планирование
Социально-экономические факторы	Низкая покупательная способность, стихийные бедствия, географическая фрагментация	Дисбаланс спроса и предложения, уязвимость рынка

Эффективное развитие национального внутреннего рынка Гаити невозможно без комплексного подхода, направленного на устранение существующих структурных ограничений. В современных экономических условиях ключевым фактором является согласованное взаимодействие государства, частного сектора и международных партнеров для создания условий, способствующих росту производства, улучшению логистики, повышению финансовой доступности и развитию технологий [6].

Первым шагом на пути укрепления внутреннего рынка является модернизация физической инфраструктуры. Улучшение состояния дорог, развитие транспортных коридоров, портов и складских

мощностей создаст условия для более быстрой и эффективной доставки товаров.

Вторым направлением является совершенствование институциональной и законодательной среды. Прозрачная налоговая и регуляторная политика, поддержка малого и среднего бизнеса, снижение бюрократических барьеров и борьба с коррупцией позволят предпринимателям более уверенно инвестировать в развитие производства и расширять присутствие на внутреннем рынке.

Третьим важным шагом является повышение финансовой доступности для производителей [7].

Также, для учета социально-экономических и географических особенностей Гаити представляется возможным разработать программы государственной поддержки регионов, подверженных стихийным бедствиям.

Систематизация предложений по преодолению структурных барьеров эффективного формирования внутреннего рынка представлена в таблице 2, где отображены ключевые проблемы, возможные решения и ожидаемый эффект.

Таблица 2. Пути преодоления структурных барьеров внутреннего рынка Гаити

Барьер	Возможные решения	Ожидаемый эффект
Физическая инфраструктура	Ремонт дорог, развитие портов и складов	Снижение транспортных издержек, ускорение поставок
Институциональная среда	Прозрачная налоговая политика, поддержка МСП, борьба с коррупцией	Рост инвестиций, расширение бизнеса
Финансовые ограничения	Кредитные и инвестиционные программы, микрофинансы	Увеличение оборотного капитала, модернизация производства
Технологический и информационный дефицит	Цифровизация, электронные платформы, доступ к аналитике	Эффективное планирование производства, расширение сбыта
Социально-экономические факторы	Региональные программы поддержки, страхование, стимулирование локального производства	Снижение дисбаланса спроса и предложения, устойчивость рынка

Подводя итог выше сказанному, отметим, что преодоление структурных проблем внутреннего рынка Гаити требует комплексного (всестороннего) подхода, включающего как государственные меры поддержки, так и международные (внешние) программы стимулирования внутреннего рынка. Реализация этих стратегических блоков позволит создать более конкурентоспособный, устойчивый и сбалансированный внутренний рынок, что является ключевым условием национального экономического роста и вхождения в мировую экономическую систему.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Новые подходы к взаимодействию реального и финансового секторов региональной экономики: монография / под общей ред. проф. А.С. Трошина. Белгород: БГТУ им. В.Г. Шухова, 2024. 243 с.
2. Dupuy, A. Haiti: The Political Economy of Growth and Development. New York: Routledge, 2019. 256 p.
3. FAO. The State of Food and Agriculture in Haiti. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2020. 64 p.
4. Inter-American Development Bank. Haiti: Economic and Social Overview. Washington, D.C.: IDB, 2021. 58 p.
5. Pierre, M., Louis, J. Challenges of Local Market Development in Haiti // Journal of Caribbean Studies. 2020. Vol. 8, № 2. P. 45-62.
6. UNDP. Human Development Report: Haiti. New York: United Nations Development Programme, 2022. 110 p.
7. World Bank. Haiti Economic Update: Toward a More Resilient Internal Market. Washington, D.C.: World Bank, 2021. 85 p.

УДК 620.91

Зарипова Ч.И.

*Научный руководитель: Бурганов Р.А., д-р экон. наук, проф.
Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань, Россия*

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЗЕЛЕННОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В ТАТАРСТАНЕ И В РОССИИ

Вопрос развития «зеленой» энергетики в последние годы перешел из сугубо научной плоскости в область практической экономики и большой политики. Особенно ярко это проявилось в 2020 году, когда тема декарбонизации и перехода на экологически чистые источники

стала приоритетной даже в условиях глобального экономического кризиса [1]. Россия, будучи крупнейшим поставщиком углеводородов, не может оставаться в стороне от этих процессов, и одним из наиболее перспективных регионов для отработки новых технологий является Татарстан. Анализ научных данных показывает, что республика обладает уникальным сочетанием промышленного потенциала, научной базы и инвестиционных возможностей для интеграции в формирующуюся водородную экономику [1].

В последние годы произошли существенные изменения в подходах к развитию возобновляемой энергетики. В 2026 году в республике стартует строительство первой ветровой электростанции «Свияжская ВЭС» в Буинском районе мощностью 268,8 мегаватт с вводом в эксплуатацию в 2028 году. Это знаковое событие, поскольку ранее развитие ветроэнергетики в регионе считалось нецелесообразным из-за климатических условий [2].

Ключевым направлением, способным обеспечить технологическое лидерство региона, является производство так называемого «зеленого» водорода. В отличие от «серого» или «синего» водорода, его получение не сопровождается выбросами углекислого газа [1]. Наиболее эффективным способом производства такого водорода в условиях Татарстана видится использование электролиза на тепловых электрических станциях с парогазовым циклом. Расчеты экономической эффективности такой технологии давали оптимистичные результаты еще в 2020 году: стоимость производства наиболее экологически чистого водорода на тепловых электрических станциях с парогазовым циклом в Татарстане оценивалась в среднем в 2 евро за килограмм [1]. Актуальные исследования 2026 года показывают, что при оптимистичном сценарии развития технологий и реализации мер государственной поддержки стоимость производства водорода в России может снизиться с текущих 15 долларов до 7,23 доллара за килограмм к 2050 году, причем порога конкурентоспособности в 10 долларов за килограмм удастся достичь примерно к 2035 году [3]. Эти данные подтверждают высокий потенциал региона в сфере водородной энергетики.

Количественные показатели, полученные в ходе анализа, подтверждают экономическую целесообразность внедрения технологии «Пауэр-ту-Газ» (что означает преобразование электроэнергии в газ). При использовании электролизной установки мощностью 1 мегаватт и производительностью 300 нормальных кубических метров в час (около 27 килограммов водорода в час) капитальные затраты на строительство оцениваются в 2,2 миллиона

евро, а ежегодные операционные расходы — в 110 тысяч евро [1]. Даже при цене электроэнергии 20 евро за мегаватт-час себестоимость производства водорода составляет всего 2,16 евро за килограмм [1]. Если отпускная цена водорода будет выше этой отметки, производство становится более выгодным, чем прямая продажа электроэнергии в сеть. Например, при рыночной цене водорода 6 евро за килограмм прибыль с каждого мегаватт-часа потраченной электроэнергии может составить 130 евро, что кардинально меняет экономическую модель работы электростанции [1].

Важно отметить, что развитие водородной энергетики не ограничивается лишь производством топлива. В Татарстане уже сейчас формируется спрос на него со стороны промышленности. Публичное акционерное общество «КАМАЗ» разрабатывает проект создания грузового автомобиля и автобуса на топливных элементах, для работы которых требуется водород высокой степени чистоты [1]. Кроме того, на предприятиях «Нижнекамскнефтехим» образуется побочный водородсодержащий газ. Планируемое строительство на Нижнекамской теплоэлектроцентрали-1 газотурбинной установки, способной сжигать такую смесь, является примером эффективной утилизации отходов и снижения углеродного следа собственного производства [1]. Согласно актуальным исследованиям, теоретический потенциал спроса на водород в России составляет около 18,2 миллиона тонн в год, при этом наиболее перспективными секторами являются металлургия и грузовой транспорт [3].

Помимо водородного направления, в структуре «зеленой» энергетики региона значительное место занимает биоэнергетика. Проведенные расчеты энергетического потенциала сельскохозяйственного сектора показывают, что переработка отходов животноводства и растениеводства является недооцененным ресурсом. Ежегодный объем отходов животноводства в республике оценивается в 5,57 миллиона тонн, при этом утилизируется лишь около 3 процентов от этого объема [2]. За счет переработки этих отходов потенциально можно получать от 152 до 333 миллионов кубических метров биогаза в год, что эквивалентно 192–422 тысячам тонн условного топлива [2].

Не менее впечатляющим выглядит и потенциал переработки отходов растениеводства. С учетом валового сбора основных культур и теплотворной способности отходов, их энергетический потенциал может достигать следующих значений: отходы зернобобовых — более 509 тысяч тонн условного топлива, подсолнечника — более 154 тысяч тонн условного топлива, сахарной свеклы — более 132 тысяч тонн условного топлива [2]. Дополнительным источником энергии могут

стать твердые коммунальные отходы: переработка только тех отходов, которые сейчас направляются на захоронение (54 процента от общего объема), позволила бы получить еще около 437 тысяч тонн условного топлива энергии [2]. Суммарно, использование возобновляемых источников на основе биомассы и отходов способно заместить до 20,8 процента энергии, получаемой от традиционных источников в регионе [2].

В более широком, общероссийском контексте, развитие альтернативной энергетики сталкивается как с преимуществами, так и с объективными ограничениями. К неоспоримым плюсам относится экологичность и неисчерпаемость ресурсов [4]. С развитием технологий себестоимость генерации «зеленой» энергии неуклонно снижается, что повышает инвестиционную привлекательность отрасли [4]. Государственная программа поддержки возобновляемых источников энергии предусматривала ввод к 2024 году 3,4 гигаватта ветроэлектростанций и 2,2 гигаватта солнечных мощностей [1].

Однако в таких регионах, как Татарстан, климатические условия (низкая инсоляция и недостаточная среднегодовая скорость ветра) долгое время ограничивали рентабельность солнечной и ветровой генерации [2]. Стоимость производства 1 киловатт-часа на солнечной батарее может достигать 3,6–8,6 рубля, в то время как на традиционной Заинской государственной районной электростанции этот показатель составляет около 2 рублей [2]. Тем не менее, начало строительства первой ветроэлектростанции в Буинском районе мощностью почти 270 мегаватт демонстрирует, что развитие технологий и снижение стоимости оборудования делают ветроэнергетику возможным даже в регионах с умеренным ветровым потенциалом. Согласно последним исследованиям, для достижения конкурентоспособности российской водородной энергетики необходимы форсированные меры поддержки, интеграция с экспортными рынками и локализация производства электролизеров, что позволит ускорить эффект обучения и снижения стоимости технологий [3].

В итоге, можно сказать, что стратегия развития «зеленой» энергетики не может быть единообразной для всех регионов. Для Татарстана, с его мощной промышленной базой и научным потенциалом, наиболее эффективным путем является не только развитие традиционных направлений биоэнергетики, но и углубленное развитие водородных технологий в сочетании с первыми шагами в ветроэнергетике. Синергия между производством дешевого «зеленого» водорода на тепловых электрических станциях с парогазовым циклом, его потреблением формирующимся кластером водородного транспорта

и утилизацией отходов нефтехимии и сельского хозяйства способна не только повысить энергоэффективность, но и создать принципиально новый экспортный продукт. Регион обладает всеми возможностями, чтобы стать конкурентоспособным центром производства и дистрибуции экологически чистого топлива [1].

БЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Филимонова А. А., Чичиров А. А., Чичирова Н. Д., Филимонов А. Г., Печенкин А. В. Перспективы развития водородной энергетики в Татарстане // *Известия высших учебных заведений. Проблемы энергетики*. — 2020. — № 4. — С. 45–52.

2. Моисеев Т. Д., Пакина А. А. Развитие возобновляемой энергетики как фактор перехода к «зеленой» экономике в Республике Татарстан. — М.: Юрайт, 2018. — 210 с.

3. Акулова А. Ш., Острина Е. М., Штрамель А. В. Развитие «зеленой» энергетики в России: преимущества и недостатки. — М.: Юрайт, 2020. — 180 с.

4. В Татарстане планируется строительство первой ветряной электростанции в 2026 году // *Казанские ведомости*. — 2026. — № 12. — С. 3.

УДК 394

Захарова Е.А., Бесьяева В.А.

*Научный руководитель: Давыдов Д.Г., канд. филос. наук, доц.
Мордовский государственный педагогический университет
им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия*

«НЕУДОБНЫЕ МЕРТВЕЦЫ»: ИСТОРИЯ КЛАДБИЩ В СОВЕТСКОМ ГОРОДЕ (1918-1930-е)

7 декабря 1918 года Совет Народных Комиссаров РСФСР принял декрет «О кладбищах и похоронах» [2, с. 163]. Формально этот документ передавал все кладбища в ведение местных Советов, отстранял религиозные организации от управления похоронным делом и вводил кремацию как допустимый, а в перспективе – предпочтительный способ погребения [1, с. 594]. Большевистское государство не просто национализировало некрополи – оно затеяло радикальную ревизию самой сущности того, как человек прощается с миром живых.

Смерть в Российской империи была делом церковным, общинным

и публичным. Хоронили при приходских храмах, на территории монастырей, на специально отведенных городских погостах. Похороны были ритуалом, скрепленным православной обрядностью: отходная молитва, отпевание, крест на могиле, поминальные дни [4, с. 192]. Декрет 1918 года этот порядок взрывал. Передача кладбищ в ведение коммунальных отделов означала, что смерть становилась делом государственным, хозяйственным, санитарным. Церковь отлучалась от кладбища не только юридически, но и символически: священнику больше не было места на погосте. В докладной записке архитектора С. Грузенберга в Комиссариат здравоохранения от 2 января 1919 года прямо утверждалось: «Кладбища подчинены религиозным организациям и культам, что противоречит современной идее свободы совести» [5, с. 78]. Свобода совести оборачивалась здесь свободой от совести — от той культурной традиции, которая веками определяла отношение русского человека к смерти.

На практике эта политика обернулась кампанией по закрытию, сносу и перепрофилированию кладбищ, которая развернулась с конца 1920-х годов и набирала обороты до начала Великой Отечественной войны [5, с. 79–80]. Уничтожение церковных некрополей было частью антирелигиозной кампании, но за ним стояла не только идеологическая ненависть к «поповщине». Была и вполне рациональная, даже циничная логика: кладбища занимали ценную городскую землю. Москва росла, строилось метро, расширялись улицы, возводились жилые массивы. Мертвые мешали живым — буквально. И если снести церковь было актом идеологической борьбы, то снести кладбище и построить на его месте парк культуры или жилой дом было актом «хозяйственной целесообразности» [5, с. 82].

Последствия были катастрофическими для исторической памяти. В Москве были полностью ликвидированы все кладбища на территории Кремля. Разгрому подверглись монастырские некрополи — за исключением Донского, который по счастливой случайности (или, точнее, по причине превращения в «музей архитектуры») избежал полного уничтожения [5, с. 85]. Древние надгробия с разрушенных кладбищ свозили в Донской монастырь, где они до сих пор лежат штабелями — каменные свидетели исчезнувших могил. Старинные памятники отправляли на продажу как строительный материал, по 20–30 рублей за штуку, из них «делали поребрики для тротуаров» [5, с. 86]. Утрачены могилы философа Николая Федорова, историка Дмитрия Иловайского и других деятелей русской культуры. Прах Николая Гоголя, Алексея Хомякова, Николая Языкова перенесли на Новодевичье кладбище — но это было исключением, а не правилом.

Большинство же могил просто исчезли, как исчезли и те, кто в них лежал.

Марсово поле в Петрограде стало первой площадкой этого эксперимента. 23 марта (5 апреля) 1917 года, еще при Временном правительстве, в братских могилах на Марсовом поле похоронили 184 жертвы Февральской революции. Могилу копали с помощью динамита, дно забетонировали, гробы уложили в бетонные монолиты – это было не просто погребение, а инженерное сооружение, памятник новой эпохе [5, с. 87]. А 12 апреля 1918 года вышел декрет «О памятниках Республики», который положил начало ленинскому плану монументальной пропаганды. Марсово поле переименовали в Площадь жертв Революции, а захоронения там продолжились: в 1918 году похоронили комиссара Володарского, затем Нахимсона, Урицкого. И хотя архитекторы протестовали против новых захоронений, нарушавших цельность композиции, «частные похороны» продолжались до 1933 года [5, с. 88].

Этот новый некрополь принципиально отличался от старого. Здесь не было крестов, не было икон, не было молитв. Вместо этого – бетон, гранит, суровые эпитафии, сочиненные наркомом просвещения Анатолием Луначарским [3, с. 448]. Герои революции умирали не для того, чтобы воскреснуть в Царствии Небесном, а для того, чтобы жить в памяти народной и в борьбе пролетариата.

Еще более радикальным экспериментом стал крематорий. Идея огненного погребения витала в воздухе еще до революции – ее пропагандировали позитивисты, социалисты-рационалисты, люди, для которых христианское погребение в землю было пережитком средневековья [6, с. 188]. Но реализовать эту идею удалось только при советской власти.

Первая попытка создать крематорий в Петрограде в 1920 году окончилась неудачей: отечественная печь «Металлург» постоянно ломалась, и предприятие закрылось через три месяца [6, с. 190]. Москва подошла к делу основательнее. В 1925 году Президиум Моссовета принял решение: «Одобрить предложение МКХ об устройстве крематория в здании кладбищенской церкви-усыпальницы на кладбище Донского монастыря» [6, с. 191]. Выбор места был глубоко символичным: православную церковь переоборудовали под крематорий, превратив храм в фабрику смерти.

Автором проекта стал архитектор Дмитрий Осипов, который перестроил церковь Серафима Саровского и Анны Кашинской, освященную в 1914 году. Колокольню снесли, на ее месте возвели бетонный параллелепипед. В верхнем храме устроили ритуальный зал,

в нижнем, на месте алтаря, установили немецкие кремационные печи фирмы «Топф и сыновья». Орган для зала прощания реквизировали из лютеранской церкви [6, с. 192]. Смерть становилась индустрией.

11 января 1927 года состоялось пробное испытание. Первым кремировали рабочего Мытищинской водоподъемной станции, члена ВКП(б) Федора Соловьева, 53 лет, который перед смертью завещал сжечь себя. Сожжение продолжалось полтора часа, его сняли на киноленту – документ, до нас не дошедший, но сам факт съемки говорит о многом: новое государство фиксировало свои ритуалы, создавало свою историю [6, с. 193].

Крематорий открылся официально 12 января 1927 года и в течение следующих двадцати лет оставался единственным на территории СССР. Пропускная способность составляла 16-18 тел в сутки, себестоимость одного сожжения – около 12 рублей [6, с. 194]. В прессе развернулась кампания по популяризации кремации. Газета «Вечерняя Москва» писала: «В Москве состоялось первое собрание учрежденного Общества распространения идей кремации в СССР. Общество объединяет всех сочувствующих этой идее. Годовой членский взнос составляет 50 копеек» [6, с. 195]. Организовывали рабочие экскурсии в крематорий – в духе времени, смерть стала объектом просвещения.

В 1932 году общество преобразовали во Всероссийское кремационное общество. Членские билеты за первыми номерами передали Сталину, Молотову и Калинин [6, с. 196]. Показательно, что ни один из них, насколько известно, не был кремирован, но символическое значение этого жеста было огромным: вожди одобряли, вожди были «за». Агитаторы противопоставляли кремацию традиционному погребению как «передовой метод» — «отвратительным могильным червям» [4, с. 203].

Но за этой пропагандой стояла и другая, более мрачная реальность. С началом массовых репрессий в 1930-х годах крематорий заработал на полную мощность – не как символ прогресса, а как конвейер уничтожения. Тела расстрелянных из подвалов Лубянки, из Лефортова и других мест привозили в крытых грузовиках на Донское кладбище под покровом темноты. Пепел сваливали в братские могилы – траншеи с циничной табличкой «могила невестребованных прахов» [5, с. 90]. Крематорий, который задумывался как символ рационального отношения к смерти, стал инструментом ее тотального обезличивания – тело исчезало в огне, исчезало бесследно, оставляя лишь горстку пепла, смешанную с пеплом других «врагов народа» [3, с. 455].

Одновременно с крематорием работали и другие механизмы советизации смерти. Старые кладбища не просто закрывали – их

превращали в парки. Братское кладбище героев Первой мировой войны, основанное в 1915 году, в 1925 году передали в ведение Садового подотдела Московского коммунального хозяйства, а кладбищенскую контору уничтожили. На его месте разбили парк [5, с. 91]. Но еще до этого, в 1918–1920 годах, на этом же кладбище хоронили расстрелянных в годы Красного террора – их свозили сюда с Петровского парка. Здесь же нашли последний приют белогвардейцы, офицеры царской армии, военнопленные. А в 1926–1927 годах к этой практике подключилось Ваганьковское кладбище: сюда из ОГПУ приходили документы на безымянные трупы, их массово закапывали в овраге [5, с. 92]. В более поздние времена сотрудники кладбища, роя обычные могилы, находили останки – «расстрелку», как они ее называли. Старое кладбище, закрытое и превращенное в парк, продолжало хранить тайны — тайны, о которых нельзя было говорить вслух [5, с. 93].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Соколова А. В борьбе за равное погребение: похоронное администрирование в раннем СССР / А. Соколова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2019. – № 1-2. – С. 594–621. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-borbe-za-ravnoe-pogrebenie-pohoronnoe-administrirovanie-v-rannem-sssr> (дата обращения: 18.04.2026).
2. Декрет СНК О кладбищах и похоронах // Декреты Советской власти. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. – Т. 4. – С. 163–164.
3. Смолкин-Ротрок В. Проблема «обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии / В. Смолкин-Ротрок // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 3–4 (30). – С. 430–463.
4. Соколова А.Д. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!» Эволюция похоронного обряда в Советской России / А.Д. Соколова // Отечественные записки. – 2013. – № 5(56). – С. 191–208.
5. Соколова А.Д. Новый мир и старая смерть: судьба кладбищ в советских городах 1920–1930-х годов / А.Д. Соколова // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2018. – № 1 (117). – С. 74–94.
6. Соколова А.Д. Трансформации похоронного обряда в 1920-е года / А.Д. Соколова // Традиционная культура русского народа в период 1920–1930-х годов: трансформации и развитие / отв. ред. В.А. Липинская. – М.: Индрик, 2016. – С. 187–202.

Канищев Д. В., Вдовина Ю. Н.

Научный руководитель: Ломако Л. Л., ст. преп.

Белгородский государственный технологический университет

им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Россия

ПАРАДОКС ВРЕМЕНИ В ФИЛОСОФИИ: МЕЖДУ ОНТОЛОГИЕЙ, СОЗНАНИЕМ И ПЕРЕЖИВАНИЕМ

Проблема времени занимает особое место в истории философии, поскольку соединяет вопрос о строении мира с вопросом о способе человеческого самопонимания. В повседневности время кажется очевидным: оно измеряется часами, организует труд, память и ожидание. Однако при попытке строгого определения эта очевидность исчезает. Прошлого уже нет, будущее еще не наступило, а настоящее не удерживается как длительная данность. Именно поэтому Августин Блаженный формулировал проблему времени как внутреннее затруднение человеческого сознания: пока о времени не спрашивают, оно кажется понятным, но прямой вопрос разрушает эту уверенность [1].

Цель статьи состоит в том, чтобы показать, что парадокс времени возникает не из недостатка определений, а из многослойности самого феномена. Время одновременно относится к порядку вещей, к последовательности событий, к структуре сознания и к индивидуальному переживанию длительности. Для уточнения этих уровней далее сопоставлены основные философские подходы, представленные в истории европейской мысли.

В античной философии были заданы две противоположные интуиции, определившие последующие дискуссии. Гераклит связывал бытие с непрерывным становлением: мир существует как поток изменений, поэтому устойчивость предметов и самого человека оказывается относительной. Парменид, напротив, утверждал первичность единого и неподвижного бытия; движение и временная изменчивость в такой перспективе выступают следствием несовершенного чувственного восприятия [2]. Следовательно, уже в античности время предстает не только физическим, но и онтологическим вопросом: оно либо выражает саму реальность изменения, либо фиксирует границу между подлинным бытием и миром видимости.

Для наглядного сопоставления ключевых позиций основные

трактовки времени представлены в табл. 1. Таблица показывает, что каждая концепция решает один аспект проблемы, но одновременно порождает новый вопрос о соотношении времени, бытия и субъекта.

Таблица 1 - Основные философские трактовки времени

Подход	Понимание времени	Проблемный акцент
Античный	время как становление или как иллюзия изменчивости	соотношение движения и подлинного бытия
Классический	время как абсолютная мера либо порядок последовательности событий	статус времени: самостоятельная реальность или отношение
Психологический	время как память, внимание и ожидание	зависимость длительности от внутреннего опыта
Трансцендентальный	время как форма внутреннего созерцания	границы познания и роль субъекта

В Новое время спор о природе времени получил иное выражение. Исаак Ньютон рассматривал время как абсолютную и равномерную длительность, существующую независимо от конкретных событий. Готфрид Вильгельм Лейбниц, напротив, отрицал самостоятельное бытие времени и связывал его с порядком последовательности явлений. Тем самым вопрос о времени был перенесен из сферы космологических образов в область анализа отношений между событиями [3; 4].

Особое значение для философии времени имеет линия, связывающая время с внутренним опытом. Августин полагал, что прошлое существует как память, будущее - как ожидание, а настоящее - как внимание [1; 5]. В этой трактовке время не исчезает, но меняет свой онтологический статус: оно обнаруживается не как внешняя вещь, а как способ организации душевной жизни. Данная мысль важна тем, что переводит проблему времени из области внешнего мира в область самосознания.

Дэвид Юм усилил этот психологический ракурс, указав, что человеку не дано отдельное чувственное впечатление времени. Мы не воспринимаем время так же, как цвет или звук; мы выводим его из последовательности состояний сознания. Если впечатления перестают сменять друг друга, исчезает и переживание длительности. Однако такой подход оставляет открытым вопрос о единстве личности: если сознание представляет собой поток отдельных восприятий, необходимо

объяснить, каким образом прошлые состояния связываются с настоящими в устойчивую биографическую целостность.

Иммануил Кант предложил трансцендентальное решение этой трудности. В его системе время не является свойством вещей самих по себе, а выступает априорной формой внутреннего созерцания [6]. Это означает, что человек не просто наблюдает временной порядок, а заранее структурирует опыт во временной форме. В современных исследованиях кантовская постановка вопроса рассматривается как один из ключевых этапов перехода от объективистского понимания времени к анализу условий субъективного опыта [7].

Взаимосвязь обозначенных уровней анализа представлена на рис. 1. Схема показывает, что парадокс времени формируется на пересечении четырех измерений: онтологического, психологического, трансцендентального и экзистенциального.

Рис. 1 - Уровни философского анализа парадокса времени

Экзистенциальный аспект проблемы наиболее отчетливо проявляется в феномене субъективной неравномерности времени. Один и тот же отрезок, измеренный часами, может переживаться как мгновение или как длительное ожидание. На это различие указывал Анри Бергсон, противопоставляя однородное, количественно измеряемое время часов и качественную длительность переживания [3]. Поэтому философский анализ времени не может быть сведен к хронологии: он должен учитывать внутреннюю насыщенность опыта, память, внимание и эмоциональное состояние субъекта.

Таким образом, парадокс времени состоит в том, что оно одновременно необходимо для всякого опыта и трудно уловимо как самостоятельный объект анализа. Если понимать время только как объективный поток, остается необъясненной его зависимость от сознания. Если же свести время исключительно к субъективному переживанию, исчезает возможность говорить об общем порядке событий. Более продуктивным является рассмотрение времени как

предельной структуры, соединяющей мир, сознание и человеческое существование.

В заключение можно отметить, что философия времени демонстрирует границу между обыденной очевидностью и теоретическим пониманием. Время организует человеческую жизнь, но не исчерпывается календарем и часами. Оно проявляется как порядок изменений, условие познания и форма личного присутствия в мире. Поэтому вопрос о времени остается актуальным не только для истории философии, но и для современной гуманитарной науки, исследующей память, идентичность и способы переживания реальности [8].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Августин, А. Исповедь / Блаженный Августин ; пер. с лат. М. К. Сергеев. - Москва : Эксмо, 2022. - 528 с. - (Антология мысли).
2. Звиревич, В. Т. Философия Древнего мира и Средних веков : учебное пособие для высшей школы / В. Т. Звиревич. - Москва, 2004.
3. Гайденко, П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии / П. П. Гайденко. - Москва : Прогресс-Традиция, 2006. - 464 с.
4. Чижов, Д. В. Сравнительный анализ концепций времени в западноевропейской философии: от Августина к Канту // Университетская наука. - 2022. - № 1 (13). - С. 145-148.
5. Кюнг, Г. Великие христианские мыслители / Г. Кюнг ; пер. с нем. О. Ю. Бойцовой. - Санкт-Петербург, 2000.
6. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. с нем. Н. Лосского. - Москва : Эксмо, 2023. - 736 с. - (Антология мысли).
7. Кузнецова, Е. В. Трансцендентальная эстетика И. Канта и проблема субъективности времени // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. - 2018. - № 5. - С. 112-117.
8. Ратников, В. П. Философия : учебник для студентов вузов / В. П. Ратников, Э. В. Островский, В. В. Юдин. - 6-е изд. - Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017.

Капитонова С.С.

Научный руководитель: Степаненко Е.В., канд. соц. наук, доц.

Московский государственный технический университет

гражданской авиации, г. Москва, Россия

БИЗНЕС-ПРОЦЕССЫ АУТСОРСИНГА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АВИАПРЕДПРИЯТИЯ

Современные требования времени, включая ускоренную цифровизацию бизнес-процессов, дефицит квалифицированных кадров на рынке труда в критически важных отраслях, кардинально изменили подходы и методы управления компаниями. Одним из наиболее значимых трендов в управлении предприятиями, получивших импульс в условиях экономической нестабильности последних лет, является модель аутсорсинга.

Аутсорсингом называется способ оптимизации деятельности фирмы, при котором происходит передача на договорной основе непрофильных функций по обслуживанию деятельности предприятия другой организации-исполнителю, специализирующейся в соответствующей области и обладающей опытом выполнения работ, а также необходимым техническим оснащением [1].

Особое место аутсорсинг занимает как новая форма занятости, меняя традиционные трудовые отношения. В этом случае работники оформлены в компании-аутсорсере, которая и несет ответственность за результат их труда, взаимодействуя с заказчиком. Это позволяет компаниям более гибко управлять численностью персонала, сокращая фиксированные расходы и снимая с себя часть кадровых и административных функций [2].

Целью данной работы является анализ аутсорсинга управления персоналом как инструмента управления авиапредприятием. Объектом исследования явилась деятельность предприятия по обслуживанию деятельности другой организации (аутсорсинг персонала). Предмет исследования – аутсорсинг в управлении персоналом авиапредприятием.

В рамках изучения предмета исследования рассмотрены виды аутсорсинга авиапредприятия гражданской авиации - направления деятельности, возможные для передачи внешним исполнителям (рисунок 1).

Рис. 1. Виды аутсорсинга авиапредприятия. Составлен авторами

К производственным процессам, которые могут быть переданы на аутсорсинг, относятся, как правило, работы по техническому обслуживанию и ремонту воздушных судов (ВС), заправке ВС, по организации бортипитания, и по уборке ВС.

Аутсорсинг услуг включает в себя процессы по обеспечению операционной деятельности: юридическое сопровождение, ИТ-обслуживание, предоставление услуг связи и транспортных услуг, охрану территории. Также на аутсорсинг может быть передано оказание услуг по авиационной безопасности [3].

В аутсорсинг бизнес-процессов входят рутинные и специализированные административные функции. Это процессы управления, например, бухгалтерский учёт, кадровое делопроизводство; а также аутсорсинг процессов взаимодействия, маркетинг и организация рекламных кампаний. Финансовый консалтинг и проведение аналитических исследований осуществляются дискретно, при необходимости, силами внешних специализированных фирм.

В современных условиях эффективное управление человеческими ресурсами требует от компаний не только профессиональной компетенции в подборе и развитии персонала, но и оптимизации затрат на кадровое администрирование. Решение о передаче кадровых процессов на аутсорсинг должно приниматься на основе тщательного анализа текущих потребностей организации, выявления пробелов в работе собственной кадровой службы и изучения отраслевых тенденций. Необходимо отметить, что авиакомпании выбирают селективный (выборочный) аутсорсинг, сохраняя за собой контроль над ключевыми кадровыми процессами [4].

Такой подход к делегированию процессов по управлению персоналом позволяет снижать затраты и повышать операционную эффективность [5]. Распределение бизнес-процессов авиакомпании по степени готовности к аутсорсингу представлены в таблице 1.

Таблица 1. Распределение HR-бизнес-процессов авиакомпании по степени готовности к аутсорсингу

Категория	HR-бизнес-процессы	Комментарий
Передаются на аутсорсинг	Расчет заработной платы; делопроизводство; база данных по персоналу; оплата налогов и страховых взносов; формирование смен и графиков работ для массовых профессий.	Рутинные операции, не влияющие на стратегию. Сокращают расходы на штатную бухгалтерию и отдел кадров.
Гибкая зона аутсорсинга	Подбор и рекрутинг; обучение и повышение квалификации; разработка программ мотивации; оценка персонала; развитие бренда работодателя; HR-аналитика и консалтинг; психологическое тестирование кандидатов.	Решение принимается индивидуально в зависимости от стратегии компании. Например, массовый подбор бортпроводников силами рекрутингового агентства.
Остаются в компании (стратегические процессы)	Управление кадровым резервом; разработка кадровой политики; управление корпоративной культурой; обеспечение безопасности полетов.	Процессы напрямую влияют на безопасность полетов, конкурентоспособность и развитие авиакомпании. Они требуют глубокого понимания специфики бизнеса и не могут быть полностью делегированы внешним исполнителям.

Решение о передаче определенных бизнес-процессов на аутсорсинг является стратегически важным и оказывает влияние на рейтинг и конкурентоспособность авиакомпании в будущем. Перед авиакомпаниями стоит проблема выбора – осуществлять бизнес-процессы различного уровня самостоятельно или привлекать к деятельности сторонние специализированные предприятия, способные выполнять бизнес-процессы более профессионально [4].

Например, авиакомпания «Ред Вингс» применяет HR-аутсорсинг в области подбора и аттестации сотрудников. В результате передачи функций внешним провайдерам компания достигла сокращения времени поиска новых пилотов и бортпроводников на 35%, а также уменьшения административной нагрузки на штат HR-службы. Этот пример демонстрирует, что аутсорсинг процессов подбора персонала (особенно для дефицитных и узкопрофильных категорий, таких как лётный состав и бортпроводники) позволяет авиапредприятию существенно повысить операционную эффективность, сократить время закрытия ключевых вакансий и сосредоточить внутренние HR-ресурсы на стратегических задачах [6].

В заключении необходимо отметить, что будущее аутсорсинга на авиапредприятиях гражданской авиации в России должно определяться как рыночными факторами, так и целенаправленной государственной политикой. При этом решение о передаче тех или иных бизнес-процессов авиапредприятия на аутсорсинг должно приниматься на основе данных анализа экономической эффективности, так как, несмотря на универсальность инструмента, он не способен решить все проблемы, учитывая особенности авиатранспортной отрасли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мельник, А. А. Эволюция и современное представление о сущности и содержании аутсорсинга / А. А. Мельник // Форум молодых ученых. – 2019. – № 5(33). – С. 887-895. – EDN EZYRNT.

2. Алиева, П. Р. Аутсорсинг как новая форма занятости / П. Р. Алиева, Г. Н. Зияутдинова // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2019. – № 4(148). – С. 125-128. – EDN SKYQOV.

3. Степаненко, А. С. Проблемы организации процессного подхода в условиях специфики авиатранспортной отрасли / А. С. Степаненко // Инновации в гражданской авиации. – 2019. – Т. 4, № 4. – С. 72-78. – EDN ALSPVR.

4. Ильченко, С. В. Кадровый аутсорсинг как инструмент управления человеческими ресурсами компании: возможности и перспективы / С. В. Ильченко, И. Э. Бирев, В. Е. Сазонов // Бизнес и дизайн ревю. – 2024. – № 1(33). – С. 70-78. – EDN DOJZKY.

5. Авиационные компетенции в современных реалиях / М. М. Алексеева, А. И. Боброва, Л. Г. Большедворская [и др.]. – Москва : Издательско-торговая корпорация Дашков и К, 2025. – 260 с. – ISBN 978-5-394-06243-8. – EDN NDROQD.

6. Сушко, О. П. Роль аутсорсинга в управление человеческими ресурсами на примере ПАО «Аэрофлот» / О. П. Сушко, Н. В. Бугакова // Журнал монетарной экономики и менеджмента. – 2026. – № 2. – С. 77-85. – DOI 10.26118/2782-4586.2026.39.21.066. – EDN RNOCPP.

УДК 658.562:502.131.1

Кириллова С.С., Юрченко П. А.

*Научный руководитель: Кириллова С.С., канд. экон. наук, доц.
Воронежский филиал «Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
г. Воронеж, Россия*

ИННОВАЦИОННЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ УНИВЕРСИТЕТОВ

Создание и развитие университетской инновационной экосистемы – задача не только ресурсоёмкая, но и сопряжённая с глубинными противоречиями. Даже лучшие мировые примеры сталкиваются с вызовами, а в менее зрелых системах эти проблемы могут полностью блокировать работу экосистемы. В то же время открываются новые перспективы, связанные с цифровизацией, изменением миссии университета и запросом на «вечные инновации».

Ключевые проблемы инновационных экосистем университетов отразим в таблице 1.

Таблица 1. Ключевые проблемы инновационных экосистем

№ п/п	Проблематика	Ключевые характеристики	Описание
1	Институциональные и культурные барьеры	Конфликт академических и предпринимательских ценностей; консерватизм профессорско-преподавательского	В основе университета лежат принципы открытости, публикаций, воспроизводимости результатов,

		состава; бюрократическая инерция университета.	длительного горизонта планирования.
2	Проблемы интеллектуальной собственности	Неясное распределение прав; дороговизна патентования и поддержания патентов.	Нет четкого понимания, кому принадлежит изобретение, если оно сделано студентом в рамках курсовой работы, а также при использовании университетского оборудования. Важно определять разницу при частичном финансировании от госкорпораций и других фондов. Университетские фонды часто не могут позволить себе патентовать вследствие дороговизны.
3	Финансовые ограничения	Недостаточность посевного капитала; долгий цикл возврата инвестиций; сложности с привлечением внешних инвесторов.	Большинство университетов не могут позволить себе собственные венчурные фонды уровня MIT (\$150 млн) или Кембриджа (£100 млн). Посевные гранты в российских вузах часто составляют 100–300 тыс. рублей - на эти деньги можно сделать разве что сайт, но не прототип оборудования; университетские стартапы в глубоких технологиях выходят

			на окупаемость через 5–10 лет.
4	Управленческие и измерительные проблемы	Оценка успеха экосистемы; нехватка квалифицированных трекеров; рассогласование между стадиями воронки	Отсутствие общепринятых KPI для университетских инноваций затрудняет сравнение и принятие решений о финансировании; хороший инновационный менеджер должен понимать и технологии, и рынок, и юридические аспекты.
5	Внешние контекстуальные проблемы	Регуляторные ограничения в стране; отсутствие региональной инновационной среды; геополитические и макроэкономические шоки	В некоторых юрисдикциях законодательство не позволяет университетам владеть долями в стартапах (только лицензирование).

Перспективы развития инновационных экосистем университетов отразим в таблице 2.

Таблица 2. Перспективы развития инновационных экосистем университетов

№ п/п	Перспективы	Ключевые KPI	Описание
1	Цифровая трансформация экосистем	Виртуальные инкубаторы и онлайн-акселераторы; платформы открытых инноваций; использование ИИ в управлении портфелем.	Пандемия показала, что многие аспекты поддержки стартапов можно перенести в цифру; университеты выкладывают свои патенты и ноу-хау на общие платформы, где корпорации могут выбрать технологию для лицензирования или софинансирования

			доработки. Нейросети анализируют заявки на гранты, предсказывая вероятность успеха.
2	Новые модели кооперации	«Открытые лаборатории»; кооперация университетов в рамках региональных кластеров; модель «университет как платформа»	Университет предоставляет доступ к оборудованию не только своим студентам, но и внешним стартапам, фрилансерам, малым инновационным предприятиям за умеренную плату или в обмен на долю.
3	Фокус на глубоких технологиях и устойчивом развитии	Deep Tech как приоритет; Impact-инвестиции и социальные инновации; циркулярная экономика в экосистеме.	В то время как IT-стартапы перенасыщены, университеты имеют конкурентное преимущество в биотехе, новых материалах, квантовых технологиях, чистой энергетике. Фонды и гранты всё чаще требуют от университетских стартапов не только прибыли, но и измерения социального или экологического воздействия.
4	Государственная политика и финансирование	Специальные налоговые режимы для университетских стартапов	В ряде стран законодательство позволяет университетским спин-оффам в первые 3–5 лет не платить налог на прибыль или платить его по нулевой ставке.
5	Культурные сдвиги	Нормализация «академического отпуска» для бизнеса; признание	Всё больше университетов принимают правила, по которым профессор может взять 1–2 года на

		предпринимательства в tenure-решениях.	создание компании с сохранением места, частичной зарплаты и права вернуться на кафедру без потери статуса.
--	--	--	--

Проблемы университетских инновационных экосистем не являются фатальными. Культурный конфликт разрешается через изменение критериев оценки работы профессоров и внедрение предпринимательских треков. Финансовые ограничения смягчаются за счёт кооперации вузов и государственных программ долевого финансирования. Бюрократия побеждается цифровизацией процессов и созданием «единых окон» для стартапов.

Перспективы лежат в глубокой интеграции инноваций в саму ткань университета – не как отдельной «экосистемы в экосистеме», а как неотъемлемой части образования, исследований и службы обществу. Университет, который сумеет превратить свои лаборатории в фабрики технологических компаний, а студентов – в их основателей, станет не просто образовательным центром, а локомотивом регионального и глобального развития. Именно в этом направлении движутся ведущие вузы мира.

Итогом всего сказанного является понимание того, что инновационная экосистема университета – стратегическая необходимость в эпоху экономики знаний. Университеты, которым удастся выстроить сбалансированную, живую и саморазвивающуюся экосистему, становятся локомотивами регионального и глобального технологического развития. Они не только готовят кадры для чужих инноваций, но и сами создают новые отрасли, рабочие места и общественные блага. Для этого требуются не только ресурсы, но прежде всего политическая воля руководства, готовность менять устаревшие правила и терпеливо выращивать новую культуру – культуру, в которой исследователь не стесняется быть предпринимателем, студент видит в стартапе способ самореализации, а университет гордится не только индексом цитирования, но и созданными на его основе компаниями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Асаул, А.Н. Проектирование бизнес-экосистем: учебный курс / А. Н. Асаул [и др.]. – Москва: Юрайт, 2026. – 235 с. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт. <https://web5.ura.ru>

2. Взаимодействие университетов и бизнеса как фактор развития инновационной экосистемы // ESGI Journal – 2025. <https://esgi-journal.ru>

3. Куклина, Л.В. Инновационный потенциал российских экосистемных моделей управления образовательным пространством высшей школы. / Л.В. Куклина, Н.В. Баранова // Высшее образование сегодня. – 2023. – № 5. – С. 37-43.

4. Серченя, Т.И. Механизмы интеграции научной и образовательной деятельности университета в инновационных экосистемах / Т.И. Серченя // Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. – Минск: БНТУ. – 2023. <https://rep.bntu.by>

УДК 338.242.2

Кириченко Д.Е.

***Научный руководитель: Василенко Ж.А., канд. экон. наук, доц.
Ростовская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова,
г. Ростов-на-Дону, Россия***

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ КРЕАТИВНЫХ ПРОЕКТОВ В СФЕРЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСКИХ ИСКУССТВ

В современном мире, где грань между элитарным и массовым искусством стирается, а театры, концертные залы и продюсерские центры вынуждены работать в условиях жесткой конкуренции за внимание и бюджет зрителя, вопрос об экономической эффективности креативных проектов в сфере исполнительских искусств встает особенно остро. Рассмотрим что скрывается за этим, казалось бы, сугубо бухгалтерским термином применительно к искусству.

Экономическая эффективность в данном контексте – это не просто «окупаемость» или «прибыль», а комплексный показатель, отражающий соотношение финансовых, временных и человеческих ресурсов, вложенных в создание спектакля, шоу или концерта, к полученному результату. Специфика исполнительских искусств заключается в том, что результат этот имеет две ипостаси: материальную (кассовые сборы, спонсорские поступления) и нематериальную (социальный эффект, культурный вклад, формирование имиджа территории или бренда).

Понимание экономической эффективности необходимо для развития культуры. Для государства и меценатов – это инструмент обоснования инвестиций и оценки их влияния на общество. Для менеджеров культуры – способ оптимизации бюджета, эффективного

планирования гастролей и репертуара. Для творческой команды – это гарантия того, что их проект будет устойчив и сможет прожить долгую сценическую жизнь, а не ограничится парой показов.

Понимать экономическую эффективность в искусстве нужно не как приговор творчеству, а как механизм гармонизации искусства и реальности. Основная задача заключается в том, как, не снижая художественного уровня, сделать проект доступным для зрителя и рентабельным для его создателей. В этой статье проанализируем методы оценки эффективности, рассмотрим специфику рисков креативных индустрий и докажем, что высокое искусство может и должно быть экономически состоятельным.

В экономике для оценки эффективности проектов традиционно используются количественные и качественные методы. В сфере исполнительских искусств целесообразно применять следующие подходы:

1. Финансовый анализ:
 - расчёт рентабельности инвестиций (ROI);
 - определение точки безубыточности;
 - анализ денежных потоков (NPV, IRR);
 - оценка срока окупаемости проекта.
2. Социально-экономическая оценка:
 - анализ влияния на развитие региона (рост туристического потока, создание рабочих мест);
 - измерение культурного воздействия (расширение аудитории, повышение доступности искусства).
3. Комплексные модели:
 - сбалансированная система показателей (BSC), включающая финансовые, клиентские, внутренние процессы и обучение персонала;
 - метод «затраты–выгоды», учитывающий не только прямые доходы, но и косвенные эффекты.

Согласно «Стратегии развития креативной экономики в Российской Федерации до 2036 года» [2], государственная поддержка креативных индустрий должна опираться на четкие критерии эффективности, включая:

- долю креативных отраслей в ВВП;
- динамику занятости в секторе;
- экспортный потенциал креативных продуктов;
- специфику рисков креативных индустрий.

Креативные проекты в сфере исполнительских искусств сталкиваются с рядом рисков:

- Художественный риск, который отражает неопределенность восприятия аудиторией новой постановки, экспериментального формата.

- Сезонность спроса, так как традиционно низкий спрос в летние месяцы, а к новогодним спектаклям можно отметить всплеск интереса.

- Высокие затраты на аренду площадок, гонорары артистов, создание декораций, требующие значительных вложений еще до начала продаж.

- Конкуренция с цифровыми развлечениями – кино, стриминги, видеоигры оттягивают аудиторию.

- Регуляторные риски, возникающие в связи с требованиями к безопасности мероприятий, которые могут значительно увеличить затраты.

По мнению Вишневской Н. А., управление рисками в креативных индустриях требует особого подхода, сочетающего[1]:

- сценарное планирование, а именно разработка нескольких вариантов развития событий;

- диверсификацию источников финансирования;

- гибкое ценообразование.

Достичь баланса между доступностью для зрителя и рентабельностью для создателей можно через следующие стратегии:

1. Диверсификация форматов:

- создание нескольких версий постановки: полная версия для премиум-аудитории, сокращённая – для массового зрителя;

- использование цифровых технологий (онлайн-трансляции, VR-версии) для расширения аудитории без дополнительных затрат на физическую инфраструктуру.

2. Гибкое ценообразование:

- динамические цены на билеты (повышение перед премьерой, скидки на ранние продажи);

- система льгот и абонементов для постоянных зрителей;

- специальные цены для студентов, пенсионеров, семей.

3. Партнёрства и коллаборации:

- сотрудничество с образовательными учреждениями (организация школьных и студенческих программ);

- совместные проекты с бизнесом (спонсорство, брендинг);

- участие в фестивалях и гастрольных программах для снижения затрат на продвижение.

4. Оптимизация затрат:

- совместное использование площадок и оборудования с другими коллективами;

- применение цифровых декораций вместо физических (снижение затрат на 20–30%);

- привлечение волонтеров для вспомогательных функций.

5. Развитие комьюнити:

- создание клубов друзей театра, закрытых показов для постоянных зрителей повышает лояльность и пожизненную ценность зрителя;

- вовлечение аудитории в процесс создания (краудсорсинг идей, голосования за репертуар).

Успешность таких стратегий подтверждается ростом доли креативных индустрий в экономике страны: с 2,5% ВВП в 2020 году до прогнозируемых 4-5% к 2030 году [3].

Искусство может и должно быть экономически состоятельным, что подтверждается следующими аргументами:

Спрос на уникальный опыт. Зрители готовы платить за живые выступления, которые невозможно воспроизвести в цифровом формате. «Люди, которые воспринимают культуру – уже элита», т.е. культурный опыт становится новым видом роскоши, востребованным среди обеспеченных слоёв населения [4].

Мультипликативный эффект. Развитие исполнительских искусств стимулирует смежные отрасли: туризм, гостиничный бизнес, общественное питание. Например, гастроли крупных театров увеличивают посещаемость ресторанов и отелей на 15-20%.

Государственная поддержка. В рамках национальных проектов и стратегий предусмотрены меры по снижению налоговой нагрузки, субсидированию и грантовой поддержке креативных проектов [2].

Глобальные тренды. Мировой рынок исполнительских искусств растёт на 3-5% ежегодно, что свидетельствует о стабильном спросе на этот вид продукции.

Экономическая эффективность креативных проектов в сфере исполнительских искусств представляет собой не компромисс между творческой составляющей и коммерческой выгодой, а механизм усиления художественного воздействия посредством рационального управления ресурсами. Использование современных методик оценки результативности, анализ отраслевых рисков и внедрение стратегий обеспечения доступности позволяют формировать проекты, которые: поддерживают высокий уровень художественной ценности; сохраняют доступность для широкой зрительской аудитории; гарантируют финансовую рентабельность для их создателей.

Перспективные направления развития данной сферы связаны с: внедрением цифровых технологий; развитием механизмов государственно-частного партнёрства; активизацией участия локальных сообществ в поддержке и продвижении искусства.

Реализация обозначенных направлений будет способствовать не только укреплению экономической устойчивости сферы исполнительских искусств, но и усилению её роли в культурном и социальном развитии общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вишневская Н. А. Диссертация «Экономические механизмы развития креативных индустрий». – Самара: СГЭУ, 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://si.sseu.ru>

2. Проект стратегии развития креативной экономики в Российской Федерации до 2036 года. – М.: Минэкономразвития РФ, 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://www.economy.gov.ru>

3. Креативная экономика России сегодня. Аналитический доклад. – М.: Минэкономразвития РФ, 2025. [Электронный ресурс] URL: <https://www.economy.gov.ru>

4. Люди, которые воспринимают культуру – уже элита // Известия. – 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://iz.ru>

УДК 338.22.01

Колесникова Е.Д.

***Научный руководитель: Сомина И.В., д-р экон. наук, проф.
Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия***

ИННОВАЦИИ КАК ОБЪЕКТ МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Под инновацией часто ошибочно понимают просто что-то новое: новый гаджет, новый интерфейс. Но с точки зрения экономики и маркетинга, инновация – это не просто изобретение, а новшество, которое дошло до рынка и нашло своего потребителя, то есть это конечный результат внедрения новации [7].

Соответственно, маркетинг инноваций – это комплексная деятельность. Это не просто реклама нового товара, а поиск скрытых, еще не осознанных потребностей, создание нового продукта и управление спросом на всех этапах его жизни [4].

Можно выделить четыре основных вида инноваций [2]:

1. Продуктовые инновации — связаны с созданием новых товаров или услуг либо радикальным улучшением существующих. Пример: появление электромобилей Tesla, которые не просто заменили ДВС на электромотор, но и предложили новый пользовательский опыт с автопилотом и обновлениями ПО «по воздуху».

2. Процессные инновации — направлены на оптимизацию внутренних процессов компании. Пример: внедрение чат-ботов для обработки типовых запросов клиентов, что позволяет сократить время ответа и снизить нагрузку на операторов.

3. Маркетинговые инновации — касаются способов продвижения и взаимодействия с аудиторией. Пример: использование дополненной реальности (AR) для «примерки» мебели дома через приложение IKEA Place.

4. Организационные инновации — преобразования в структуре и подходах к осуществлению деятельности структурных подразделений предприятия. Пример: внедрение Agile-технологии в целях обеспечения быстрой реакции компании на изменения рыночной конъюнктуры.

Инновации играют ключевую роль в современном маркетинге, поскольку они способствуют формированию уникального торгового предложения. Оригинальные подходы привлекают внимание, они являются потенциальным источником «вирусной» рекламы — низкозатратного способа широкого охвата потребительской аудитории.

В целях минимизации рисков внедрении инноваций могут применяться специальные аналитические инструменты. Прежде всего, необходимо определить, какую проблему потребителя решает инновационный товар. Перспективной является только та инновация, которая будет гарантированно востребована рынком.

Затем следует проанализировать свои профессиональные и финансовые возможности. И, конечно, крайне важен анализ товаров-заменителей. Даже если прямых конкурентов нет, всегда есть альтернативные способы удовлетворить потребность. Например, для дорогого робота-пылесоса заменителем может быть обычный веник или клининговая служба.

Внедрение инноваций также сопряжено с рисками [7]:

- высокие затраты на разработку и тестирование;
- сопротивление изменениям со стороны сотрудников или клиентов;
- неопределённость результата — идея может не «сработать»;
- копирование конкурентами успешных решений;

- технологические ограничения — отсутствие нужной инфраструктуры.

Способы минимизации этих рисков [3]:

- поэтапное внедрение;
- обучение персонала;
- защита интеллектуальной собственности;
- фокус на клиентоориентированности (инновация должна решать реальную проблему).

Рассмотрим тренды, которые будут определять маркетинг в ближайшие годы. Первое место занимает искусственный интеллект (ИИ) — персонализация в реальном времени, прогнозирование спроса, чат-боты [5].

На втором месте – метавселенные — виртуальные магазины и мероприятия, NFT-коллекции брендов.

И на третьем месте – нейромаркетинг — анализ реакций мозга для создания эффективных кампаний.

Маркетинг инноваций сам активно использует инновации. Во-первых, это иммерсивные технологии — дополненная и виртуальная реальность [6]. Они позволяют протестировать продукт, не прикасаясь к нему физически. Статистика показывает рост вовлеченности до 70% при использовании AR.

Во-вторых, тотальное внедрение искусственного интеллекта. ИИ позволяет делать гиперперсонализацию: показывать каждому клиенту именно то преимущество инновации, которое важно лично для него [5].

В-третьих, интерактивность. Современные презентации — это нелинейный сценарий, где сам клиент выбирает, о какой функции продукта ему узнать подробнее [6].

Редакции Новостей, Науки и Hi-Tech Mail.ru совместно с организаторами II Международного симпозиума «Создавая будущее» провели исследование общественного мнения на тему: «Какие тренды будут определять маркетинг в ближайшие годы?» [8].

Согласно исследованию, в ближайшие 25 лет наиболее значимые изменения ожидаются в следующих сферах, отраженных на рисунке.

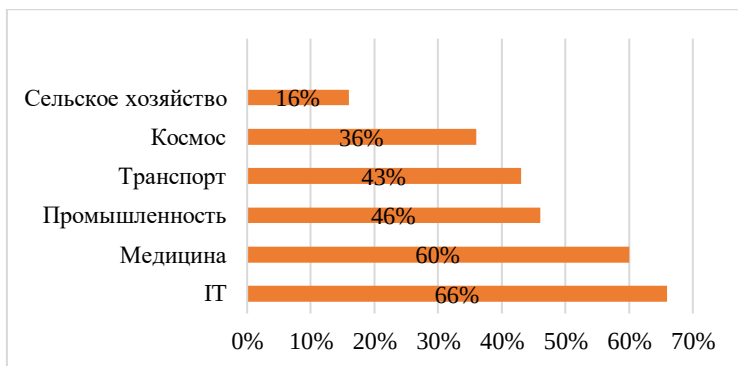

Рис. 1. Результаты опроса населения о трендах маркетинга

На основе этих прогнозов можно сформулировать ключевые задачи:

1. Интегрировать ИТ-решения в маркетинговые стратегии: ИИ, метавселенные, Big Data.
2. Фокусироваться на здоровье и благополучии: если бренд связан с питанием, спортом, косметикой или услугами, подчёркивать пользу для здоровья.
3. Делать ставку на устойчивость: экологичность и прозрачность производства станут обязательными элементами УТП.
4. Внедрять логистические инновации: оперативная доставка и интеллектуальное управление запасами - источник новых, удобных для потребителей форматов обслуживания.
5. Использовать принципиально новые каналы продвижения, которые помогут получить преимущества «первого хода».

Вышеизложенное позволяет заключить, что инновации сегодня – это не выбор, а требование времени для обеспечения эффективности маркетинговой деятельности. Успех определяется способностью к адаптации: специалистам в области маркетинга важно уметь оперативно подстраиваться под новые технологии и потенциальные запросы клиентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Котлер, Ф. Маркетинг менеджмент / Ф. Котлер, К.Л. Келлер. – 14-е изд. – СПб.: Питер, 2018. – 800 с.
2. Багиев, Г.Л. Маркетинг: учебник для вузов / Г.Л. Багиев, В.М. Тарасевич, Х. Анн; под общ. ред. Г.Л. Багиева. – 4-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2019. – 560 с.

3. Сомина, И. В., А. А. Иноземцева, И. Г. Мищенко. Экономика инновационной деятельности. Белгород: изд. БГТУ им. В. Г. Шухова. – 2025. – 115 с.

4. Голубков, Е.П. Маркетинговые инновации: теория и практика управления / Е.П. Голубков // Маркетинг в России и за рубежом. – 2021. – № 3. – С. 3–15.

5. Чернозуб, О.В. Применение технологий искусственного интеллекта в маркетинге / О.В. Чернозуб, А.А. Смирнов // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. – 2022. – № 8. – С. 120–128.

6. Иванова, Н.А. Интерактивные и иммерсивные технологии в продвижении товаров / Н.А. Иванова // Практический маркетинг. – 2023. – № 1 (299). – С. 32–39.

7. Друкер, П.Ф. Инновации и предпринимательство: пер. с англ. / П.Ф. Друкер. – М.: Вильямс, 2020. – 416 с.

8. Россияне рассказали, чего ждут от будущего: большое исследование Mail.ru // PCNews: [сайт]. – 2025. – 2 окт. – URL: <https://pcnews.ru>

УДК 796.01

Колногузова К.И.

Научный руководитель: Манин О.Ю., ст. преп.

***Белгородский государственный технологический университет
им В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия***

ЕДИНСТВО И РАЗЛИЧИЯ ПОНЯТИЙ «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» И «СПОРТ»

В современном мире, где фитнес тренды набирают обороты, а олимпийские рекорды бьют все новые вершины, легко запутаться в понятиях «физическая культура» и «спорт». На первый взгляд, оба термина связаны с физической активностью, культурой человека, влияют на развитие личности. Однако это разные не только слова, но деятельность с разными целями и результатами.

Пётр Францевич Лесгафт, основоположник научной системы физического воспитания в России, подчёркивал важность гармоничного развития начиная с раннего возраста. Слова точно отражают суть физической культуры как средства всестороннего развития личности. Его известные высказывания: «Необходимо, чтобы умственное и физическое воспитание шли параллельно, иначе мы нарушим правильный ход развития в тех органах, которые останутся без

упражнения»; «Всё, что упражняется — развивается и совершенствуется, что не упражняется — распадается» [2].

Согласно действующему закону, статья 2, п. 26, физическая культура — это не просто набор упражнений, а неотъемлемая часть общей культуры общества. Она представляет собой совокупность ценностей, норм и знаний, направленных на: физическое и интеллектуальное развитие человека (способствует гармоничному развитию тела и ума); совершенствование двигательной активности (помогает освоить и улучшить различные виды движений); формирование здорового образа жизни (основа для привития привычек, поддерживающих здоровье); социальную адаптацию (через физическое воспитание и подготовку человек учится взаимодействовать в коллективе) [4].

Физическая культура, как педагогический процесс — это система мероприятий, нацеленная на: укрепление здоровья (регулярные занятия способствуют профилактике многих заболеваний); профилактику заболеваний (активный образ жизни снижает риск развития хронических недугов); гармоничное физическое развитие (помогает сформировать сильное и выносливое тело); формирование привычки к активному образу жизни (делает движение естественной частью жизни).

Физическая культура, используя индивидуальный подход доступна каждому и не предъявляет жёстких требований к результатам. Она использует основные свои средства – физические упражнения, гигиенический фактор, окружающую природную среду (солнце, воздух, вода) и объединяется в виды: физическое воспитание — процесс, направленный на всестороннее развитие личности, приобретение знаний и умений в области физической культуры для формирования здорового человека с высоким уровнем физической культуры; физическая рекреация — активный отдых, приносящий удовлетворение от процесса и развлечения; профессионально прикладная физическая культура — развитие физических качеств и навыков, необходимых для определённой профессии; фоновая физическая культура — включение физической активности в повседневную жизнь (утренняя гимнастика, прогулки, катание на лыжах и т. д.) с незначительной нагрузкой. Адаптивная физическая культура и двигательная реабилитация охватывает людей с особенностями в физическом развитии, или после травм и решает задачи восстановления, приспособления и социализации. Профессиональный спорт: на пути к пределу возможностей [3].

Спорт следует рассматривать в контексте общей культуры и физической, в частности. Согласно закона, в статье 2, п. 12, дается определение понятию: «спорт — это сфера, ориентированная на достижение максимальных результатов через соревнования и специальную подготовку [4].

Всегда занятия спортом имеют цель достижения наивысшего результата в избранном виде. Профессиональный спорт ставит перед собой такие цели: достижение максимальных результатов (стремление к новым рекордам и победам); участие в соревнованиях высокого уровня (выступление на международных и национальных аренах); получение материального вознаграждения (спорт как источник дохода); постоянное повышение спортивного мастерства (непрерывное совершенствование навыков) [3].

По отношению к профессиональному спорту существует мнение как о занятиях, приносящих вред здоровью. Так, в журнале «Вестник спортивной науки» автор Макеев А. К. подчеркивает: «Профессиональный спорт калечит физическое и психическое здоровье профессиональных спортсменов, не приносящих никакой пользы человечеству».

Это мнение находит подтверждение среди медицинских специалистов: главный врач Республиканского врачебно физкультурного диспансера, Ярослав Шубин отмечает: «Профессиональные спортсмены заканчивают свою карьеру фактически инвалидами, с полным букетом травм и заболеваний»; врач кардиолог, Алексей Утин подчёркивает: «В профессиональном спорте не стоит цели стать здоровее». По его словам, нагрузки, необходимые для участия в соревнованиях, негативно сказываются на организме; российская фигуристка, двукратный серебряный призёр Олимпийских игр Евгения Медведева, признаёт: «Спорт — это здоровье, но большой спорт иногда не лечит, а калечит» [5].

Совершенно иной взгляд на физическую культуру декларирует Мюссе А.: «Физические упражнения могут заменить множество лекарств, но ни одно лекарство в мире не может заменить физические упражнения». И его поддерживал Джозеф Аддисон: «При помощи физических упражнений и воздержанности большая часть людей может обойтись без медицины» [1].

Обобщая работу хотим подчеркнуть, что физическая культура и профессиональный спорт — это не взаимозаменяемые понятия. Физическая культура — фундамент здоровья, гармоничного развития и долголетия, доступный каждому. Профессиональный спорт, стремясь к пределу человеческих возможностей, может нести в себе значительные

риски для здоровья. Понимание этих различий позволяет каждому сделать осознанный выбор.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Выдержки из интервью А. К. Макеева, члена МОИП // Вестник спортивной науки. — 2022. — № 4. — С. 15–18.
2. Лесгафт П.Ф. Избранные педагогические сочинения /П.Ф. Лесгафт. – М.: Директ-Медиа. – 2013. – 375 с.
3. Теоретические основы дисциплины «Физическая культура и спорт» для студентов вуза: учебное пособие /под ред. С.И. Крамского, И.А. Амельченко. – Белгород. Изд-во: БГТУ им В. Г. Шухова, 2022. – 236 с.
4. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329 ФЗ (ред. от 24.07.2023).
5. Шубин Я. Здоровье профессиональных спортсменов: риски и профилактика // Врач и спорт. — 2023. — № 2. — С. 45–49.

УДК 332.1

Комаревцева О.О.

Среднерусский институт управления – филиал ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Орел, Россия

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Предложения по совершенствованию экономического развития муниципальных образований приобретают особую актуальность в условиях усиления территориальной дифференциации и ограниченности бюджетных ресурсов. В настоящее время органы власти муниципальных образований сосредоточены на решение социально-экономических проблем. Анализ исследований показывает, что потенциал муниципальных территорий используется недостаточно эффективно: сохраняются низкий инвестиционный потенциал, ограниченность собственной доходной базы, структурные диспропорции в хозяйственном комплексе и низкая эффективность управленческих процессов. В данных условиях особую актуальность приобретает разработка и обоснование предложений, направленных на улучшение экономического развития муниципального образования.

Настоящее исследование посвящено выявлению проблем и ограничений экономического развития муниципального образования.

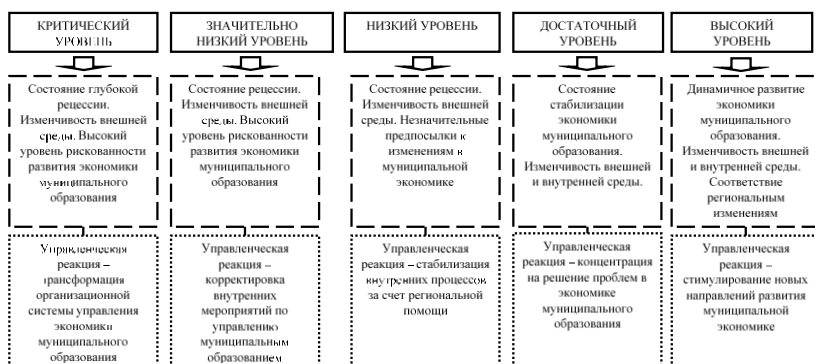

Рис.1. – Управленческие реакции на предложения по улучшению экономике муниципального образования. Источник: составлено автором

Предложения по совершенствованию экономического развития муниципальных образований рассматриваются на основе управленческих реакций (рисунок 1). Управленческая реакция на предложения по улучшения экономике муниципального образования, имплицитруется в соответствии с уровнями развития:

1. Критический уровень ориентирован на период появления глубокой рецессии. Данный период характеризуется резким замедлением темпов роста муниципальной экономики. Предпосылками появления критического уровня служит ухудшение производственных направлений, ухудшение финансовой дисциплины с резким ограничением бюджетных средств (создание ситуации неплатежеспособности). Муниципальная экономика находится на стадии «внутреннего выживания». Основными критериями данного периода являются: ориентация налоговой базы на развитие региона, принятие непопулярных управленческих решений, оптимизация организационной структуры. Эффективность управления муниципальным образованием не подтверждена. В социально-экономическом развитии муниципального образования выявлен комплекс системных дисфункций. Функционирование муниципальной экономики осуществляется в условиях высокой изменчивости внешней среды и усиливающихся внешних ограничений, что повышает чувствительность к управленческим ошибкам. В данных условиях ключевым управленческими реакциями выступают меры по

трансформации организационной системы управления, предполагающие пересмотр использования управленческих практик.

2. Значительно низкий уровень развития экономики муниципального образования характеризуется состоянием рецессии. Экономические процессы характеризуются ухудшением показателей социально-экономического развития. Органы власти местного самоуправления переходят на систему жесткого планирования и выстраивают приоритеты финансирования [1, с.28]. Для муниципальных образований с низким уровнем экономического развития типичен комплекс факторов, которые провоцируются неэффективным использованием государственных и муниципальных программ. Функционирование муниципальных образований со значительно низким уровнем развития экономики происходит в условиях изменчивости внешней среды. Ключевой управленческой реакцией выступает корректировка внутренних мероприятий по управлению муниципальными образованиями.

3. Низкий уровень развития экономики муниципального образования характеризуется состоянием рецессии. Рецессия экономики муниципального образования предполагает продолжительный спад территориальной экономики, подкрепленный депрессивными процессами в области ухудшения качества жизни населения [4, с.72]. Основными негативными факторами низкого уровня развития экономики муниципального образования выступают проблемы, связанные с отсутствием финансирования важных направлений деятельности муниципальных образований. Функционирование муниципальных образований с низким уровнем развития экономики происходит в условиях изменчивости внешней среды. Ключевой управленческой реакцией выступает стабилизация внутренних процессов развития муниципальной экономики.

4. Достаточный уровень развития экономики муниципального образования характеризуется состоянием стабилизации. Стабилизация экономики предполагает сбалансированное развитие приоритетных направлений экономики муниципального образования. Основными негативными направлениями достаточного уровня развития экономики муниципального образования выступает наличие проблем, связанных с отсутствием проектной деятельности и низким уровнем инновационного производства. Достаточный уровень разграничивает мероприятия по рисковой поддержке ключевых направлений развития муниципального образования. В основе реализованных процессов находится структурирование мероприятий по снятию ограничений с экономики муниципального образования. Одной из первоочередных

задач на данном этапе является развитие проектной деятельности и повышение уровня внедрения инновационных производственных решений в экономику, что позволит перейти от поддержания стабильности к динамичному развитию и достижению конкурентных преимуществ. Функционирование муниципальных образований с достаточным уровнем развития экономики происходит в условиях изменчивости внешней и внутренней среды. Управленческой реакции данного уровня выступает концентрация на решение проблем. В целом, представленная реакция носит антирисковый характер.

5. Высокий уровень развития экономики муниципального образования обусловлен устойчивым ростом основных социально-экономических показателей территории. Данный этап развития предполагает последовательную эволюцию территориальной экономики. Экономические процессы рассматриваются со стороны усиления муниципальной экономике. Для этого прорабатываются мероприятия по увеличению темпов экономического роста. Основными негативными направлениями достаточного уровня развития экономики муниципального образования выступают проблемы, связанные с управлением и инновациями. Функционирование муниципальных образований с высоким уровнем развития экономики происходит в условиях изменчивости внешней и внутренней среды.

Таким образом, сформированные автором предложения, основанные на управленческих реакциях, придают аспект законченности управления муниципальными образованиями. Отражение управленческих реакций на изменения, предложение поддерживающих мероприятий, трансформация стиля управления экономикой муниципального образования выступает достаточно важными инструментами развития механизма управления изменениями, носящими качественный характер. Выделенный инструментальный направлен на формирование мероприятий по развитию экономики муниципального образования. Важной особенностью предложений выступает система поддерживающих мероприятий, являющихся решением существующих проблем в экономике муниципального образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бифов, Б.З. Социально-экономическое развитие территории как основной объект управления территории применительно к уровням муниципального образования / Б.З. Бифов // Научные исследования и

разработки. — Экономика фирмы. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 26-30.

2. Зеленый, А.Н. Местное самоуправление, муниципальное управление и управление муниципальным образованием: концептуализация понятий / А.Н. Зеленый // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. — 2023. — Т. 16. — № 6. — С. 63-70.

3. Рожков, Е.В. Экономическое развитие муниципального образования / Е.В. Рожков // Современные научные исследования и инновации. — 2025. — № 2 (166).

4. Шишкина, Л.А. Инструментарий привлечения инвестиций в социально-экономическое развитие муниципального образования субъекта Российской Федерации / Л.А. Шишкина, А.Г. Волкова, Ч.А. Сагов // Регион: системы, экономика, управление. — 2023. — № 2 (61). — С. 71-76.

5. Dwiputrianti, S. Strategic approaches to municipal bond management in west Java's debt management unit / S. Dwiputrianti, B.P. Ardian, M.N. Afandi, A. Rahmawati // Proceeding of The International Seminar on Business, Economics, Social Science and Technology (ISBEST). — 2024. — Vol. 4. — no 1.

УДК 339.9

Конде Д.

Научный руководитель: *Дубровина Т.А., канд. экон. наук, доцент
Белгородский государственный технологический университет
им В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В ГВИНЕЮ: ОСНОВНЫЕ ИНВЕСТОРЫ И ПРОЕКТЫ

Гвинея, расположенная на западном побережье Африки, представляет собой страну с богатейшими природными ресурсами и стратегически важным географическим положением. На протяжении последних десятилетий Гвинея привлекает внимание международных инвесторов благодаря значительным запасам минеральных ресурсов, включая бокситы, золото и алмазы, а также наличию потенциала для развития сельского хозяйства, энергетики и инфраструктуры. Несмотря на наличие указанных преимуществ, страна сталкивается с рядом экономических, институциональных и политических вызовов, которые оказывают влияние на инвестиционный климат и масштабы

привлечения иностранного капитала [1].

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что Гвинея обладает значительным ресурсным потенциалом, реализация которого во многом зависит от притока международных инвестиций. В условиях глобализации и усиления конкуренции за инвестиционные ресурсы особую значимость приобретает анализ инвестиционного климата, структуры иностранных инвестиций, а также ключевых стран-инвесторов и отраслей, привлекающих капитал. Исследование данных аспектов позволяет оценить не только текущие инвестиционные потоки, но и перспективы устойчивого экономического развития Гвинеи, что определяет практическую значимость работы для специалистов в области международной экономики и бизнеса.

Проблематика инвестиций и международного движения капитала получила широкое отражение в трудах зарубежных и отечественных экономистов. Значительный вклад в развитие теории инвестиций внесли представители классической и неоклассической экономической школы. Так, К. Маркс заложил основы анализа капитала и его движения, рассматривая инвестиции как форму расширенного воспроизводства. Дж. Кейнс обосновал роль инвестиций как ключевого фактора экономического роста и занятости, подчеркнув зависимость инвестиционной активности от макроэкономической среды.

Существенное развитие теория международных инвестиций получила в работах П. Самуэльсона, Р. Вернона, С. Кузнеця, Г. Хабернера и Г. Майера, которые исследовали влияние инвестиций на экономический рост, международную торговлю и структурные преобразования экономики. Особое значение имеет теория жизненного цикла продукта Р. Вернона, объясняющая размещение прямых иностранных инвестиций в развивающихся странах.

Вклад в развитие инвестиционной теории внесли также В. Ф. Шарп, Г. Д. Александр и Д. В. Бейли, разработавшие основы портфельной теории и анализа инвестиционных рисков. Среди российских ученых значительный вклад принадлежит С. Ю. Глазьеву, В. Т. Рязанову, И. В. Липсицу, Э. Г. Ясину, Р. И. Зименкову, М. Е. Елизаветину, А. Г. Ивасенко, И. И. Никонову, которые исследовали роль иностранных инвестиций в трансформации и модернизации экономики развивающихся стран.

Инвестирование представляет собой вложение денежных средств, ценных бумаг, имущества или имущественных прав, имеющих денежную стоимость, в различные виды деятельности с целью получения прибыли или иного экономического эффекта, как правило, за счёт роста капитала.

С точки зрения экономического подхода, инвестиции рассматриваются как часть экономических ресурсов, направляемых в производство и другие сферы деятельности для получения дохода и увеличения национального богатства. Финансовый подход трактует инвестирование как вложение денежных средств и финансовых инструментов (акций, облигаций и иных активов) с целью их сохранения и приумножения [10].

Переходя от общего понятия инвестиций к международному уровню, следует отметить, что международное инвестирование представляет собой особую форму движения капитала, при которой ресурсы одной страны используются в экономике другой страны.

Под международными инвестициями понимаются прямые и портфельные вложения капитала государств, юридических и физических лиц в экономику иностранных государств.

В отличие от внутренних инвестиций, международные инвестиции характеризуются участием нескольких государств в инвестиционном процессе, что усиливает их влияние на мировую экономику. Они способствуют передаче технологий, развитию международной торговли, созданию рабочих мест и укреплению экономических связей между странами.

Переходя к анализу роли международных инвестиций в экономике Гвинеи, следует отметить, что для развивающихся стран иностранный капитал является одним из ключевых источников экономического роста. Международные инвестиции необходимы Гвинее в условиях ограниченности внутренних финансовых ресурсов, высокой потребности в модернизации инфраструктуры и диверсификации экономики.

Ключевыми направлениями влияния международных инвестиций на экономику Гвинеи являются:

- развитие инфраструктуры, включая строительство и модернизацию дорог, портов, энергетических и телекоммуникационных систем;

- создание рабочих мест, поскольку иностранные компании формируют новые производственные мощности и проекты;

- внедрение современных технологий, повышение производительности и освоение инновационных производственных процессов, особенно в горнодобывающей промышленности;

- интеграция страны в мировую экономику, укрепление внешнеэкономических связей и расширение экспортного потенциала.

В 2022 году объём прямых иностранных инвестиций в Гвинею достиг 1,6 млрд долларов США, а совокупный объём инвестиций

составил около 25 % ВВП страны. Основными странами-инвесторами выступают Великобритания, Франция, США, Китай, Индия, Малайзия и Россия [5].

Анализ структуры иностранных инвестиций позволяет выделить ряд приоритетных отраслей экономики Гвинеи.

Горнодобывающая промышленность является ведущим сектором привлечения капитала. Гвинея располагает около двух третей мировых запасов бокситов, а также значительными ресурсами железной руды, золота и алмазов, что делает страну важным участником мирового рынка сырья [3].

Сельское хозяйство обладает значительным потенциалом: из 6–7,5 млн гектаров обрабатываемых земель используется лишь 10–25 %. Благоприятные природно-климатические условия создают возможности для развития растениеводства, животноводства и рыболовства.

Энергетика, прежде всего гидроэнергетика, является стратегическим направлением. Потенциал гидроэнергетических ресурсов превышает 6000 МВт, что позволяет рассматривать Гвинею как потенциального регионального экспортёра электроэнергии.

Инфраструктура и ИКТ приобретают особую значимость в условиях урбанизации и роста численности молодого населения, формируя основу для долгосрочного экономического роста.

Инвестиционная привлекательность Гвинеи обусловлена сочетанием богатых природных ресурсов, выгодного географического положения и постепенного улучшения правовой базы. В стране приняты инвестиционный и горнодобывающий кодексы, предусматривающие налоговые льготы и правовые гарантии для инвесторов:

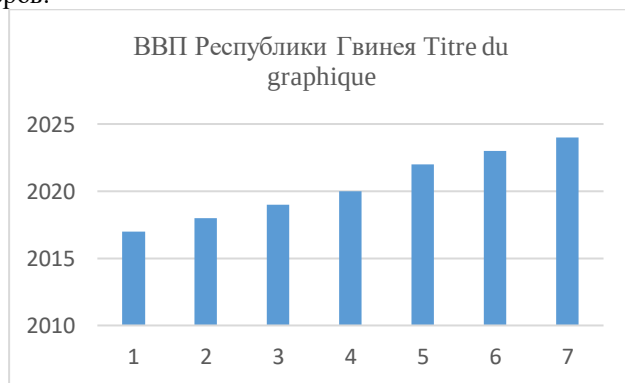

Рис. 1 – Динамика роста ВВП Республики Гвинея в 2017–2024 гг.

Рост ВВП Гвинеи в период 2017–2024 гг. характеризуется нестабильной динамикой. После нескольких лет экономического роста, обусловленного увеличением экспорта полезных ископаемых, в 2020–2021 гг. наблюдалось замедление темпов развития вследствие пандемии COVID-19. В дальнейшем ожидается восстановление роста за счёт расширения добычи минеральных ресурсов и развития других отраслей экономики.

Несмотря на значительный инвестиционный потенциал, Гвинея сталкивается с рядом проблем, включая необходимость дальнейшего улучшения делового климата, развития инфраструктуры, повышения прозрачности управления и эффективности государственных институтов [9]. Решение данных задач является ключевым условием привлечения долгосрочных и устойчивых международных инвестиций.

Таким образом, международные инвестиции являются важнейшим инструментом экономического развития как на национальном, так и на международном уровнях. Для Гвинеи иностранный капитал играет ключевую роль в реализации природного потенциала, модернизации экономики и социальном развитии страны. Концентрация инвестиций в приоритетных секторах — горнодобывающей промышленности, сельском хозяйстве, энергетике и инфраструктуре — при одновременном совершенствовании институциональной среды способна обеспечить устойчивый экономический рост и повышение уровня жизни населения.

Гвинея представляет собой многообещающую инвестиционную среду благодаря своим природным богатствам и потенциалу роста, поддерживаемому политикой, направленной на привлечение инвесторов. Чтобы в полной мере использовать эти возможности, крайне важно сосредоточить инвестиции на приоритетных секторах, таких как сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность и инфраструктура, обеспечивая при этом, чтобы экономические выгоды приводили к созданию рабочих мест и улучшению

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васильева Е. Ю., Каба Д. Комплексный анализ экономики Республики Гвинея и перспектив её развития на основе государственно-частного партнёрства // Управленческий учёт. – 2023. – № 3. – С. 30–37.
2. Суэтин А. А. Мировая экономика. Международные экономические отношения. Глобалистика: учебник. – М.: КНОРУС, 2013. – 316 с.
3. Каба К. Н., Петровская М. В. Горнодобывающая

промышленность Республики Гвинея: особенности и перспективы развития // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 9, № 6 (43). – С. 55.

3. Сапунцов А. Л. Многонациональные предприятия в инвестиционной стратегии Гвинеи // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 2147–2168.

4. Силла К., Грах Д. Прямые иностранные инвестиции в Гвинею: текущая ситуация и перспективы // Материалы исследований экономического факультета РУДН.

5. Фоменко Н. М., Каба Д. Особенности развития добывающей отрасли Республики Гвинея.

5. Гнел Ратха . Прямые иностранные инвестиции как фактор развития экономики Камбоджи. – М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2022. – 220 с.

6. Адамкович А. В. Ресурсный потенциал сельскохозяйственных предприятий промышленного типа. – СПб., 2020. – 215 с.

7. Царев В. Е., Вершина Д. А. Роль иностранных инвестиций в экономике страны // Молодой учёный. – 2016. – № 21 (125). – С. 526–529.

8. Великая О. А. Состояние и основные направления инвестиционной политики в промышленности // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 10. – С. 962–966.

9. Трошин А. С., Дубровина Т. А., Соколов М. Б., Григорьева С. В. Промышленный кластер как инновационный инструмент развития экономики региона // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. – 2024. – № 1. – С. 60–68. – DOI: 10.56584/1560-8816-2024-1-60-68.

УДК 339.5:658.7

Курдюкова М.Д.

Научный руководитель: Божков Ю.Н., канд. экон. наук, доц.

Белгородский государственный технологический университет

им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия

ОПТИМИЗАЦИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ЗАТРАТ ВО ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ОПЕРАЦИЯХ

Логистические издержки могут достигать 30-40% от всей стоимости конечного товара, а любая внешнеторговая деятельность тесно связана с ними. В настоящее время оптимизация логистических затрат становится критически важной задачей для российских

экспортеров и импортеров. В первую очередь это связано с санкционным давлением и ограничениями Запада в адрес Российской Федерации. Рост транспортных тарифов и перестройка цепочек поставок также влияют на оптимизацию логистических затрат.

Рассмотрим структуру логистических издержек во внешнеэкономической деятельности [5].

Проанализировав различные затраты, можно выделить несколько основных статей расходов и их долю во всей совокупности логистических издержек:

- транспортные расходы (примерно 40—55 %);
- таможенные платежи и оформление товаров (15-20%);
- хранение грузов и их складирование (10-15%);
- затраты на информирование (8-14 %);
- страхование грузов (3-7%).

Рис.1. Логистические издержки, виды.

Источник: <https://studfile.net/preview/10995856/page:2/>

Компании, которые на практике занимаются внешнеторговой деятельностью, обычно сталкиваются с рядом факторов, увеличивающих логистические затраты:

1) Сложность маршрутов и их протяженность. Перевозки, подразумевающие под собой перемещение через таможенные границы нескольких стран, предполагают длинные и сложные маршруты. Это увеличивает риски потерь и задержек, повышает время доставки и требует дополнительных затрат между различными странами и перевозчиками.

2) Малодейственное использование транспорта. Иногда вследствие неправильного выбора вида транспорта без учета специфики груза и маршрута, неполной загрузки контейнеров или обратных рейсов без груза идет приличный перерасход средств. И как результат –

снижение рентабельности сделки и рост стоимости перевозки за единицу товара.

3) Экономия на качестве упаковки и маркировки. Проблемы с качеством могут обернуться различными потерями, такими как: повреждение груза при транспортировке или полная его потеря, расходы на дополнительную упаковку, задержки на таможне из-за нечитаемой маркировки или несоответствия упаковки нормам безопасности и др.

4) Таможенные барьеры и бюрократические препятствия. Одним из самых затратных этапов внешнеторговой политики является прохождение таможни и таможенных процедур: возможны ошибки при классификации товаров (неверный код ТН ВЭД может привести к переплате таможенных пошлин), необходимость подготовки большого пакета документов, долгие проверки и досмотры, которые могут привести к дополнительным платежам.

5) Финансовые и валютные риски. Комиссии банков за международные переводы, курсовые разницы при оплате различных посредников (перевозчики, брокеры, страховщики), необходимость резервирования средств на возможные колебания курса – все это в совокупности может привести к дополнительным издержкам. Например, итоговая стоимость логистики может увеличиться в разы, если контракт заключен в долларах, а курс валюты резко увеличивается и др.

Для оптимизации логистических затрат можно применить несколько практических методов. [4]

Одним из основных является оптимизация транспортной логистики. Суть ее заключается в том, что нужно выбирать маршруты с минимальными таможенными барьерами (например, коридоры в странах ЕАЭС), переходить на мультимодальные перевозки, то есть объединять морской, автомобильный и железнодорожный транспорт, а также оптимизировать загрузку транспортных средств, использовать паллетные схемы и рассчитывать оптимальную упаковку [3].

Вторым по значимости практическим методом оптимизации является цифровизация и автоматизация. Использование электронных платформ для отслеживания грузов в режиме реального времени, внедрение систем управления цепочками поставок и складом (SCM и WMS), применение технологий IoT для контроля условий перевозки (влажность, температура) и другие способы применения автоматизации и цифровизации при логистических операциях могут помочь компаниям в оптимизации транспортной логистики и сведении рисков к минимуму [1].

Рис. 2. Система IoT. Источник: <https://blog.axway.com>

Кроме перечисленных методов можно выделить также:

Оптимизацию складских операций:

- оптимизация размещения товаров и зонирование складов;
- передача складских услуг специальным логистическим операторам;

- внедрение системы Just in time для сокращения запасов и др. [2]

2. Страхование и управление рисками:

- защита валютных рисков при международных расчетах;
- выбор альтернативных страховых программ с учетом специфики груза;

- распределение маршрутов для снижения зависимости от одного направления и др.

3. Переговоры с поставщиками услуг:

- при больших объемах перевозок переговоры о скидках;
- сравнение тарифов и поиск дополнительных перевозчиков;
- заключение на льготных условиях долгосрочных контрактов с транспортными компаниями и др.

Перспективные направления

Основными драйверами оптимизации в ближайшие годы станут:

1) Искусственный интеллект – в логистике это технологии, позволяющие автоматизировать различные процессы, анализировать объемы данных больших размеров, предугадывать события и так далее.

2) Беспилотный транспорт – это вид автономного транспорта, который основан на самостоятельной системе управления. Его

внедрение позволит повысить безопасность перевозок и значительно сократить затраты на персонал [6].

3) Технологии блокчейн – это способ автоматизации систем управления цепочками поставок, чтобы сделать их более безопасными и понятными.

4) Цифровые платформы – объединение всех участников логистической цепи для взаимодействия при осуществлении бизнес-процессов в единую систему данных.

Рис. 3. Способы управления затратами. Источник:

<https://lsconsulting.ru/planirovanie-i-organizaciya-logisticheskikh-processov>

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что во внешнеторговых операциях причиной увеличения логистических издержек обычно является совокупность отдельных факторов.

Для эффективного снижения расходов на логистику в международной торговле необходим многогранный подход, который объединяет проверенные временем стратегии, такие как договорные процессы и объединения грузов, с передовыми технологиями, включая цифровые решения и искусственный интеллект.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Новиков, И.А. Использование интеллектуальных транспортных систем для повышения качества организации дорожного движения/ И.А. Новиков, Л.Е. Кущенко, Е.А. Новописный, А.С. Камбур //Мир транспорта и технологических машин. – 2022. – № 3-4 – С. 49-54.

2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.04.2026)

3. Федеральный закон "О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.04.2026)

4. Гараджаева, Д.Я. Анализ и оптимизация логистических затрат/ Д.Я. Гараджаева, М.Б. Сапаралиева// Научный журнал Наука и Мирозреение. – 2025. – №5 – С. 1-6.

5. Новиков, А.Н. Современная оценка проблемы безопасности дорожного движения/ А.Н. Новиков, И.А. Новиков, А.Г. Шевцова. – Белгород: БГТУ им. В.Г. Шухова, 2021 – 108 с.

6. Новые подходы к взаимодействию реального и финансового секторов региональной экономики/ А. С. Трошин, С. В. Куприянов, Ю. Н. Божков [и др.]. – Белгород : Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2024. – 242 с. – ISBN 978-5-361-01305-0. – EDN HWPALG.

УДК 336.71

Лапкин М. А.

Научный руководитель: Киселева О. В., канд. экон. наук, доц.
*Рязанский государственный радиотехнический университет
имени В. Ф. Уткина, г. Рязань, Россия*

КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Кредитная политика коммерческого банка – система принципов и процедур деятельности, определяющих отбор заемщиков, принятие кредитных решений, сопровождение ссуд и урегулирование проблемной задолженности. Ее значение заходит далеко за рамки получения процентного дохода. Качество кредитования прямо влияет на сохранность активов, достаточность капитала, ликвидность и способность банка противостоять внутренним и внешним угрозам.

Цель настоящей работы состоит в развитии методических подходов к оценке кредитной политики банка с позиции ее влияния на экономическую безопасность. Для этого раскрыта взаимосвязь элементов кредитной политики с непосредственно безопасностью банка, систематизированы типичные направления анализа кредитного портфеля и предложены в качестве методического инструментария

дополнительные индикаторы защиты банка от потерь, связанных с кредитованием (табл. 1).

Таблица 1. Взаимосвязь кредитной политики коммерческого банка с его экономической безопасностью (таблица составлена автором на основании источников 1-8)

Элемент кредитной политики банка	Проявление связи с экономической безопасностью банка
Оценка кредитоспособности клиента	Ухудшает вероятность дефолта и предупреждает снижение качества активов.
Лимиты и диверсификация кредитного портфеля	Лимитирует концентрацию риска по заемщикам, отраслям и связанным группам.
Обеспечение и залоговый контроль	Формирует источник погашения потерь при нарушении обязательств кредитором
Резервирование возможных потерь по ссудам	Создает финансовый буфер для защиты капитала и результата от проблемных ссуд клиентов.
Мониторинг проблемной задолженности клиентов	Позволяет проявлять признаки обесценения до перехода риска в прямые банковские убытки.

Представленная в таблице 1 систематизация кредитной политики в части взаимосвязи с экономической безопасностью коммерческого банка показывает, что она выполняет защитную функцию через снижение вероятности дефолта и предупреждение ухудшения качества активов., ограничения концентрации риска по заемщикам, отраслям и связанным группам., формирования компенсационного источника погашения потерь при нарушении обязательств, создание финансового буфера для защиты капитала и результата от проблемных ссуд, а также за счет выявления признаков обесценения до перехода риска в прямые убытки. Соответственно, кредитная политика является не только управленческим документом, но и элементом внутренней защиты капитала и активов банка.

В учебно-научной литературе оценка кредитной политики обычно строится в части анализа структуры портфеля, доли просроченной задолженности, динамики резервов, доходности операций, выполнения обязательных нормативов и организации процедур кредитного управления [6-8]. Особое место в таких методиках занимают параметры качества кредитного портфеля, соблюдения требований Банка России, результативности операций и регламентированности управленческих процедур. Однако при исследовании кредитной политики в качестве фактора экономической безопасности такого набора критериев

недостаточно. Перечисленный набор критериев не раскрывает в полной мере защищенность кредитных вложений от финансовых потерь, устойчивость результата после проведения резервирования и итоговые проблемы портфеля с учетом реструктурированной задолженности клиентов.

Следовательно, целесообразно расширить действующий методический инструментарий оценки действующей кредитной политики коммерческого банка специальными индикаторами, ориентированными на оценку кредитной политики именно с позиции экономической безопасности. Предлагаемый состав таких индикаторов предложен в таблице 2.

Таблица 2. Дополнительные показатели оценки кредитной политики коммерческого банка в обеспечении экономической безопасности (таблица составлена автором на основании источников 3-5)

Показатель	Расчет	Экономико-безопасностная интерпретация
Коэффициент резервно-обеспеченного покрытия кредитного риска	$K_{зп} = (РВПС + Ол) / КП$	Доля портфеля, покрытая резервами и ликвидным обеспечением.
Коэффициент чистой риско-доходности кредитного портфеля	$K_{чрд} = (Дк - Рр) / КП$	Доходность кредитования после учета расходов на создание резервов.
Коэффициент совокупной проблемности портфеля	$K_{сп} = (ПЗ + РС + СПП-V) / КП$	Просроченная, реструктурированная и обесцененная часть портфеля.
Коэффициент концентрации крупных заемщиков в кредитном портфеле	$K_{ку} = K_{кр} / КП$	Зависимость банка от крупных или отраслевых уязвимых заемщиков.
Индекс опережения проблемной задолженности	$Иоп = Тпз / Ткп$	Соотношение темпов роста проблемных активов и портфеля.
Коэффициент непокрытого кредитного риска	$K_{нр} = НКР / КП$	Доля риска, не покрытого резервами и ликвидным обеспечением.

Показатель	Расчет	Экономико-безопасностная интерпретация
Индекс раннего ухудшения портфеля	$I_{ру} = \text{СП} / \text{КП}$	Доля ссуд II категории качества в портфеле (это ссуды с умеренным кредитным риском, который требует внимания со стороны банка).

Где:

РВПС - резервы на возможные потери по ссудам;

Ол - ликвидное обеспечение с учетом внутреннего дисконта;

КП - кредитный портфель;

Дк - доходы по кредитным операциям;

Рр - расходы на резервы;

ПЗ - просроченная задолженность;

РС - реструктурированная задолженность;

СП- III-V категорий качества (ссуды с повышенным уровнем риска);

Ккр - кредиты крупнейшим или наиболее уязвимым заемщикам;

Тпз и Ткп - темпы роста проблемной задолженности и портфеля.

$\text{НКР} = \max[(\text{ПЗ} + \text{РС} + \text{СП} - \text{В}) - (\text{РВПС} + \text{Ол}); 0]$ - непокрытый риск;

СП - ссуды II категории качества.

Коэффициент резервно-обеспеченного покрытия кредитного риска показывает, имеет ли банк достаточные источники компенсации возможных потерь по ссудам. Для экономической безопасности важно, чтобы потенциальные убытки покрывались не только текущими доходами, но и резервами, а также финансовым обеспечением. Снижение показателя означает ослабление защитной базы банка.

Коэффициент чистой риско-доходности кредитного портфеля отделяет номинальную доходность кредитования от итога, который остается после резервирования. Если показатель имеет тенденцию к снижению, то кредитные операции внешне сохраняют доход, но по факту создают высокую нагрузку на финансовый результат и капитал банка.

Коэффициент совокупной проблемности портфеля расширяет традиционный анализ просроченной задолженности за счет учета реструктурированных и обесцененных ссуд. Данный факт позволяет показывать скрытую проблемность, когда заемщик формально не допускает просроченные платежи, но кредит уже требует изменения условий обслуживания для него.

Коэффициент концентрации крупных заемщиков в кредитном

портфеле характеризует зависимость банка от ограниченного круга заемщиков, связанных групп или чувствительных отраслей. Высокое значение показателя показывает угрозу значительных потерь капитала и ликвидности при ухудшении положения одного достаточно крупного заемщика или сектора.

Индекс опережения проблемной задолженности позволяет сделать оценку качеству роста кредитного портфеля. Значение данного индекса выше, чем 1, показывает, что проблемные активы увеличиваются быстрее, чем общий объем кредитов. Соответственно расширение кредитования не может считаться безопасным даже при формальном росте активов и доходов банка.

Коэффициент непокрытого кредитного риска выявляет долю отношения проблемных требований, которая не компенсирована резервами и ликвидным обеспечением. Рост данного коэффициента указывает на потенциальное давление на капитал банка.

Индекс раннего ухудшения кредитного портфеля показывает долю ссуд II категории качества и позволяет фиксировать увеличение кредитного риска до появления выраженной проблемности.

Таким образом, кредитная политика должна рассматриваться как самостоятельный элемент системы экономической безопасности коммерческого банка, поскольку она определяет качество активов, уровень принимаемого риска, устойчивость доходов и способность банка покрывать потенциальные потери. Современные методики анализа кредитного портфеля дают необходимую исходную информацию, но для оценки безопасности кредитной политики их целесообразно дополнить показателями: покрытия резервного обеспечения, чистой риск-доходности, совокупной проблемности, концентрации крупных заемщиков, опережения проблемной задолженности, коэффициента непокрытого кредитного риска, индекса раннего ухудшения портфеля. Представленный подход позволяет перейти от формального анализа объемов кредитования к оценке того, насколько кредитная политика защищает капитал, поддерживает финансовую устойчивость и обеспечивает своевременное выявление угроз экономической безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ : последняя редакция [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. - URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.05.2026).

2. О банках и банковской деятельности : Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 : последняя редакция [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. - URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.05.2026).

3. Положение Банка России от 28.06.2017 № 590-П «О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. - URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.05.2026).

4. Банк России. Банковский сектор: IV квартал 2025 года : аналитический обзор [Электронный ресурс]. - 2026. - URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 08.05.2026).

5. Банк России. Обзор финансовой стабильности. № 2 (27). II-III кварталы 2025 года [Электронный ресурс]. - 2025. - URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 08.05.2026).

6. Инструкция Банка России от 29.11.2019 № 199-И «Об обязательных нормативах и надбавках к нормативам достаточности капитала банков с универсальной лицензией» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. - URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.05.2026).

7. Basel Committee on Banking Supervision. Principles for the Management of Credit Risk [Электронный ресурс]. - Basel : BIS, 2000. - URL: <https://www.bis.org> (дата обращения: 08.05.2026).

8. IFRS Foundation. IFRS 9 Financial Instruments [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.ifrs.org> (дата обращения: 08.05.2026).

УДК 347.9:348

Маркина Е.С.

*Научный руководитель: Дяблова Ю.Л., канд. юр. наук, доц.
Тульский государственный университет, г. Тула, Россия*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫХ НОРМ И ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современном российском обществе, переживающем сложный процесс духовно-нравственного самоопределения, особую актуальность приобретает поиск новых форм взаимодействия традиционных ценностей и правовых институтов. Одним из наиболее перспективных направлений в этой сфере представляется интеграция принципов христианского миротворчества в практику медиации — альтернативного способа разрешения споров, закреплённого в

российском законодательстве. Этот синтез может стать мостом между вековыми традициями примирения, укоренёнными в православной культуре, и современными правовыми механизмами урегулирования конфликтов, в том числе в рамках гражданского процесса.

Правовая основа медиации в Российской Федерации чётко определена Федеральным законом от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [3]. Закон устанавливает медиацию как способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Процедура применима к спорам, возникающим из гражданских, трудовых, семейных и иных правоотношений. Ключевыми принципами медиации являются добровольность, конфиденциальность, равноправие сторон и беспристрастность медиатора. Эти принципы удивительным образом перекликаются с христианским пониманием примирения как свободного, осознанного акта, требующего внутренней работы над собой, и одновременно соответствуют основополагающим началам гражданского процесса: состязательности, равноправию сторон (ст. 12 ГПК РФ) [2] и диспозитивности.

Конституция Российской Федерации (ст. 28) [1] гарантирует свободу совести и свободу вероисповедания, что создаёт правовую основу для учёта религиозных ценностей в общественной жизни, включая сферу разрешения конфликтов. При этом важно подчеркнуть, что медиация с опорой на религиозные ценности не должна подменять собой правосудие или нарушать принципы светского государства, закреплённые в ст. 14 Конституции РФ. В рамках гражданского процесса суд, утверждая мировое соглашение, достигнутое сторонами после медиации, проверяет его на соответствие закону и отсутствие нарушений прав и законных интересов других лиц (ст. 39 ГПК РФ). Таким образом, религиозные ценности могут служить нравственной опорой для сторон, но итоговый результат должен соответствовать нормам гражданского процессуального права.

Библейское учение содержит глубокие и многогранные представления о примирении, которые могут служить нравственной опорой для сторон, участвующих в медиации. В Евангелии от Матфея (5:23–24) содержится прямое указание на приоритет примирения: «Если ты принесёшь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди, прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой». Этот текст подчёркивает, что восстановление отношений

важнее формального исполнения религиозных обрядов. Примирение здесь предстаёт не просто как желательное действие, а как нравственная обязанность христианина — что может мотивировать стороны к поиску компромисса в гражданско-правовом споре, избегая длительного судебного разбирательства [4].

Апостол Павел в Послании к Коринфянам (2 Кор. 5:18–19) раскрывает богословские основания миротворчества: «Всё же от Бога, Иисусом Христом примирившего нас с Собою и давшего нам служение примирения, потому что Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их, и дал нам слово примирения» [4]. В этих словах заключена глубокая мысль: христиане призваны быть «посланниками примирения», следуя примеру Бога, который через Христа примирил мир с Собою. Это служение примирения становится не просто личным выбором, а миссией, возложенной на каждого верующего — что может стать духовной мотивацией для сторон, стремящихся разрешить гражданско-правовой спор без обращения в суд или на ранних стадиях процесса [5].

В Послании к Римлянам (12:18) апостол даёт практическое наставление: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми». Эта фраза подчёркивает личную ответственность человека за достижение мира и примирения [4]. Она призывает к активной позиции: не просто избегать конфликтов, но целенаправленно стремиться к гармонии в отношениях — что соответствует цели гражданского судопроизводства: защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов (ст. 2 ГПК РФ).

Русская Православная Церковь на протяжении веков выполняла миротворческую функцию в российском обществе. В дореволюционной России приходские священники нередко выступали посредниками в спорах между крестьянами, помогая разрешить имущественные и семейные разногласия [6, с. 213]. Эта традиция не исчезла полностью и в новейшее время. В современной практике РПЦ миротворчество реализуется через различные формы социального служения, душепопечения и консультирования, которые могут предшествовать обращению в суд или сопровождать гражданский процесс.

Одним из ярких примеров интеграции религиозных ценностей в разрешение конфликтов стала деятельность православных центров помощи семье и детям. В Санкт-Петербурге с 2010 года реализуется программа «Семейный диалог», организованная при поддержке Санкт-Петербургской епархии. Программа направлена на медиацию семейных конфликтов с учётом христианского подхода к браку и семье. В рамках программы священнослужители и профессиональные

психологи проводят совместные консультации для пар, находящихся на грани развода. Работа строится на принципах добровольности и конфиденциальности, что соответствует требованиям ФЗ № 193-ФЗ о медиации и принципам гражданского процесса (ст. 10 ГПК РФ о гласности с исключениями для закрытых заседаний). Духовный аспект проявляется в акценте на ценности семьи, прощении и взаимном уважении, что помогает супругам увидеть конфликт в ином свете и найти пути к примирению — вплоть до заключения мирового соглашения, подлежащего утверждению судом (ст. 173 ГПК РФ). Такой подход позволяет снизить нагрузку на судебную систему и способствует более глубокому и устойчивому разрешению конфликта.

Ещё один показательный пример — деятельность Отдела по церковной благотворительности и социальному служению РПЦ. В рамках этого отдела созданы службы примирения, которые помогают разрешить конфликты внутри церковных общин или между прихожанами. В одном из случаев, получившем освещение в церковных СМИ, священник помог примирить двух прихожан, поссорившихся из-за разногласий по поводу ремонта храма. Используя библейские принципы прощения и служения ближнему, он организовал серию встреч, на которых стороны смогли выразить свои чувства и прийти к компромиссному решению. Если спор уже стал предметом гражданского процесса, такое примирение может привести к отказу от иска или заключению мирового соглашения (ст. 39, 173 ГПК РФ), что ускоряет восстановление отношений и снижает нагрузку на судебную систему [7].

Развитие взаимодействия между религиозными организациями и институтами медиации требует тщательной проработки правовых и этических аспектов. Важно сохранить баланс между опорой на духовно-нравственные традиции и соблюдением принципов светского законодательства, особенно в контексте гражданского процесса. Особую роль здесь играет подготовка специалистов, способных сочетать глубокое понимание религиозных ценностей с профессиональными навыками медиации и знанием гражданского процессуального права. Такая подготовка должна включать изучение не только методик урегулирования конфликтов, но и действующего законодательства, чтобы гарантировать соблюдение прав всех участников процесса и возможность утверждения достигнутых соглашений судом.

Перспективы развития религиозной медиации в России связаны с созданием условий для конструктивного диалога между представителями Церкви, юридического сообщества и

государственных институтов. Постепенное формирование культуры примирения, опирающейся одновременно на вековые традиции и современные правовые механизмы, может стать важным вкладом в укрепление социальной стабильности. Это предполагает разработку чётких методических рекомендаций, повышение квалификации духовных лиц в области медиации с учётом норм ФЗ № 193-ФЗ и ГПК РФ, а также налаживание каналов коммуникации между различными заинтересованными сторонами.

Подводя итог, можно сказать, что взаимодействие православно-нравственных норм и института медиации имеет значительный потенциал для развития в России в рамках гражданского процесса. Оно позволяет использовать богатый опыт религиозных традиций в целях примирения сторон, при этом оставаясь в рамках правового поля. Успешная реализация этого потенциала будет способствовать укреплению социальной гармонии и снижению конфликтности в обществе, что отвечает интересам как государства, так и Церкви. В конечном счёте речь идёт о формировании целостной культуры примирения — такой, которая опирается на многовековой духовный опыт народа и одновременно использует современные правовые инструменты для достижения мира и согласия в обществе, обеспечивая эффективную защиту прав и законных интересов граждан в соответствии с нормами гражданского процессуального законодательства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (в редакции от 15 декабря 2025 года, с изменениями от 23 марта 2026 года, вступившими в силу с 1 января 2026 года) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532

3. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в ред. от 26.07.2019 № 197-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 31. — Ст. 4162; Российская газета. — 2010. — № 168. — 30 июля.

4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2022. — 1376 с.

5. Носырева Е.И. Альтернативное разрешение споров как система правовых институтов / Е.И. Носырева // Вестник гражданского процесса. – 2026. – Т. 16, № 1. – С. 107-123.

6. Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. — М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. — Кн. 8, ч. 1. — С. 210–215.

7. Сторчак В., Попова А. Социальное служение РПЦ в Центральном федеральном округе России // Государственная служба, 2015, №5 (97).

УДК 338.3

Никулин В.В., Хохлов Д.О.

Научный руководитель: Кочина С.К., д-р. экон. наук, проф.
Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия

ПРИНЦИПЫ ЦИРКУЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКИ В МАШИНОСТРОЕНИИ: СУЩНОСТЬ И БАРЬЕРЫ

Машиностроение исторически выступает фундаментом индустриального развития, потребляя значительные объемы металлов, редкоземельных элементов и энергоресурсов. Долгое время отрасль функционировала в рамках линейной модели: от добычи руды и выплавки стали до производства конечного изделия, которое по завершении срока эксплуатации отправлялось на свалку. Однако сегодня становится очевидным, что ресурсная база планеты неуклонно истощается, а стоимость сырья стремительно растет. Производители приходят к пониманию, что экономически целесообразнее извлекать материалы из готовой, отработавшей техники, чем вовлекать в оборот первичные ресурсы. Так формируется концепция циркулярной или замкнутой экономики, где отходы одного передела становятся сырьем для другого [1].

Циркулярная модель в машиностроении выходит за рамки экологической повестки или популяризации раздельного сбора отходов. Речь идет о переосмыслении философии производства: в фокусе оказывается не количество выпущенной продукции, а ценность, сохраняемая изделием на всех этапах его жизненного цикла. Если в традиционной модели ответственность производителя завершалась

моментом продажи станка, то циркулярный подход предполагает сохранение этой ответственности на десятилетия вперед, включая утилизацию и возврат материалов в производственный цикл [2].

Рассмотрим сложный промышленный агрегат. В линейной парадигме по истечении срока службы он превращается в металлолом. В циркулярной парадигме экономико-производственной системы еще на стадии проектирования инженеры закладывают решения, позволяющие через двадцать лет эффективно разобрать это изделие, повторно использовать функциональные узлы и переплавить металл с минимальной потерей качества. Это требует принципиально иного подхода к конструированию: соединения должны быть доступны для демонтажа, а материалы подобраны так, чтобы их разделение не вызывало затруднений [3].

Ключевым инструментом реализации такой модели выступает ремануфактуринг. Данное понятие подразумевает не обычный ремонт, а полноценное восстановление оборудования до состояния, идентичного новому. Двигатель, выработавший ресурс, подвергается полной разборке, очистке, замене изношенных компонентов и повторной сборке. В результате его эксплуатационные характеристики не уступают, а зачастую превосходят новые аналоги благодаря выявленным и устраненным слабым местам. При этом затраты ресурсов и энергии оказываются существенно ниже, чем при производстве нового изделия, что позволяет сохранить ценность, заложенную в материале и труде.

Развитию модели способствуют современные технологии. Интеграция интеллектуальных датчиков в оборудование позволяет производителю отслеживать его состояние в режиме реального времени. Аналитика дает возможность прогнозировать выход деталей из строя и производить их замену до возникновения аварийных ситуаций. Такой подход продлевает срок службы оборудования и максимизирует эффективность его эксплуатации.

Несмотря на очевидные преимущества, внедрение циркулярных принципов в машиностроении сопряжено с рядом трудностей, имеющих экономическую, институциональную и технологическую природу.

Главными сдерживающими факторами здесь выступают: необходимость серьезных изменений в виде смены документации, переквалификации инженеров, строительства центров для разборки и восстановления техники, выстраивание логистической цепочки по сбору отработанного оборудования. При этом первичное сырье на рынке остается дешевле переработанного [4].

Не стоит сбрасывать со счетов и институциональные преграды. Действующее законодательство писалась под линейную модель хозяйства, даже если восстановленная деталь по своим характеристикам идентична новой, юридически она ей не признается. Если оборудование пересекает границу для восстановления, это приравнивается к перемещению отходов, что автоматически накладывает пошлины и замедляет процесс. Также отсутствие общепринятых стандартов в области ремануфактуринга порождает недоверие со стороны и потребителей, и партнеров. А налоговая поддержка от государства выглядит как исключение, нежели правило.

Современные машины проектируются без учета возможной разборки конструкции в дальнейшем и для эффективной переработки такой техники нужны передовые методы изменения чертежей и конструкций, которые пока существуют только в лабораториях и требуют колоссальных вложений.

Однако наиболее труднопреодолимыми представляются барьеры психологического характера. Руководители предприятий зачастую воспринимают циркулярность как дополнительную нагрузку, а не как источник дохода. Для них привычнее наращивать продажи новых станков, чем развивать восстановление старых. Инженеры ориентированы на снижение производственной себестоимости, а не на удобство будущей разборки.

Со стороны потребителей наблюдается настороженное отношение к восстановленной продукции. Психологически приобретение нового изделия воспринимается как более надежное, даже если восстановленное объективно превосходит его по параметрам. Преодоление этого стереотипа требует времени и масштабной разъяснительной работы.

Наконец, функционирование циркулярной экономики невозможно без формирования целостных экосистем. Отдельно взятое предприятие не способно замкнуть цикл автономно. Ему необходимы партнеры по сбору отработавшей техники, логистике, переработке сложных узлов. В настоящий момент таких кооперационных связей в отрасли недостаточно: конкурентные модели взаимодействия преобладают над партнерскими [5].

Подводя итог, можно сказать, что циркулярная модель в машиностроении – это насущная необходимость. Она позволяет решить дефицит природных ресурсов и растущие объемы отходов. В ее основе лежат проектирование с расчетом на многократное использование и ремонтпригодность, а также восстановление основных узлов и деталей. Тем не менее, чтобы перейти к этой модели, нужно снять

целый ряд барьеров – экономических, институциональных, нормативно-правовых, технологических и даже психологических. Как показывает практика компаний, которые уже встали на этот путь, внедрение циркулярных принципов дает серьезную фору, когда эффективное использование ресурсов из экспериментальной практики превратится в жесткое и необходимое требование рынка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кочина, С.К. Анализ бизнес-активности промышленного предприятия в условиях трансформации производственно-экономического пространства / С.К. Кочина, А.Н. Брежнев // Эффективность организации и управления промышленными предприятиями: проблемы и пути решения: материалы VI Международной научно-практической конференции. – Воронеж, 2025. – С. 133-137.
2. Становская, А.В. О циркулярной трансформации предприятий машиностроения / А.В. Становская // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы XVII Международной научно-практической конференции. – Минск, 2024. – С. 78-79.
3. Иванова, Л.В. Практика управления отходами в контексте устойчивого развития и циркулярной экономики // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2024. – №. 4 (70). – С. 46-53.
4. Четкина, Е.А. Формирование концепции циркулярной экономики как инструмента достижения целей устойчивого развития / Е.А. Четкина, А.А. Бочарова // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. –Т. 14. – № 5-1. – С. 34-44.
5. Фонтана, К.А. Экономика замкнутого цикла – циркулярные образы будущего / К.А. Фонтана, Б.А. Ерзнкян // Экономическая наука современной России. – 2023. – №. 3(102). – С. 32-46.

Оспищева К.А.

*Научный руководитель: Бендерская О.Б., канд. экон. наук, доц.
Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДИК ОЦЕНКИ ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ

Одной из ключевых задач руководства предприятия является рациональное использование капитала [1].

Для принятия грамотных управленческих решений необходима достоверная информация о работе организации. Исследователи (Г.В. Савицкая, А.Д. Шеремет и др.) считают бухгалтерскую (финансовую) отчетность основным источником данных для оценки финансового положения. Также целесообразно использовать данные государственной статистики (Т.И. Григорьева) и отраслевую аналитику (В.И. Бариленко).

В научной среде отсутствует единое толкование термина «финансовое состояние».

Так, О.А. Толпегина рассматривает его как «способность предприятия развиваться во внутренней и внешней среде, а также его конкурентоспособность, потенциал в деловом сотрудничестве» [7].

В.И. Бариленко определяет финансовое состояние как «уровень сбалансированности активов и капитала предприятия, эффективности их использования» [5].

Т.И. Григорьева связывает данный термин с финансовой устойчивостью, отмечая, что «финансовое состояние – это возможность противостоять негативным воздействиям внешней среды без потери прежнего уровня платежеспособности» [3].

По мнению А.Д. Шеремета, «финансовое состояние – это экономическая категория, которая определяется составом и размещением средств, структурой их источников, скоростью оборота капитала, наличием у предприятия достаточного объема денежных средств для погашения обязательств в установленный срок и в полном объеме» [9].

Г.В. Савицкая определяет его как «экономическую категорию, которая отражает состояние капитала в ходе его кругооборота и способность субъекта к саморазвитию в определенный промежуток времени» [6].

Как показывает сравнительный анализ, наиболее емкое

определение дает В.И. Бариленко, определяющий это понятие как комплексный показатель эффективности использования капитала и активов.

Методические подходы к этапам анализа и перечню рассчитываемых коэффициентов существенно различаются [4].

О.А. Толпегина делает акцент на экспресс-диагностике статей баланса, а также на оценке платежеспособности, ликвидности и финансовой устойчивости. В ее систему показателей входят монетарные и немонетарные активы и пассивы, коэффициенты ликвидности, автономии и финансового рычага и др.

В.И. Бариленко предлагает многоуровневый алгоритм, включающий верификацию отчетных данных, расчет и интерпретацию метрик, всесторонний анализ внутренней и внешней среды, а также сравнение фактических результатов с плановыми. На заключительном этапе разрабатываются прогнозы дальнейшего развития.

Т.И. Григорьева выделяет экспресс-анализ и детализированный анализ. Первый направлен на выявление сильных и слабых сторон, второй – на подробное рассмотрение проблем и меры, направленные на недопущение их возникновения в будущем. Рассчитываются показатели ликвидности, финансовой устойчивости и имущественного потенциала.

А.Д. Шеремет проводит анализ иначе: сначала изучается состав и структура имущества и источников, затем оценивается финансовое состояние по данным отчетности, после чего рассчитываются соответствующие показатели. Особое внимание он уделяет рыночной устойчивости, ликвидности и платежеспособности.

Г.В. Савицкая отмечает, что после расчета показателей финансовой устойчивости, ликвидности и платежеспособности необходимо приступить к прогнозированию. На всех этапах рекомендуется учитывать коэффициенты ликвидности и финансовой устойчивости (автономии, финансовой устойчивости и др.).

В то же время, для целей федерального статистического наблюдения применяется стандартизированный подход. Так, Росстат выделяет два основных коэффициента финансовой устойчивости: коэффициент автономии и коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами [8].

Сравнительный анализ рассмотренных авторских методик представлен в таблице.

Таблица. Авторские группы показателей для оценки финансового состояния предприятия

Показатель / автор	Ликвидность, платежеспособность, финансовая устойчивость	Динамика активов и пассивов	Чистые активы	Активность на рынке ценных бумаг
О.А. Толпегина	+	+	+	–
В.И. Бариленко	+	–	–	+
Т.И. Григорьева	+	+	–	–
А.Д. Шеремет	+	+	–	–
Г.В. Савицкая	+	+	+	–

Из таблицы видно, что все исследователи (О.А. Толпегина, В.И. Бариленко, Т.И. Григорьева, А.Д. Шеремет, Г.В. Савицкая) считают необходимым рассчитывать показатели ликвидности, платежеспособности и финансовой устойчивости.

При этом А.Д. Шеремет, О.А. Толпегина и Г.В. Савицкая не просто выделяют эти категории, но и рассматривают платежеспособность и финансовую устойчивость как взаимодополняющие понятия. Авторы методик оценки финансового состояния не пришли к единому мнению о разграничении этих понятий. Мы будем понимать их как различные. Соответственно, по нашему мнению, при анализе финансового состояния предприятия важно определить тип финансовой устойчивости, степень платежеспособности и оценить вероятность банкротства.

О.А. Толпегина и Г.В. Савицкая также пишут о необходимости в ходе анализа финансового состояния в динамике корректировать статьи бухгалтерского баланса и чистых активов на уровень инфляции.

В заключение отметим, что финансовый анализ необходим предприятию для того, чтобы оно могло сохранять нормальное финансовое состояние на протяжении длительного времени [2].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бендерская, О.Б. Анализ и диагностика хозяйственной деятельности: учеб. пособие. / О.Б. Бендерская. – Белгород: Изд-во БГТУ, 2019. – 172 с.
2. Бендерская, О.Б. Финансовый анализ и планирование: учебник / О.Б. Бендерская. – Белгород: Изд-во БГТУ, 2023. – 305 с.

3. Григорьева, Т.И. Финансовый анализ для менеджеров: оценка, прогноз: учебник для вузов / Т.И. Григорьева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 486 с.

4. Каледин, С.В. Корпоративные финансы: теоретический аспект: учебник для вузов / С.В. Каледин. – Санкт-Петербург: Лань, 2022. – 500 с.

5. Комплексный анализ хозяйственной деятельности: учебник и практикум для вузов / под редакцией В.И. Бариленко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 482 с.

6. Савицкая, Г.В. Анализ хозяйственной деятельности: учебник / Г.В. Савицкая. – Минск: РИПО, 2019. – 373 с.

7. Толпегина, О.А. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности: учебник и практикум для вузов / О.А. Толпегина. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 573 с.

8. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 30.04.2026).

9. Шеремет, А.Д. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия: учебник / А.Д. Шеремет. – 2-е изд., доп. – Москва: ИНФРА-М, 2025. – 374 с.

УДК 343.140.1

Пономарёва Э.А., Кудинова С.С.

Научный руководитель: Часовникова О.Г. доц.

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, г. Санкт-Петербург, Россия.

РОЛЬ ЭКСПЕРТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В современном уголовном судопроизводстве, характеризующемся усложнением объектов расследования и широким внедрением специальных познаний из области естественных, технических и гуманитарных наук, фигура эксперта приобретает ключевое, методологически значимое положение.

Действуя в строго регламентированных рамках уголовно-процессуального закона, эксперт выступает носителем независимого, научно обоснованного знания, способного оказывать детерминирующее влияние на установление фактических

обстоятельств дела, механизма слеодообразования, причинно-следственных связей и личности преступника.

Переходя к анализу прав и их реализации, необходимо отметить, что законодатель наделил эксперта достаточно широким кругом полномочий, позволяющих ему проявлять процессуальную инициативу. И.В. Макеева, опираясь на выводы О.Г. Дьяконовой, относит к числу наиболее значимых процессуальных прав эксперта следующие: возможность заявлять ходатайства перед следователем или судом; право самостоятельно определять методику и способы проведения экспертного исследования; способность корректировать или уточнять формулировки вопросов, содержащихся в постановлении о назначении экспертизы, без изменения их смыслового содержания и юридической направленности; а также право отражать в своем заключении такие выводы и суждения, которые дают ответы на вопросы, формально не поставленные перед экспертом, но имеющие отношение к предмету исследования [6, с. 44].

Одной из дискуссионных проблем, связанных с реализацией прав эксперта, является вопрос о его фактическом участии в сборе доказательств. В соответствии с пунктом 2 части 4 статьи 57 УПК РФ эксперту запрещается самостоятельно собирать материалы для производства экспертизы.

Основания для отвода эксперта перечислены в статье 70 УПК РФ, к их числу относятся обстоятельства, предусмотренные статьей 61 (включая родственные связи, личную заинтересованность и т.д.), зависимость от какой-либо из сторон, а также проявленная специалистом некомпетентность.

Особого внимания заслуживает разграничение процессуальных статусов эксперта и специалиста, поскольку на практике эти два участника нередко смешиваются. Для специалиста, как и для эксперта, характерно обладание специальными знаниями в той или иной области» [6, с. 43]. Однако ключевые различия лежат в плоскости задач и результатов деятельности. Если специалист оказывает содействие и его мнение, как правило, носит рекомендательный характер и не требует строгой процессуальной формы, то «эксперт выдает результат своей работы в виде заключения, которое делается по итогу исследования объекта по поставленным ему вопросам. При исследовании эксперт основывается не только на своих специальных знаниях, но также руководствуется требованиями законодательства» [6, с. 43-44].

Ключевое значение для понимания роли эксперта имеет подготовленное им заключение, которое в силу статьи 74 УПК РФ признается самостоятельной разновидностью судебных доказательств.

Согласно первому, заключение эксперта рассматривается как средство доказывания, согласно второму – как выводное знание, то есть конечный продукт экспертной деятельности [2, с. 36].

Практическая значимость заключения эксперта настолько высока, что суды нередко воспринимают его как «неопровержимое доказательство». Однако, как предупреждает закон (ст. 17 УПК РФ), никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, и заключение эксперта подлежит оценке наравне с другими доказательствами. Тем не менее, согласно приведенному И.В. Макеевой опросу, «чаще всего суд при рассмотрении уголовных дел в большей степени ориентируется на заключение эксперта (порядка 77% опрошенных)» [6, с. 44].

В работе А.П. Шишкина и А.А. Фоменкова приводится детальная характеристика основных разновидностей экспертных исследований, причем подчеркивается, что каждая из них ориентирована на решение строго определенных задач. Широкое разнообразие видов и подвидов экспертиз, каждый из которых предполагает использование собственных методик и подходов, предъявляет повышенные требования к уровню компетентности эксперта (см. табл. 1).

Таблица 1. Основные виды судебных экспертиз и типичные разрешаемые вопросы (составлено автором)

Вид экспертизы	Область специальных знаний	Примеры типичных вопросов, выходящих за рамки общеизвестных
Судебно-медицинская	Медицина, морфология, танатология	Каков механизм образования телесных повреждений? Соответствуют ли они давности наступления смерти?
Судебно-психиатрическая	Психиатрия, психология	Могло ли лицо осознавать фактический характер своих действий в период инкриминируемого деяния?
Судебно-техническая (автотехническая, взрывотехническая и др.)	Техника, физика, механика	Соответствовали ли действия водителя требованиям ПДД? Исправна ли тормозная система?
Экспертиза веществ и материалов	Химия, биология, материаловедение	Принадлежит ли обнаруженное вещество к наркотическим средствам? Каков его состав и происхождение?

Компьютерно-техническая экспертиза	Информационные технологии, программирование	Имеются ли на носителе следы вмешательства в программное обеспечение? Возможно ли восстановить удаленные файлы?
------------------------------------	---	---

Авторы также акцентируют внимание на том, что в тексте своего заключения эксперт обязан представить актуализированный перечень нормативных и методических документов, послуживших основой для аналитической работы, причем ссылки на источники должны оформляться с использованием сносок или отсылок [8, с. 256].

Особая роль в процессуальной деятельности эксперта отводится его участию в судебном разбирательстве, прежде всего при проведении допроса в суде. С.Г. Загорьян и О.А. Котельникова детально анализируют процедуру судебной экспертизы и приходят к выводу, что после слов «заключениями экспертов» следует добавить «или заключениями эксперта и специалиста», а после слов «допроса экспертов» – «или допросов эксперта и специалиста» [4, с. 141].

В действующей редакции статьи 283 УПК РФ возможность назначения дополнительной либо повторной экспертизы связывается исключительно с наличием разногласий между несколькими экспертными заключениями. Ситуация же, при которой экспертное знание вступает в конфликт со знанием специалиста, фактически выпадает из сферы правового регулирования.

В завершение следует подчеркнуть, что экспертное заключение, при всей его высокой доказательственной значимости, не обладает преимущественной силой перед другими доказательствами. Оно подлежит разносторонней проверке с позиций относимости, допустимости и достоверности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бадовский Д. С. Роль эксперта в уголовном процессе // Пермский период. – 2023. – С. 40-41.
2. Байчорова Ф. Х., Токов И. Р. Заключение эксперта как доказательство в уголовном процессе // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – №. 114-5. – С. 35-38.
3. Воронов Н. А. Роль эксперта в рамках уголовного процесса // Вестник экономики и права. – 2022. – №. 70. – С. 50-55.
4. Загорьян С. Г., Котельникова О. А. К вопросу о роли эксперта в российском уголовно-процессуальном законодательстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – №. 3. – С. 131-144.

5. Клементьева А. А., Хомченко В. Н. Роль эксперта в уголовном процессе // Правовые и социально-экономические проблемы современной России: теория и практика. – 2022. – С. 189-191.

6. Макеева И. В. Роль эксперта в уголовном процессе // Экономика. Право. Общество. – 2023. – Т. 8. – №. 2. – С. 40-45.

7. Симонова С. В., Бровкин Д. В. К вопросу об определении и важности заключения эксперта в уголовном процессе // Право и управление. – 2024. – №. 5. – С. 430-433.

8. Шишкин А. П., Фоменков А. А. Роль судебных экспертиз в уголовном процессе // Право и управление. – 2024. – №. 11. – С. 253-257.

УДК 94(32).055.2

Попкова В.А.

Научный руководитель: Мамаева Т.П., канд. истор. наук, доц.

*Старооскольский филиал Белгородского государственного
национального исследовательского университета (СОФ НИУ «БелГУ»),
г. Старый Оскол, Россия*

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Древний Египет существовал более трёх тысячелетий. Цивилизация возникла около 4 тысяч лет до н. э., и её история длилась с середины IV тысячелетия до IV века до н.э. [1]. Она располагалась на северо-востоке Африки вдоль нижнего течения реки Нил [2].

Древний Египет - это цивилизация, влияние которой было колоссальным, а происхождение до сих пор остаётся чем-то неизведанным и таинственным. В этом обществе женщины занимали важное место, которое отличалось от положения женщин в других древних культурах. Несмотря на распространённое мнение о патриархальной структуре древних обществ, египтянки обладали значительными правами и возможностями для участия в различных сферах жизни, что делало их положением уникальным и многогранным.

Социальный статус женщины был тем фундаментальным фактором, который полностью определял условия ее жизни. Представительницы низших сословий были вынуждены заниматься изнурительным трудом без отдыха, и их работа прерывалась лишь на короткие периоды, связанные с рождением детей. Подобный образ жизни, лишенный всякой передышки, закономерно приводил к физическому истощению, стремительному старению и в конечном итоге к преждевременной смерти. Несмотря на общую суровость их участи, у таких женщин все же оставалась небольшая надежда на

лучшую долю. Эта надежда была связана с успехом их сыновей: если сын достигал высокого положения в обществе, то мать и отец могли рассчитывать на спокойную старость и достойное погребение в гробнице, а не в обычной могиле. К сожалению, подобные счастливые случаи были скорее исключением, и большинство женщин сталкивалось с безрадостной судьбой [4, с.11].

Интересно, что даже в таких условиях женщины из простолюдины могли проявлять удивительную предприимчивость. Например, в одном из папирусов эпохи Нового царства описывается судебный процесс, где женщина по имени Иринефер судится с соседом из-за кражи её домашней утвари - и выигрывает дело [5]. Этот пример демонстрирует, что правовая защита распространялась не только на аристократов, но и на представителей низших слоёв общества, что было нетипично для древнего мира.

Египтянки же высокого сословия обладали юридической независимостью - это один из важнейших аспектов положения женщин в Древнем Египте. Они могли свободно передвигаться по стране, заключать сделки, участвовать в судебном процессе, например, в качестве свидетеля, истца или ответчика, имели право записывать на своё имя детей, обладали правами наследования и завещания, это доказывают папирусы, судебные документы и надписи на памятниках. Закон защищал их права в браке и после смерти супруга, что свидетельствует о высоком уровне правового статуса.

Исключительные случаи, когда женщины достигали вершин в административном управлении, властных структурах или становились писцами, были обусловлены тем, что общество в первую очередь возлагало на них обязанности матери и хранительницы домашнего очага.

В Древнем Египте женщины занимали ключевое положение в вопросах наследования, поскольку земля передавалась по материнской линии. Данная правовая норма коренится в фундаментальном физиологическом различии: материнство всегда было фактом очевидным и неоспоримым, в то время как отцовство могло оставаться под вопросом. В связи с этим земельные владения, которыми супруг управлял лишь при жизни жены, после её кончины переходили непосредственно к дочери. Такой механизм наследования и служил основанием для легитимации власти фараона, вступавшего в брак с наследницей: подобный союз предоставлял ему не только супружеские, но и законные политические права на верховное управление государством. Возраст невесты при этом не играл существенной роли - фараоном могла стать как пожилая женщина, так и младенец [3].

Женщины Древнего Египта играли значительную роль в экономике. В их ведении находились самые разные занятия - от работ на полях до ремесленных производств, таких как ткачество и пивоварение. Нельзя не упомянуть и участие египтянок в торговых операциях. Среди обязанностей, которые традиционно ложились на женские плечи, были управление домом, распоряжение финансами семьи и надзор за прислугой. Встречались они и на рынках, и во время религиозных церемоний. Если взглянуть на социальный срез, то спектр женских ролей окажется весьма широким: от рабынь и мастериц до супруг фараонов и служительниц храмов. При дворе женщины, связанные родством с правителями-мужчинами, получали определённые должности, что также подчёркивает их вовлечённость в государственные дела [9].

Остановимся отдельно на экономической деятельности женщин в производстве и сбыте тканей, а также благоволий. В документах из поселения ремесленников Дейр-эль-Медины сохранились сведения о том, что женщины не ограничивались ткачеством лишь для собственных нужд. Они организовывали пусть и небольшие, но мастерские, продукт которых шёл на обмен [6, с. 112-128]. Духи и масла, которые умели готовить египтянки, ценились далеко за пределами страны. Для знатных семей это была одна из важных статей дохода, что лишний раз говорит о вкладе женщин в благосостояние элиты и в международную торговлю того времени.

Семья в Древнем Египте имела очень большое значение в социуме, женщина была её центром. Она была хранительницей домашнего очага, воспитательницей детей и советницей мужа. Главной целью брака являлось увеличение числа детей и обеспечение преемственности поколений. Материнство - это почётная обязанность египтянки, а забота о семье - важная социальная функция. При этом женщины имели право на развод и могли самостоятельно обеспечивать себя и детей, что делало их положение относительно независимым. В браке женщина и мужчина рассматривались как равноправные партнеры, что отличало египетское общество от многих других древних культур. Если египтянка была бесплодна, то египтянин мог развестись с ней, из-за того, что продолжение рода не может быть осуществлено [9].

Немаловажную роль играли женщины Древнего Египта в религиозной жизни. Служение божествам в качестве жриц было для многих из них основным занятием. Египтянки участвовали в ритуалах и церемониях, хранили устои культов. Образы богинь - Исиды, Хатор, Бастет - олицетворяли любовь, материнство, плодородие, защиту, и уже в этом можно усмотреть признание значимости женского начала в

мировоззрении египтян. Тексты религиозного содержания и мифы также не обходят стороной роль женщин в мироустройстве. Если обратиться к сфере искусства, то и тут женщины выступали не просто пассивными музами - их вклад в живопись и словесность зафиксирован многочисленными памятниками [9].

Надо добавить, что в некоторых культах женщинам удавалось достичь высших ступеней иерархии. Так, титул «Супруга бога» в Фивах давал его обладательнице, верховной жрице Амона, колоссальное влияние, порой сравнимое с фараоновым. В её руках находились огромные храмовые земли, и этот пост зачастую переходил по наследству среди членов царской семьи [7, с. 45-62]. Подобное положение дел лишний раз доказывает, что в религиозно-политической системе Древнего Египта женщинам отводилась далеко не последняя роль.

Несмотря на то, что власть в Древнем Египте преимущественно находилась в руках мужчин, история знает примеры женщин-фараонов. Среди выдающихся правительниц Египта выделяется Хатшепсут, чье 22-летнее правление ознаменовалось масштабными стройками и эффективным управлением экономикой. Последняя царица эллинистического Египта, Клеопатра VII, боролась за власть со своим братом Птолемеем XIII. Она запомнилась своей проницательностью в политике, искусством дипломатии и активной ролью на международной арене. Эти примеры убедительно демонстрируют, что женщины не только могли достигать вершин власти, но и существенно влиять на ход истории Египта [3].

Малоизвестным, но не менее значимым примером женского правления является царица Собекнефруру, которую принято считать первой документально подтверждённой женщиной-фараоном. Правила она под самый конец XII династии и носила все традиционные атрибуты царской власти, включая немес и накладную бороду. Срок её правления был коротким, но сам факт того, что женщина официально взошла на трон (а не просто исполняла обязанности регента при малолетнем наследнике), создал важный прецедент.

Древнеегипетское искусство уделяет значительное внимание женским образам. На фресках, в скульптурах и барельефах запечатлены женщины разных сословий, их редко показывались старыми или морщинистыми, поскольку существовали определённые идеалы красоты. Египтянок изображали стройными и прекрасными. Литературные источники раскрывают их общественную и семейную роль, проливая свет на их положение в культуре. Женщины предстают как источники вдохновения, музы и героини мифов, что подтверждает

их значимость в мировоззрении древних египтян. Литература Древнего Египта изображала их легкомысленными, капризными и ненадёжными [9].

Любопытный аспект женских изображений связан с цветом кожи: на фресках женщин традиционно изображали с более светлой кожей, чем мужчин, что вероятно отражало социальные, а не биологические реалии - такой приём подчёркивал, что женщина проводит больше времени в помещении, в отличие от загорелого на солнце мужчины [8]. Эта художественная условность свидетельствует о существовании сложной системы визуальных кодов, где пол и социальный статус определяли внешний облик персонажа.

В заключение хочется сказать, что в Древнем Египте женщины имели значительные права, занимали ключевые позиции в обществе, экономике и религии, и даже могли дослужиться до высших государственных постов. Понимание женского опыта в тот период позволяет нам глубже и точнее осмыслить древнеегипетское общество и его систему ценностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Древний Египет: что известно об одной из великих мировых цивилизаций [электронный ресурс] // Новости Казахстана: сайт. - Режим доступа: <https://www.nur.kz>, свободный (дата обращения: 19.04.2026).

2. Древний Египет [электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия. - Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>, свободный (дата обращения: 20.04.2026).

3. Женщина в Древнем Египте [электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия. - Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>, свободный (дата обращения: 21.04.2026).

4. Мышуста, С. В. Древний Египет: женщины-фараоны / С. В. Мышуста. - Москва: Вече, 2019. - 320 с.

5. Папирус Salt 124 [электронный ресурс] // Британский музей: офиц. сайт. - Режим доступа: <https://www.britishmuseum.org>, свободный (дата обращения: 20.04.2026).

6. Рёрих, В. С. «Супруга бога»: женщина в жреческой иерархии Фив / В. С. Рёрих // Религии Древнего Востока. - Санкт-Петербург: Алетей, 2018. - С. 112-128.

7. Тираны, К. Женщины в Дейр-эль-Медине: гендерный аспект жизни ремесленной общины / К. Тираны // Вестник древней истории. - 2020. - № 3(98). - с. 45-62.

8. Color and meaning in ancient Egypt [электронный доступ] // MetPublications. - Режим доступа: <https://www.metmuseum.org>, свободный (дата обращения: 19.04.2026).

9. Women in ancient Egypt [электронный доступ] // Wikipedia. - Режим доступа: <https://en.wikipedia.org>, свободный (дата обращения: 21.04.2026).

УДК 332.1

Раковская-Самойлова А.Х.

Научный руководитель: Чистникова И.В., канд. экон. наук, доц.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭКОНОМЕТРИКА В ПРАКТИКЕ СТРАТЕГИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Стратегирование регионального развития в современных условиях требует осознания того, что регионы представляют собой не изолированные хозяйственные единицы, а элементы единой пространственной системы, связанные многообразными экономическими, социальными и институциональными взаимодействиями [4]. Недооценка пространственного фактора и игнорирование межрегиональных связей при разработке стратегий развития приводит к формированию неэффективных управленческих решений и закреплению пространственной дифференциации [1].

Пространственная эконометрика, сформировавшаяся в самостоятельное направление к концу XX столетия, предоставляет инструментарий для формализации и количественной оценки межрегиональных эффектов. Её методы позволяют не только констатировать факт пространственной взаимозависимости, но и разделять прямое и косвенное влияние региональных факторов, прогнозировать эффекты от политических интервенций и, что особенно важно, формировать адаптивные стратегии пространственного развития.

Пространственно-эконометрический инструментарий базируется на трёх фундаментальных элементах: матрицах пространственных весов, диагностике пространственной автокорреляции и регрессионных моделях со встроеными пространственными эффектами.

Корректная спецификация матрицы пространственных весов (W), отражающей меру взаимосвязи между парами регионов, является наиболее ответственной задачей прикладного анализа. Географическая близость (смежность или расстояние между центрами) остаётся

стандартным подходом, однако в современной практике всё чаще применяют «экономически обоснованные» матрицы (например, по объёму торговых потоков). Выбор весов напрямую моделирует механизм распространения импульсов развития.

Далее определяется пространственная автокорреляция, то есть оценивается, насколько схожи значения показателя у соседей.

После выявления взаимосвязей применяются регрессионные модели:

- Модель пространственного лага зависимой переменной (SAR): оценивает эффект распространения самого показателя.

- Модель пространственной автокорреляции ошибок (SEM): фиксирует неучтённые пространственные связи.

- Пространственная модель Дарбина (SDM): суммирует оба эффекта, позволяя декомпозировать результат на прямой (влияние фактора в регионе на него же) и косвенный (влияние «соседей»).

Учёт этих составляющих обеспечивает более точное описание социально-экономических процессов по сравнению с традиционными подходами, не учитывающими пространственную структуру данных.

Применение этого инструментария позволяет перевести стратегирование в плоскость «связанного» управления территориями.

В практике стратегирования регионального развития походы и инструментарий пространственной эконометрики необходимы для выявления полюсов роста, идентификации агломерационных процессов, оценки эффективности пространственного маневрирования [2].

Концепция полюсов роста (growth poles) Ф. Перру, несмотря на свою давнюю историю, остаётся одним из наиболее востребованных теоретических конструктов в стратегировании регионального развития. Пространственная эконометрика предоставляет эмпирический инструментарий для идентификации таких полюсов и зон их влияния.

Методология дает возможность разграничить два типа полюсов роста:

- действующие – территории с уже сложившейся высокой концентрацией ресурсов и устойчивыми пространственными связями;

- формирующиеся – территории, характеризующиеся положительной динамикой развития, но пока не достигшие необходимого уровня пространственного влияния.

В отличие от традиционных методов стратегирования, где приоритеты развития часто формируются интуитивно или через примитивное ранжирование без анализа пространственных взаимосвязей, рассматриваемый подход позволяет устранить этот

ключевой недостаток.

Развитие агломерационных процессов – то есть становление и углубление экономических и социальных связей между территориально смежными регионами и муниципалитетами – относится к числу ключевых приоритетов современной региональной политики. Стратегия пространственного развития РФ акцентирует внимание на роли крупнейших городских агломераций как центров экономического роста. Инструменты пространственной эконометрики дают возможность не только выявить наличие агломерационных взаимодействий, но и оценить их интенсивность количественно.

Систематическая недооценка эффекта от регионального манёвра может быть нивелирована посредством включения в анализ пространственных эффектов «перелива» (spillover effects), которые фиксируют диффузию экономических импульсов между регионами. Исследования интегрированных политик («город-село») показывают, что положительные пространственные эффекты могут достигать почти 40% от совокупного результата. Без поправки на взаимодействие соседей эффект от интервенций легко потерять.

Кластерный анализ на основе пространственных данных открывает возможность нормативного конструирования макрорегионов и территориальных систем с заданными свойствами межрегионального взаимодействия [3].

Пространственная эконометрика представляет собой не просто набор альтернативных регрессионных техник, а концептуальный сдвиг в понимании регионального развития – переход от анализа регионов как изолированных «островов» к исследованию их как элементов единой пространственной системы, связанной сложными прямыми и обратными связями.

Пространственная эконометрика формирует парадигму «интегрированного» стратегирования. Она позволяет отказаться от представления о регионах как о закрытых системах, превращая анализ в количественную оценку сетевых взаимодействий между соседними субъектами. Практика стратегирования регионального развития в России в настоящее время всё ещё находится в стадии активного освоения пространственно-эконометрического инструментария. Исследования последних лет демонстрируют как значительный потенциал применения этих методов, так и необходимость учёта институциональной и исторической специфики российских пространственных взаимодействий. Ключевой вызов заключается в переходе от эпизодического использования пространственных методов к их системной интеграции в процедуры разработки, мониторинга и

оценки эффективности стратегий регионального развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антонова, М. В. Уровень финансовой грамотности населения как фактор устойчивости региональных экономических систем / М. В. Антонова // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2026. – № 1(116). – С. 151-161. – DOI 10.21295/2223-5639-2026-1-151-161. – EDN PTMGVH.

2. Владыка, М. В. Оценка региональных продовольственных рынков и их роли в обеспечении единства экономического пространства Центрально-Черноземного экономического района / М. В. Владыка, Е. А. Стрябова, И. В. Чистникова // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2025. – Т. 17, № 4. – С. 790-805. – DOI 10.17072/2218-9173-2025-4-790-805. – EDN PDRJZA.

3. Чистникова, И. В. Оптимизация территориальной социально-экономической системы на основе аллокативной эффективности: теоретический аспект / И. В. Чистникова // Пространственное развитие территорий : Сборник трудов VIII Международной научно-практической конференции, Белгород, 27 ноября 2025 года. – Белгород: ООО "Эпицентр", 2025. – С. 193-196. – EDN ABEMMT.

4. Чистникова, И. В. Аллокативная эффективность региональной экономики: методы измерения и способы достижения / И. В. Чистникова // Естественно-гуманитарные исследования. – 2025. – № 6(62). – С. 829-832. – EDN OSOUAT.

УДК 336.71:339.138

Рафальская Е.В.

Научный руководитель: Киреева А.В., ст. преп.

*Белгородский государственный технологический университет
им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Россия*

ЭВОЛЮЦИЯ ПАРАДИГМ БАНКОВСКОГО МАРКЕТИНГА: ОТ ТРАНЗАКЦИОННОГО ПОДХОДА К ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЧНОСТИ И ESG-ПОВЕСТКЕ

В свете повсеместной цифровизации финансовой сферы и растущего давления со стороны финтех-инноваторов, устоявшиеся методы банковского продвижения теряют свою прежнюю силу. Настоящая публикация ставит своей целью изучение трансформации основополагающих стратегий маркетинга в банковском деле. В рамках

исследования рассмотрены теоретические основы понятия «банковский маркетинг», идентифицированы его фундаментальные компоненты в текущих условиях. Особый акцент сделан на смене парадигмы от ориентации на клиента к модели, ориентированной на человека (Human-to-Human, H2H), а также на внедрении принципов экологической, социальной и управленческой ответственности (ESG) в маркетинговые планы. Основываясь на синтезе новейших академических работ и опыта лидеров банковского рынка, представлена оригинальная классификация стадий эволюции банковского маркетинга [3]. Определены главные движущие силы перемен и перспективные векторы развития, среди которых выделяются гиперперсонализация с использованием больших данных (Big Data) и использование эмоционального интеллекта в цифровом пространстве.

Нынешний этап эволюции банковской сферы отмечен насыщением предложения и значительным сходством основных услуг. В такой обстановке маркетинг утрачивает роль второстепенного инструмента сбыта, становясь центральным компонентом стратегического планирования. Он призван формировать устойчивую приверженность клиентов и обеспечивать потребителю неповторимые выгоды [2]. Важность этого исследования продиктована потребностью переосмыслить концептуальные положения маркетинга в банках в контексте цифровой трансформации. Массовые способы общения уступают место индивидуализированным взаимодействиям в рамках экосистем. Работа ставит своей задачей упорядочить закономерности эволюции подходов к банковскому маркетингу и наметить направления их дальнейшего развития.

Исследование научных источников выявляет разнообразие трактовок сущности банковского маркетинга. Ранее его понимали как совокупность действий, направленных на изучение рынка и продвижение продуктов (по С.Н. Лобановой), либо как деятельность, ориентированную на удовлетворение нужд вкладчиков с целью обеспечения финансовой устойчивости кредитной организации (по О.В. Мелентьевой) [1]. Тем не менее, ускоренная технологическая трансформация и сдвиги в потребительских предпочтениях обуславливают необходимость более широкого толкования этого понятия. Сегодня банковский маркетинг представляет собой многоаспектный, развивающийся процесс формирования и сохранения продуктивных партнерских связей с клиентами. Он базируется на глубоком внедрении передовых цифровых решений, индивидуализации предоставляемых услуг, гарантировании непрерывного и комфортного

взаимодействия на всех этапах и следовании постулатам социальной и экологической устойчивости [9].

Банковский маркетинг претерпел значительные трансформации, разделившись на несколько дискретных фаз. На заре своего развития, охватывающей период с 1990-х до начала 2000-х годов, маркетинг в банках носил разрозненный характер и концентрировался в основном на описании преимуществ самих продуктов. Период зрелости, пришедшийся на 2010-е годы, характеризовался массовым распространением систем управления взаимоотношениями с клиентами (CRM) и смещением акцента на нужды клиента. В этот отрезок времени главной оценочной метрикой стало определение степени удовлетворенности клиента [6]. Тем не менее, в последние годы прослеживается тенденция к формированию новой маркетинговой модели — человекоцентричного подхода (H2H).

Принцип человекоцентричности, отраженный в международном стандарте ISO 27500, предполагает переориентацию внимания с абстрактного понятия «клиент» на реального «человека», учитывая его личные ценности, эмоциональное состояние и жизненные устремления [7]. В отличие от клиентоориентированного подхода, сфокусированного на удовлетворении сиюминутных запросов, связанных с банковскими услугами, человекоцентрическая модель ориентирована на долгосрочную поддержку и содействие в достижении более масштабных жизненных целей. Как подчеркивает М.С. Акчурина: «човекоцентричный банк предлагает клиенту не только оформление кредита, но и помощь в вопросах, касающихся налоговых вычетов, финансового планирования или юридических аспектов» [7].

В сфере маркетинга также применяются подобные стратегии. Благодаря развитию технологий Big Data и искусственного интеллекта, маркетологи могут перейти от общей сегментации клиентов к узконаправленной персонализации, осуществляемой в режиме реального времени. Тщательный анализ внушительных массивов данных, включая анализ поведенческих моделей, истории транзакций и географического положения, позволяет предсказывать возникающие потребности клиентов и предоставлять им наиболее подходящие предложения именно в тот момент, когда они в них нуждаются [5]. Кроме того, приобретает значение и эмоциональная составляющая. Финансовые учреждения активно работают над тем, чтобы научиться определять эмоциональное состояние своих клиентов при взаимодействии через цифровые каналы, с целью более тонкой настройки коммуникации [10].

В наше время одним из ключевых направлений развития становится включение ESG-принципов (забота об окружающей среде, социальная ответственность и высокое качество корпоративного управления) в банковский маркетинг. Этот подход перестал быть просто модным течением и явился ответом на растущие ожидания общества и инвесторов. К таким практикам относятся зелёные кредиты, отказ от агрессивного взыскания и программы финансовой грамотности.

Внедрение изложенных подходов требует применения современных маркетинговых средств. Сравнительный анализ инструментов, существовавших на различных этапах развития маркетинга, приведен в Таблице 1.

Таблица 1. Сравнительная характеристика клиентоцентричного и человекоцентричного подходов в банковском маркетинге [4]

Параметр сравнения	Клиентоцентричный подход	Человекоцентричный подход (H2H + ESG)
Базис взаимодействия	Транзакции и продукты	Жизненные события и ценности
Аналитика	Сегментация по группам	Гиперперсонализация на основе Big Data
Коммуникации	Массовые email/SMS-рассылки	Предсказательный маркетинг (Next Best Action)
Клиентский опыт	Удобство интерфейсов (Usability)	Эмоциональный интеллект, эмпатия, соучастие
Продуктовая политика	Стандартизированные продукты	Экосистемность и партнерские сервисы (API)
Социальный аспект	Лояльность как цель	Благополучие клиента и общества как миссия

Оценка успешности внедрения человекоориентированной парадигмы выходит за рамки стандартных финансовых метрик. Для этого могут применяться специализированные коэффициенты, например, Индекс приверженности персонала (BTI), Индекс эмоционального отклика (EPI) или Индекс общественной значимости (CPI) [8].

Банковский маркетинг в 20-х годах XXI века переживает кардинальные изменения. Из простого средства реализации продуктов он превратился в комплексную бизнес-стратегию, базирующуюся на установлении доверительных отношений, индивидуальном подходе и приверженности принципам социальной ответственности. Ориентация на клиента и внедрение ESG-принципов — это не временные явления, а

насуточная потребность, обусловленная ожиданиями общества и достижениями цифровизации. Будущее банковского маркетинга ознаменуется усилением эмпатии в общении с клиентами, применением искусственного интеллекта для улучшения качества жизни людей и созданием надежных экосистем, где банк становится верным спутником на всех этапах жизни заемщика.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ваганова О.В., Гордя Д.В., Сидибе М., Голубовских В.Н., Прядко Е.А. Технологические инновации в мировом банковском секторе экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13. № 1. С. 23-34.
2. Гелдиева Х. Рост цифровых технологий в развитии банковской сферы / Х. Гелдиева // А Posteriori. – 2023. – № 5. – С. 110–113.
3. Дубровина Т. А. Цифровые технологии как фактор повышения конкурентоспособности промышленного предприятия / Т. А. Дубровина, Е. О. Пилаvidу // Белгородский экономический вестник. - 2022. - № 3. - С. 51–55.
4. Ершова, Е.Ю. Методологические основы развития цифровых технологий в сфере дистанционного банковского обслуживания / Е.Ю. Ершова // Исторические, философские, методологические проблемы современной науки: сборник статей 5-й Международной научной конференции молодых ученых, Курск, 22 мая 2022 года. – Курск: Юго-Западный государственный университет, ЗАО «Университетская книга», 2022. – С. 247–253.
5. Зверев А.В. Цифровизация банковского сектора: современное состояние и перспективы развития / А.В. Зверев, М.А. Ермакова // Финансы и кредит. – 2021. – Т. 27, № 2. – С. 365–379.
6. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/>
7. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cbr.ru/>
8. Титиевская О.В. Цифровизация финансового сектора экономики: проблемы и перспективы развития / О.В. Титиевская, А.Д. Левданский. – Текст: непосредственный // Сборник научных работ серии «Экономика». – 2023. – № 30. – С. 188–196.

9. Трошин А.С., Чикина Е.Д., Яблонская А.Е. Анализ основных детерминантов, влияющих на рентабельность банковской деятельности с целью сохранения инновационной активности (на примере АО «ГПБ») // Банковские услуги. – 2024. - № 1. С. – 35-44.

10. Уровень цифровизации банковских услуг. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.banki.ru>

УДК 316.334.2

Руссу А.Н.

Научный руководитель: Сомина И.В., д-р экон. наук, доц.
*Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия*

«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР» В ИННОВАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

Устойчивый интерес исследователей к роли человека в инновационных процессах объясним: при сокращении технологического разрыва и выравнивании доступа к ресурсам именно кадры определяют, станет ли новшество конкурентным преимуществом. Ваганов П.И. отмечает, что в современном инновационном управлении человек — не исполнитель алгоритмов, а субъект, формирующий логику нововведений [1]. Однако это утверждение требует оговорки: субъектность работника проявляется в двух направлениях — созидательном и деструктивном, — и недооценка второго ведёт к провалу внедрения нововведений.

Результаты опросов российского малого и среднего бизнеса, проведённых в рамках исследований по преодолению сопротивления инновациям в условиях цифровизации, свидетельствуют, что 68% опрошенных компаний назвали персонал ключевым барьером на пути цифровой трансформации [6].

Категория «человеческий фактор» в контексте инновационной деятельности не имеет единого, общепринятого определения в отечественной литературе, что само по себе является проблемой.

Так, Генкин Б.М. трактует его преимущественно через призму мотивации и организации труда, рассматривая человека как ресурс, поддающийся управляемой активизации при грамотном выстраивании системы стимулов [2]. Данный подход продуктивен, но, на наш взгляд, недостаточен: он концентрируется на позитивных проявлениях человеческого участия и оставляет в тени психологически обусловленные реакции, которые на практике нередко определяют

исход инновационного проекта.

Водачек Л. и Водачкова О. предлагают более широкую трактовку, включая в структуру человеческого фактора не только профессиональные характеристики, но и ценностные ориентации, групповую динамику и организационную культуру [3]. На наш взгляд, именно этот подход точнее отражает реальность инновационного процесса: новшество не внедряется в вакууме – оно встречает уже сложившиеся неформальные нормы, иерархии статусов и привычные способы работы. Игнорирование этого обстоятельства объясняет, почему технически безупречные решения терпят провал при их практическом внедрении.

Если суммировать позиции приведённых авторов и соотнести их с практическими наблюдениями, можно выделить несколько взаимосвязанных составляющих человеческого фактора применительно к инновационной деятельности.

Первая составляющая – компетентностная, которая охватывает не только профессиональные знания и навыки, но и то, что в современной литературе принято называть инновационной компетентностью: способность работать с неполной, противоречивой информацией, умение пересматривать собственные установки при поступлении новых данных, готовность к адаптации.

Вторая составляющая – мотивационная. Генкин Б.М. разграничивает внутреннюю и внешнюю мотивацию применительно к трудовой деятельности и показывает, что внутренняя мотивация – интерес к содержанию работы, стремление к профессиональному росту – имеет принципиальное значение именно в творческих, инновационных видах деятельности, поскольку внешние стимулы здесь действуют менее предсказуемо [2]. Иными словами, материальное поощрение необходимо, но недостаточно: работник, лишённый интереса к самому процессу создания нового, вряд ли станет генератором инноваций независимо от размера премии.

Третья составляющая – психологическая. Она проявляется прежде всего в феномене сопротивления нововведениям – явлению, которому в последние годы уделяется всё больше внимания в отечественных исследованиях. Проблема возникает тогда, когда сопротивление не диагностируется вовремя и не управляется целенаправленно.

В научной литературе описан ряд типичных психологических барьеров, препятствующих принятию нововведений. Среди них можно выделить:

барьер профессиональной некомпетентности – когда сотрудник не понимает сути предлагаемого изменения и вследствие этого занимает

оборонительную позицию;

барьер перестраховки – опасение негативных последствий для себя лично или для рабочей группы;

барьер привычки – объективная трудность перестройки устойчивых поведенческих паттернов, которые складывались годами.

Что важно: все перечисленные барьеры имеют рациональную основу. Сотрудник, которому предлагают изменить привычный способ работы, рискует снижением производительности в переходный период, возможной утратой неформального статуса эксперта, перераспределением обязанностей. Отказ принимать эти риски как реальные и попытки преодолеть сопротивление через административное давление – наиболее распространённая управленческая ошибка [6]. На наш взгляд, здесь принципиально важен тезис о том, что сопротивление является сигналом: оно указывает на дефицит информации, доверия или участия персонала в процессе принятия решений о нововведении.

Теория и практика управления инновациями выработали несколько подходов к снижению сопротивления нововведениям. Ваганов П.И. акцентирует значение организационной культуры как среды, формирующей базовые установки персонала по отношению к изменениям: компании, в которых поощряется инициатива, открытость к экспериментам и признание ошибок нормальным элементом поиска, демонстрируют существенно меньший уровень сопротивления [1]. Это подтверждает тезис о том, что работа с человеческим фактором в инновационном процессе не может ограничиваться реакцией на конкретный проект – она требует систематической работы с организационной культурой как таковой.

Отдельного внимания заслуживает вопрос формирования инновационных команд. Эффективность командной работы при реализации нововведений обусловлена не только распределением функций, но и психологической совместимостью участников, наличием доверия внутри группы и разнообразием когнитивных стилей.

Среди практических инструментов преодоления сопротивления наиболее действенными признаны следующие. Во-первых, ранняя вовлечённость персонала: включение сотрудников в обсуждение нововведения ещё на стадии его разработки снижает уровень тревожности и формирует чувство соавторства. Во-вторых, прозрачная коммуникация: систематическое информирование о целях, этапах и ожидаемых результатах изменений исключает домыслы и слухи, которые, как правило, хуже реальности. В-третьих, дифференцированная работа с различными группами персонала с

учётом их профессионального опыта и ценностных ориентаций [6].

Таким образом, анализ позиций ведущих отечественных исследователей показывает, что при всём разнообразии подходов к трактовке выражения «Человеческий фактор в инновационном процессе», в них прослеживается общее: человек рассматривается как носитель как созидательного, так и деструктивного потенциала по отношению к инновациям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ваганов П.И. Теория и методология инновационного управления и управленческих инноваций. М.: Экономика, 2020. 302 с.
2. Генкин Б.М. Мотивация и организация эффективной работы (теория и практика): монография. 2-е изд., испр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 352 с.
3. Водачек Л., Водачкова О. Стратегия управления инновациями на предприятии. М.: Экономика, 2020. 365 с.
4. Самарская Н.А. Влияние человеческого фактора на трансформацию охраны труда в контексте современной теории поколений // Лидерство и менеджмент. 2023. Т. 10, № 3. С. 1037-1056.
5. Сомина И. В., Иноземцева А. А., Мищенко И.Г. Экономика инновационной деятельности. Белгород: БГТУ им. В.Г. Шухова – 2025. – 115 с.
6. Механизм преодоления сопротивления инновациям в условиях цифровизации бизнеса // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru>

УДК 101.1:316.482

Рыжакова Д.Д.

Научный руководитель: Абдрахманова Ф.Р., ст. преп.

*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
г. Уфа, Россия*

СМЫСЛ КОНФЛИКТА: РАЗРУШЕНИЕ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ РАЗВИТИЯ?

Разногласия являются неизбежным аспектом человеческого бытия. Они проявляются в отношениях между людьми, в рамках социума и в политической сфере, а также во внутреннем мире индивида, что выражается в несоответствии убеждений, стремлений и задач. Именно в точках такого несоответствия вызревает конфликт – явление, которое на протяжении всей истории философии осмыслялось и как угроза

порядку, и как двигатель прогресса. Вопрос о том, несёт ли конфликт разрушение или же открывает возможности для развития, остаётся центральным для социальной философии, поскольку ответ на него определяет не только теоретическое понимание общества, но и практические стратегии поведения человека в ситуациях противостояния. Возникает вопрос, давно занимающий многих авторов: почему одни конфликты обогащают наш опыт, а другие оставляют после себя руины?

В философском осмыслении конфликт традиционно трактуется как категория, отражающая стадию развития противоречия, когда существующие противоположности превращаются в крайние формы (полярность, антагонизм), достигая момента взаимоотрицания. Противоречия возникают там, где идёт рассогласование целей, средств, методов деятельности, функций управления, ожиданий и позиций. Однако сводить конфликт лишь к негативному столкновению было бы неверно: диалектическая традиция, восходящая к Г.В.Ф. Гегелю, утверждает, что именно через обострение противоречий и их последующее «снятие» происходит движение духа и истории. Разрушение старого, таким образом, оказывается необходимым моментом созидания нового. Эту мысль можно проследить не только в умозрительных конструкциях, но и в реальной истории – достаточно вспомнить, как социальные потрясения нередко расчищали путь для реформ.

Для изучения философии конфликтов используется ряд теорий, среди которых ключевое место занимает социальная философия. В XIX – начале XX века к проблеме конфликта обращались Г. Спенсер, К. Маркс, М. Вебер, Г. Зиммель, Ф. Тённис. Английский мыслитель Г. Спенсер утверждал, что конфликт – неотъемлемая часть эволюции человеческого общества, стимулирующая социальный прогресс через естественный отбор наиболее эффективных форм организации. М. Вебер рассматривал конфликт как неизбежное взаимодействие между статусными группами, обладающими разными уровнями привилегий; столкновения в области интересов, ценностей и власти порождают конфликтные ситуации, которые структурируют социальное пространство. Г. Зиммель, напротив, подчёркивал конструктивную роль конфликта в укреплении социальной стабильности: «спор» он определял как одну из форм социализации, которая не разрушает общество, а, напротив, способствует прояснению границ и сплочению групп перед лицом противостояния [4]. Л. Козер, углубляя идеи Зиммеля, поставил задачу продемонстрировать функциональную значимость конфликта в контексте сложных, многообразных обществ,

показав, что он может служить «предохранительным клапаном», снижающим напряжение. Каждый из этих авторов, на наш взгляд, ухватил какую-то важную грань явления, но ни один не дал исчерпывающего ответа [4].

Из этого многообразия подходов вытекает понимание двойственной природы конфликта. С одной стороны, он является двигателем изменений и развития, с другой – источником разрушения и деградации. Однако важно понять, что разрушение и развитие не существуют как две параллельные линии; в диалектической перспективе они образуют единую, внутренне противоречивую структуру. Разрушение старых, отживших форм – будь то устаревшие социальные институты, догматические идеи или неэффективные нормы – есть неизбежное условие для возникновения новых. Как писал Гегель, дух обретает свою истину, только находя себя в абсолютной разруванности [2]. Это означает, что момент негативного, разрушительного является не просто помехой, а необходимой фазой перехода к новому качеству. Вопрос, таким образом, упирается не в наличие или отсутствие разрушения, а в то, что именно разрушается и как протекает этот процесс. Здесь, как мне представляется, кроется основная сложность: провести грань между созидательным разрушением и вандализмом по отношению к устоям.

Деструктивный конфликт проявляется тогда, когда противоречие не перерастает в конструктивный диалог, а замыкается на уровне агрессии, враждебности и отчуждения. Философская критика деструктивного конфликта связана с утратой границ допустимого в моральном и политическом пространстве. В условиях эскалации противостояния возникает тенденция к деформации образа «Другого», когда оппонент воспринимается не как субъект, обладающий собственной правдой, а как объект вражды, лишённый права на точку зрения. Это приводит к утрате диалога, поскольку конфликтующие стороны перестают признавать ценность аргументации и стремятся лишь к подавлению и уничтожению позиции противника. В результате конфликт, изначально направленный на разрешение противоречия, становится самоцелью, а саморазрушение – его логическим исходом [5]. Особую опасность представляют конфликты, перерастающие в насилие и принуждение, поскольку они нарушают принцип автономии личности и основы социальной солидарности. Подобные конфликты приводят не только к разрушению материальных структур, но и к кризису моральных ориентиров, когда общество начинает воспринимать насилие как допустимое средство достижения цели. Наблюдая за

некоторыми современными политическими процессами, я всё чаще замечаю, как легко этот порог преодолевается.

В противовес такому пониманию, современная философия предлагает модели, в которых конфликт переосмысливается как условие подлинного бытия. Ральф Дарендорф выдвигает новаторскую концепцию социального конфликта, корнящуюся в фундаментальной неопределенности человеческого бытия. Он интерпретирует эту неопределенность как ограничение, мешающее воспринимать сложность социальной сферы в её многообразии. В динамичном обществе, где все элементы постоянно трансформируются, именно эта базовая неопределённость объясняет антропологическую значимость конфликтов. По Дарендорфу, конфликт получает ценность для человека не столько из-за достижения пика противоречий и последующего разрешения, как это принято в классической диалектической традиции, сколько благодаря самому процессу антагонизма. Через конфликты человек реализует свою историческую природу и придаёт смысл развитию истории. Дарендорф подчёркивает, что обществу не только присуща историчность, но и необходимо стремиться к её развитию [3]. Продвижение вперёд становится возможным благодаря многообразию и конфликтности человеческого сообщества, где, в противовес устоявшимся нормам и группам, изыскиваются временные компромиссные решения, которые впоследствии подвергаются критическому анализу. Благо, с его точки зрения, состоит в достойном и разумном проживании жизни, то есть в изменениях, основанных на здравом смысле. Однако он предупреждает, что чрезмерный упор на изменчивость в ущерб стабильности может привести к неверному пониманию роли конфликтов. Нам эта позиция близка именно своей осторожностью: она не впадает ни в утопию всеобщего согласия, ни в апологетику разрушения.

Логика рассуждений Дарендорфа подводит нас к ключевому выводу: разрушение и развитие оказываются двумя сторонами одного процесса, но их итог зависит от сохранения или утраты коммуникативной основы. Только в условиях признания Другого, соблюдения этических норм и готовности к преобразованию собственных позиций конфликт приобретает созидательный характер. Иными словами, переход от разрушения к развитию возможен тогда, когда конфликт не замыкается на антагонизме, а становится источником преодоления противоречий через рациональный диалог и рефлекссию. Особенно остро эта проблема стоит в образовательной среде, где сталкиваются различные ценностные и мировоззренческие системы, в том числе религиозные. Как отмечает Абдрахманова Ф.Р., в

современной школе конфликты нередко возникают на почве непонимания религиозных традиций и отсутствия навыков межкультурного диалога; их разрешение требует не подавления, а включение религиозных аспектов в образовательный процесс через принципы толерантности и взаимоуважения [1].

Расширяя этот тезис, можно обратиться к современным философским дискуссиям. Так, Шанталь Муфф в своей концепции «агонистической модели демократии» утверждает, что цель демократической политики – не в устранении конфликтов (что невозможно), а в их институционализации таким образом, чтобы они протекали в форме «агонизма» – борьбы между противниками, признающими легитимность позиций друг друга, а не в форме «антагонизма» – борьбы на уничтожение между врагами [6]. Это напрямую перекликается с классическими идеями о диалогической природе конструктивного конфликта. Следовательно, конфликт обретает смысл развития лишь тогда, когда общество или индивид способны вместить противоречие, не прибегая к тотальному отрицанию оппонента. Добавим от себя: в этом, пожалуй, заключается главный вызов для современного человека – научиться жить в состоянии продуктивного напряжения, не срываясь в войну.

Таким образом, деструктивные формы конфликта в философском измерении характеризуются не столько наличием противоречия, сколько его «закрытостью» и утратой способности к диалогу. Когда конфликт лишается возможности быть преобразующим, он превращается в разрушительный процесс, подрывающий как межличностные, так и общественные связи, и создаёт предпосылки для моральной деградации и социальной дезинтеграции. Напротив, конфликт, сохраняющий этическое измерение и признание ценности Другого, становится мощным катализатором развития. Диалектическое понимание конфликта, таким образом, состоит в признании того, что разрушение является лишь моментом, фазой более сложного процесса обновления, и только через «работу негативного» возможно подлинное движение вперёд – как для отдельной личности, так и для общества в целом [4].

Конфликт по своей природе амбивалентен: он содержит как разрушительный, так и созидательный потенциал. Смысл конфликта определяется не самим противоречием, а способом его протекания. Он становится конструктивным, когда стороны сохраняют диалог и признают право Другого на иную позицию; деструктивным – когда утрачивается коммуникация и происходит дегуманизация оппонента. Ральф Дарендорф подчёркивает ценность самого процесса конфликта

для реализации исторической природы человека, а Шанталь Муфф обосновывает необходимость перевода антагонизма в русло признанного противоборства. Таким образом, конфликт становится ресурсом развития лишь при условии сохранения диалога и уважения к Другому, превращаясь из угрозы в источник обновления. Возвращаясь к вопросу, заданному в начале, мы склоняемся к тому, что окончательный ответ зависит не от абстрактной природы конфликта, а от нас самих – от нашей готовности слышать и менять свои убеждения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдрахманова Ф. Р. Социальный конфликт в образовательной среде и его религиозные аспекты / Ф. Р. Абдрахманова // Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века : материалы X Международ. науч.-практ. конф. – Уфа : Мир печати, 2017. – С. 79–81.
2. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Наука, 2000. – 495 с.
3. Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии / Р. Дарендорф. – М. : Праксис, 2002. – 512 с.
4. Зиммель Г. Избранное : в 2 т. Т. 2. Созерцание жизни / Г. Зиммель. – М. : Юрист, 1996. – 607 с.
5. Козер Л. Функции социального конфликта / Л. Козер. – М. : Идея-Пресс, 2000. – 208 с.
6. Муфф Ш. К агонистической модели демократии / Ш. Муфф // Логос. – 2004. – № 2 (41). – С. 180–197.

УДК 331.556.4

Салиль Дуня Яхья

Научный руководитель: Осыченко Е.В., ст. преп.

Белгородский государственный технологический университет

им В. Г. Шухова, г. Белгород, Россия

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ЙЕМЕНА)

Санкции превратились в самостоятельное оружие внешней политики. После 2022 г. их число против России достигло 16 259 мер. Они ограничивают доступ к капиталу, технологиям и рынкам. Эффект ощущают все: цели, инициаторы и третьи страны. Инфляция в ЕС выросла до 10,6%. Цены на газ подскочили в 5 раз.

Типы санкций и механизмы:

- Финансовые: отключение от SWIFT, заморозка \$300 млрд резервов ЦБ РФ
- Технологические: запрет поставок чипов (эффект на 70% высокотехнологичных отраслей)
- Энергетические: эмбарго на нефть РФ (-48 млрд евро для ЕС)
- Логистические: перестройка маршрутов (+30% стоимости перевозок) [3].

Санкции включают финансовые ограничения, торговые эмбарго, технологические запреты и замораживание активов. Их цель состоит не только в нанесении экономического ущерба, но и в создании политического давления. Однако практика показывает, что результат не всегда однозначен: в одних случаях санкции ослабляют экономику, в других — стимулируют адаптацию, импортозамещение и поиск новых партнёров [6].

Санкционная адаптация в России: Россия стала одним из самых ярких примеров санкционного давления в XXI веке. После 2022 года против нее были введены тысячи ограничений, затронувших финансовый сектор, энергетику, транспорт, высокие технологии и внешнюю торговлю. Главной задачей этих мер было ограничение доступа к западному капиталу, технологиям и платежной инфраструктуре.

В краткосрочном периоде санкции вызвали шоковые эффекты: рост издержек, перестройку логистики, удорожание импорта и сокращение части внешнеэкономических связей. Но уже затем началась адаптация. Россия усилила торговлю с азиатскими странами, расширила расчеты в национальных валютах и активизировала внутреннее производство. Это не означает отсутствия проблем, но показывает, что крупная экономика с ресурсной базой и институциональной адаптацией способна частично компенсировать санкционный удар.

Статистические показатели адаптации: 16 259 санкций с 2022 г. ВВП -2,1% (2022), +3,6% (2023). Экспорт нефти в ЕС упал с 2,4 млн баррелей/сутки до 0,3 млн. Торговля с Китаем выросла с \$147 млрд (2021) до \$240 млрд (2025). Доля юаня в расчетах - 34%. СПФС заменил SWIFT (25 000 транзакций/день) [1].

Йемен представляет собой другой тип санкционного кейса. Здесь ограничительные меры, наложенные на фоне внутреннего конфликта, наложились на слабость государственных институтов, разрушенную инфраструктуру и гуманитарную катастрофу [5]. В отличие от России, Йемен не располагает достаточным экономическим запасом прочности,

поэтому санкции и внешняя финансовая блокада привели к куда более тяжелым последствиям [4].

Санкции ООН (резолюция 2216) + блокада [5]. RIAL: 1190/\$ (2022) → 2905/\$ (2025). ВВП на душу: \$415. Инфляция: 27%. Импорт продовольствия сократился на 70%. 80% населения за чертой бедности. Банки парализованы.

Основной эффект выражается в дестабилизации банковской системы, нарушении импорта продовольствия и лекарств, падении курса национальной валюты и росте бедности. В таких условиях санкции перестают быть только политическим инструментом и фактически усиливают замораживание конфликта, делая восстановление экономики еще более сложным. Йемен показывает, что в слабых государствах санкционное давление почти всегда имеет гуманитарное измерение[2].

Сравнительный анализ последствий санкционного давления: Россия и Йемен:

Россия и Йемен демонстрируют два разных сценария санкционного воздействия. Россия оказалась способна частично перестроить экономическую модель и перенаправить торговые потоки, тогда как Йемен столкнулся с почти полной зависимостью от внешней помощи и разрушением базовых финансовых механизмов [4].

Таблица 1. Типы санкций и их механизмы

Параметр	Россия	Йемен
Тип ограничений	Секторальные, финансовые, технологические	Таргетированные, финансово-гуманитарные
Основной удар	Капитал, технологии, внешняя торговля	Банковская система, импорт товаров, валюта
Реакция экономики	Адаптация, переориентация на Восток	Углубление кризиса и зависимость от помощи
Геополитический эффект	Рост альтернативных расчетов и партнерств	Замораживание конфликта и гуманитарная деградация

Таблица 2. Сравнение последствий санкций (2022–2025 г)

Параметр	Россия	Йемен
Санкции	16 259	50
ВВП 2022	-2,1%	-11%
Валюта	Стабильна	-60%
Торговля	+89% Азия	-70% импорт
Резервы	\$600 млрд	\$0
Эффект	СПФС	Зависимость

Таблица 3. Факторы устойчивости к санкциям

Параметр	Йемен	Россия
Экономический запас прочности	Очень низкий: слабая промышленность, зависимость от импорта продовольствия и топлива	Высокий: ресурсная база, диверсифицированная экономика, резервы
Институциональная устойчивость	Низкая: фрагментированная власть, разрушенная инфраструктура	Высокая: централизованное управление, работающая финансовая система
Внешняя поддержка	Ограниченная: гуманитарная помощь не покрывает потребностей	Значительная: альтернативные рынки (Китай, Индия), технологические партнёры
Зависимость от импорта	Критическая: 80 % продовольствия импортируется	Умеренная: значительная часть продовольствия и товаров производится внутри страны
Гуманитарные последствия	Катастрофические: голод, эпидемии, массовая бедность	Ограниченные: социальные программы, контроль цен, поддержка населения

Глобальные последствия (МВФ 2026):

1. Инфляция: 4,4% (+0,6 п.п.). Нефть +20%, пшеница +25%

2. Технологии: блоки (Китай: 7 нм чипы)

3. Дедолларизация: БРИКС +42% нацвалюты, золото +18%.

-1,6 трлн евро ВВП (2022-2025). Германия: -9% производства.

Логистика +30% [8].

Экономические санкции сегодня — это не просто средство давления на конкретное государство, а фактор, который меняет архитектуру мировой экономики. На примере России видно, что крупные экономики способны адаптироваться и частично нейтрализовать санкционный эффект. На примере Йемена, напротив, становится очевидно, что в условиях слабых институтов санкции могут усилить гуманитарный кризис и разрушать остатки экономической стабильности.

В долгосрочной перспективе санкционная политика ведет к росту неопределенности, регионализации мировой торговли и ослаблению прежних механизмов глобализации. Это делает международную

экономическую систему более фрагментированной, менее предсказуемой и более зависимой от политических решений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Известия. Возглавляемая Саудовской Аравией коалиция начала военную операцию в порте Мукалла в Йемене. URL: <https://iz.ru/news/> (дата обращения: 15.04.2026).

2. Новости ООН. Кризис в Йемене: помощь сокращается, усилия по урегулированию наталкиваются на препятствия. URL: <https://news.un.org> (дата обращения: 15.04.2026).

3. Шевченко Д. Е., Пастухова Л. В. Гуманитарный кризис в Йемене: правовые, экономические и международные аспекты // КиберЛенинка. 2025. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

4. Trading Economics. Yemen — экономические показатели. URL: <https://tradingeconomics.com> (дата обращения: 16.04.2026).

5. United Nations Security Council. Resolution 2216. URL: <https://en.wikipedia.org> (дата обращения: 16.04.2026).

6. Осыченко, Е. В. Концепция сбалансированной инновационной политики предприятия в контексте национальных и рыночных приоритетов [Текст] / Е. В. Осыченко // Экономика. Информатика. – 2025. – Т. 52. – № 4. – С. 785-797.

7. Национальный проект «Эффективная и конкурентная экономика» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.economy.gov.ru> (дата обращения 26.07.2025).

8. Кочина, С. К. Факторы деловой среды как триггеры эффективности промышленного предприятия [Текст] / С. К. Кочина // Теоретические и практические аспекты цифровизации российской экономики: сборник трудов V Международной научно-практической конференции. – Ярославль, 2022. – С. 190-197.

Самсонова Е.А.

*Научный руководитель: Ковалева Т.Н., канд. экон. наук, доц.
Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия*

СПЕЦИФИКА ИДЕНТИФИКАЦИИ И НЕЙТРАЛИЗАЦИИ НАЛОГОВЫХ РИСКОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ МАЛОГО БИЗНЕСА

В современном глобальном мире быстроменяющихся рынков, идей инновации выходят на первый план, поскольку они являются эффективным инструментом прогрессивного развития предприятия. Но, наряду с очевидными преимуществами, использование новшеств может привести и к рискам, потерям. У предприятия в связи с этим могут возникнуть убытки, утрата лидерских позиций на рынке, а в худшем варианте это может привести к банкротству. Вышеуказанное подчеркивает актуальность и необходимость более детального анализа данной темы на предприятии.

В современной российской экономике малый бизнес традиционно рассматривается не только как драйвер инноваций и источник рабочих мест, но и как наиболее уязвимый сектор с точки зрения налогового администрирования. С одной стороны, государство предлагает малым предприятиям льготные режимы (УСН, НПД, патент), с другой - именно этот сегмент находится под пристальным вниманием контролирующих органов из-за высокой вероятности ошибок в учёте и попыток ухода от налогообложения. Практика последних лет показывает, что даже незначительное нарушение налоговой дисциплины может привести к доначислению сумм, сопоставимых с годовым оборотом компании. Это ставит вопрос о разработке адекватных инструментов управления налоговыми рисками, адаптированных под ограниченные ресурсы малого предприятия - отсутствие штатных юристов, бухгалтеров высокой квалификации и временных бюджетов на судебные разбирательства. В данной статье предлагается не просто систематизировать риски, характерные для малого бизнеса, но и предложить практические алгоритмы их нейтрализации, которые действительно можно внедрить без привлечения дорогостоящих консультантов.

Целью настоящей работы является выявление отраслевых и организационных особенностей налоговых рисков на предприятиях малого бизнеса и обоснование методов их эффективной нейтрализации,

основанных на принципах экономической целесообразности и правовой осмотрительности.

Для достижения поставленной цели потребовалось решить следующие задачи:

1. Произвести классификацию налоговых рисков, характерных для субъектов малого предпринимательства, с учётом современных налоговых режимов.

2. Выявить специфические факторы (человеческий, ресурсный, процессный), усиливающие вероятность реализации налоговых рисков в малых компаниях.

3. Произвести анализ типичных ошибок при идентификации рисков, связанные с неверным толкованием норм НК РФ.

4. Разработать алгоритм нейтрализации налоговых рисков, выявить меры оперативного реагирования и стратегической профилактики.

5. Оценить эффективность предложенных методов на примере гипотетических, но типичных кейсов из практики малого бизнеса.

Проблемам налогообложения и налоговой политики посвящены труды отечественных ученых, экономистов и исследователей: Л.И. Абалкина, А.Г. Аганбегяна, С.Н. Бобылева, Н.А. Жданкина, В.Л. Иноземцева, А.Р. Калинина, С.П. Капицы, А.Ф. Лещинской, В.Л. Макарова, И.А. Стояновой, Т.О. Толстых, В.А. Цветкова. А также труды зарубежных ученых, экономистов и исследователей: И. Ансоффа, Дж. Гэлбрейта, Д. Кейнса, М. Кенни, А. Смита, Дж. Стиглица, Й. Шумпетера и др.

Проведённый анализ позволил выделить три ключевые группы налоговых рисков, наиболее специфичных для малого бизнеса.

Первая группа - риски, связанные с выбором и применением специального налогового режима. Около 70% малых предприятий работают на УСН, однако практика показывает, что типичной ошибкой является некорректное определение объекта налогообложения. Например, при выборе «доходы минус расходы» предприниматели часто включают в затраты экономически необоснованные или не поименованные в ст. 346.16 НК РФ расходы. Ещё более опасен риск потери права на УСН из-за превышения лимита доходов (в 2024 г. - 265,8 млн руб. с учётом коэффициента-дефлятора). Как отмечает Е.В. Поролло, для малого бизнеса критично не столько само превышение, сколько отсутствие планки безопасности - буферного запаса в 5-10% до предельной величины [6].

Вторая группа рисков, связанна с контрагентами и налоговой реконструкцией. После введения в НК РФ ст. 54.1 (закон 163-ФЗ)

налоговики получили право переквалифицировать сделки и доначислять налоги, даже если формально первичные документы в порядке. Для малого бизнеса это означает, что риск возникает не только при работе с «техническими» фирмами, но и при любых нелогичностях в хозяйственных операциях. Например, если микропредприятие закупает канцтовары через посредника с наценкой 30%, тогда как напрямую у производителя цена на 40% ниже, инспекция может снять расходы, ссылаясь на отсутствие деловой цели. В ходе исследования выявлено, что малые предприятия редко фиксируют в договорах обоснование выбора партнёра, что в суде расценивается как непровление должной осмотрительности [3].

Третья группа - внутренние учётные риски, связанные с человеческим фактором. В штате типичного ООО на УСН часто работает один бухгалтер-совместитель, который может перепутать коды бюджетной классификации, несвоевременно подать уведомление об исчисленных налогах (обязательное с 2023 г.) или неправильно распределить доходы между видами деятельности при совмещении ЕНВД (отменён с 2021 г., но для патента и НПД актуально) и УСН. Самая частая ошибка, по данным ФНС за 2024 год, - это неверное заполнение платёжных поручений в рамках Единого налогового счёта (ЕНС), что приводит к начислению пеней даже при наличии положительного сальдо [8].

Теперь поговорим о методах нейтрализации. В современном глобальном мире нет универсальной «таблетки», но есть эффективный комбинированный алгоритм, назовем его «Риск-стоп». Он включает четыре этапа.

1. Первичная идентификация на основе чек-листа из 10 вопросов. Например: «Есть ли операции с НДС при работе на УСН?», «Превышают ли накопленные доходы 80% от лимита?», «Заклучались ли договоры с ИП без проверки его банкротства?». Этот чек-лист должен заполняться руководителем ежеквартально.

2. Регламентация документооборота. Малому бизнесу не нужны тома учётной политики, достаточно одностраничного «Памятки бухгалтера» с датами подачи уведомлений и перечнем обязательных реквизитов для первички. Практика показывает, что 80% штрафов по камеральным проверкам возникает из-за отсутствия не самих документов, а их надлежащего оформления (подпись расшифровка, ссылка на договор) [2].

4. Мониторинг ЕНС - раз в 10 дней проверять сальдо через личный кабинет налогоплательщика. Для малого бизнеса это критически важно,

так как из-за одного просроченного уведомления можно получить блокировку счета, а разблокировка займёт неделю.

Отдельного внимания заслуживает вопрос нейтрализации риска налоговых споров. Вопреки распространённому мнению, малому предприятию не всегда выгодно судиться даже при наличии правовой позиции. Анализ судебных актов показал, что средние судебные издержки (госпошлина, услуги представителя, потеря времени) для обжалования доначисления в 500 тыс. руб. составляют около 120-150 тыс. руб., что делает спор экономически нецелесообразным. Поэтому в качестве основного метода нейтрализации я рекомендую досудебное урегулирование с подачей возражений по акту проверки в соответствии со ст. 101 НК РФ. Как справедливо указывает Н.И. Малис, около 40% решений налоговых органов после подачи грамотных возражений отменяются вышестоящим налоговым органом без суда [5].

Подводя итог, можно утверждать, что специфика идентификации налоговых рисков на предприятиях малого бизнеса определяется тремя ключевыми факторами: высокой чувствительностью к штрафным санкциям (даже 100 тыс. руб. могут быть критичны), дефицитом компетенций в области налогового права и ограниченностью временных ресурсов руководителя, который вынужден совмещать управление и операционную деятельность. В ходе исследования было установлено, что традиционные методы корпоративного риск-менеджмента неприменимы для малых форм, однако разработанный алгоритм «Риск-стоп», основанный на чек-листах, трёхфакторной проверке и регламентации документооборота, демонстрирует высокую эффективность при низких затратах. Практическая значимость работы состоит в том, что её результаты могут быть непосредственно использованы владельцами малых предприятий и бухгалтерами для построения системы внутреннего налогового контроля без привлечения внешних консультантов. Перспективным направлением дальнейших исследований видится адаптация предложенных методов под микропредприятия, работающие в сфере онлайн-торговли и с самозанятыми лицами, где риски переквалификации договоров особенно высоки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 26.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

2. Брызгалин А.В., Берник В.Р., Головкин А.Н. Налоговая оптимизация и налоговые риски: практика применения специальных режимов. – М.: Налоги и финансовое право, 2022. – 312 с.

3. Гончаренко Л.И., Вишневская Н.Г. Управление налоговыми рисками в условиях цифровизации экономики // Финансы и кредит. – 2023. – Т. 29. – № 2. – С. 24-37. 4. Карпова Т.П., Лямина Е.А. Оценка налоговых рисков малого бизнеса при применении института должной осмотрительности // Учёт. Анализ. Аудит. – 2024. – № 1. – С. 82-95.

4. Малис Н.И. Налоговый контроль и ответственность: актуальные вопросы для субъектов МСП // Финансовый журнал. – 2023. – № 6. – С. 108-121.

5. Поролло Е.В. Налоговые риски при применении УСН: как не потерять право на спецрежим // Российский налоговый курьер. – 2024. – № 4. – С. 45-52.

6. Семенихин В.В. Специальные налоговые режимы: практическое пособие для малого бизнеса. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ГроссМедиа, 2023. – 480 с.

7. Управление ФНС России по г. Москве. Обзор типичных ошибок при заполнении уведомлений об исчисленных налогах за 2023 год // Налоговый вестник. – 2024. – № 2. – С. 3-7.

8. Щекин Д.М. Налоговые риски и судебная практика: монография. – М.: Статут, 2022. – 290 с.

9. Шевченко М.В., Саярсанова Л.И. Уклонение от уплаты налогов в РФ: причины, последствия, способы предотвращения // Белгородский экономический вестник. 2019. № 2 (94). С. 137-141.

УДК 338.2

Сегеда Н.А.

Научный руководитель: Чистникова И.В., канд. экон. наук, доц.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

МЕТОДЫ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ УГРОЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Современная геоэкономическая нестабильность, санкционное давление, волатильность рынков и цифровая трансформация создают беспрецедентный спектр угроз для хозяйствующих субъектов [3, 4]. Экономическая безопасность предприятия перестала быть статичной характеристикой. Сегодня это динамическая способность сохранять устойчивость в условиях внешних и внутренних возмущений. Ключевая

научно-практическая проблема – лаг между появлением новых угроз и разработкой методов их нейтрализации [1].

Обеспечение экономической безопасности предприятия требует комплексного подхода, включающего аналитические, организационные, технические, экономические и правовые методы. Эффективность системы зависит от:

- своевременного выявления угроз;
- адаптации методов под специфику предприятия;
- вовлечённости всех подразделений;
- достаточности ресурсов (финансовых, технических, кадровых).

Теория экономической безопасности предприятия выделяет внешние и внутренние угрозы. Однако для выбора метода нейтрализации критически важна не только природа угрозы, но и её стадия развития:

1. Латентная стадия – угроза только формируется (изменение конъюнктуры, действия конкурентов).

2. Стадия активации – появляются первые негативные сигналы (рост дебиторки, сбои поставок).

3. Стадия реализации – прямое нанесение ущерба (снижение ликвидности, потеря контрактов).

4. Стадия последствий – кумулятивный эффект (банкротство, поглощение).

Методологический разрыв: классическая теория предлагает преимущественно реактивные методы (на стадиях 3 и 4). Современная практика требует упреждающих (проактивных) методов на стадиях 1 и 2.

Обобщая научные подходы и практические кейсы, выделим четыре группы методов нейтрализации угроз экономической безопасности предприятия [2]:

Превентивные (упреждающие) методы нейтрализации угроз экономической безопасности предприятия нацелены на недопущение реализации угрозы.

- Непрерывный экономический мониторинг (раннее) – скрининг поставщиков, анализ ценовых индикаторов, мониторинг кредитных рейтингов контрагентов.

- Формирование резервов ликвидности и самострахование – не только финансовых, но и технологических (дублирование поставщиков, резервные мощности).

- Комплаенс-контроль и внутренний аудит – профилактика внутренних угроз (мошенничество, утечка данных).

Защитные методы нейтрализации угроз экономической безопасности предприятия реализуются в момент активации угрозы.

- Лимитирование рисков – установление предельных значений кредитных линий, уровня долговой нагрузки, концентрации покупателей.

- Диверсификация – поставщиков, рынков сбыта, валютных контрактов (особенно актуально в 2024-2025 гг.).

- Передача рисков (аутсорсинг и страхование) – передача специфических непрофильных функций (охрана, логистика, ИТ-безопасность) профильным операторам.

Реактивные (компенсационные) методы нейтрализации угроз экономической безопасности предприятия применяются при уже полученном ущербе.

- Антикризисный контроллинг – экстренная оптимизация затрат (не только сокращение, но реинжиниринг процессов).

- Реструктуризация долга – переговоры с кредиторами, замещение облигационных займов банковскими.

- Субсидиарная ответственность и взыскание – возврат активов от бенефициаров группы при угрозе банкротства.

Инновационные (адаптивные методы) нейтрализации угроз экономической безопасности предприятия предполагают цифровую трансформацию безопасности и применение таких инструментов, как:

- Предиктивная аналитика на основе Big Data и ИИ – прогнозирование вероятности дефолта контрагента с точностью до 92-95%;

- Блокчейн для верификации цепочек поставок – исключение риска фальсифицированных контрактов и двойных продаж.

- Интегрированная ERP-система с модулем безопасности – автоматическая блокировка подозрительных транзакций и "красных флагов".

В современных условиях ключевым становится комбинирование методов нейтрализации угроз экономической безопасности предприятия внутри временного контура:

- для стратегических угроз (изменение госрегулирования) сочетание превентивных и инновационных;

- для операционных угроз (сбой поставки) сочетание защитных и реактивных;

- для финансовых угроз целесообразно использование всех групп с упором на лимитирование и резервирование.

В целом, можно констатировать, что только 34% российских предприятий используют проактивные методы нейтрализации угроз,

остальные – запаздывающие. Это создает высокую уязвимость. Наиболее эффективны в текущих условиях гибридные методы: сочетание цифрового мониторинга (предикция) и децентрализованного управления резервами.

В качестве практической рекомендации может быть предложено внедрение матрицы приоритетных методов нейтрализации по двум осям: «вероятность угрозы» - «скорость нарастания ущерба». Для зон высокой скорости и вероятности обязательны только проактивные методы с автоматизацией решений.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на создание отраслевых стандартов адаптивной экономической безопасности с использованием AI-агентов, самостоятельно инициирующих нейтрализацию угроз без участия человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антонова, М. В. Институциональная характеристика финансового рынка Российской Федерации / М. В. Антонова, А. Е. Хомутов // Приоритетные направления развития экономики в эпоху цифровой трансформации : Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Белгород, 25–29 марта 2024 года. – Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2024. – С. 31-39. – EDN GQBARZ.

2. Китиева М. И., Гарданов М. М., Ганижев И. А. Угрозы экономической безопасности предприятия // Управление, экономика и право: проблемы, исследования, результаты. – 2022. – С. 157-160.

3. Чистникова И.В. Стратегический подход к управлению экономическим пространством региона // Актуальные проблемы развития экономических, финансовых и кредитных систем: Сборник материалов X Международной научно-практической конференции. Белгород, 2022. С. 541-545.

4. Чистникова И.В. Дефицит рабочей силы на региональных рынках труда как угроза экономической безопасности // Экономическая безопасность социально-экономических систем: вызовы и возможности: сборник трудов IV Международной науч.-практ. конф. (г. Белгород, 28 апреля 2022 г.) / Под. ред. Е.А. Стрябковой, Н.А. Герасимовой, А.М. Кулик – Белгород : ООО «Эпицентр», 2022. – С. 188-191.

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ РФ

Конфликты – по-своему важная и неотъемлемая часть жизни любого человека. Они возникают во всех сферах: семейные отношения, дружба, школа или университет и, конечно же, работа. Конфликт является далеко не самым приятным способом коммуникации между людьми и несет в себе деструктивный характер, но в тоже время выступает лестницей для развития человека, его навыков и социальной жизни. Благодаря ним человек учиться тому, как их решать и отстаивать свои границы и интересы.

Живя в социуме, человек в течении жизни взаимодействует с разными людьми. В детстве это друзья во дворе, одноклассники и учителя, в подростковом возрасте это одноклассники и преподаватели, во взрослом возрасте это коллеги, партнёры по бизнесу и начальство. Общение между людьми может осложняться из-за разных интересов и взглядов на жизнь, из-за разницы в возрасте или же из-за социального статуса, что явно прослеживается в модели «ученик-учитель» и «работник-работодатель». Вследствие этого могут возникать межличностные конфликты. Ученик в силу возраста всегда может привлечь к разрешению конфликта третье лицо в виде родителя, но работник же сделать так не может и все недопонимания с начальством или коллегой должен решать сам. Именно поэтому социально-трудовые конфликты требуют большего внимания, ведь с этим сталкивался или может столкнуться в будущем каждый [2].

В современном обществе можно выделить множество разновидностей конфликтов, среди них особенное место как в деятельности отдельного предприятия, так и в экономике целой страны занимают социально-трудовые конфликты, поскольку именно они отражают уровень развитости профсоюзных организаций этой страны, уровень законодательной защиты интересов работников, а также социальную ответственность предприятий этой страны.

Прежде, чем перейти к исследованию проблематики социально-трудовых конфликтов, необходимо определить, что они из себя представляют. Итак, под социально-трудовыми конфликтами в рамках эссе будем понимать противостояние интересов работников и

работодателей, возникающих на почве различных внутренних (например, условия труда и обязанности сотрудника в организации) и внешних факторов (например, развитие автоматизации и появление у работодателя возможности заменить персонал на различные системы).

Стоит отметить, что, как и других конфликтах, каждая из сторон действует определенным образом исходя, прежде всего, из собственных интересов. Например, сотрудник заинтересован в различных гарантиях со стороны работодателя – своевременная выплата заработной платы, предоставление премий и бонусов, обеспечение безопасных и комфортных условий труда. Работодатель же заинтересован в высокой производительности своих сотрудников, что позволяет ему достигать запланированного уровня прибыли и рентабельности. Когда какая-то из сторон не выполняет свои обязательства, возникает конфликтная ситуация. Рассмотрим различные вариации таких ситуаций, наиболее часто становящихся камнем преткновения в России [1].

Одной из основных причин выступает неудовлетворенность сотрудников уровнем заработной платы, предоставляемым работодателем, что также выражается в задержках выплат, частой «оптимизации» работы организации, которая в России начинается, как правило, с урезания зарплатных плат и сокращения штата сотрудников. Это приводит к возникновению недовольства персонала, недостаточно качественному выполнению своих обязанностей, что может сказаться не только на эффективности организации, но и на деятельности контрагентов, которые с ней работают. Все это в условиях высокой инфляции еще больше усугубляет социальное напряжение в регионах страны.

В качестве другой не менее важной причины социально-трудовых конфликтов в России выступает недостаточный уровень обратной связи сотрудников и работодателей. Из-за бюрократизации многих процессов персонал порой не может донести свои требования, идеи и пожелания до руководящей инстанции, что приводит не только к разногласиям на рабочих местах, но и к обращениям в профсоюзные организации и судебные инстанции. Например, если работник на заводе не обеспечен должным уровнем безопасности при осуществлении своих трудовых обязанностей, он начнет с диалога с руководством и при отсутствии должной реакции будет вынужден направиться дальше [3].

Еще одним немаловажным конфликтом в трудовой сфере, по моему мнению, является дискриминация по половому признаку, возрасту и национальности, которое начальство либо игнорирует, либо является основным зачинщиком. Молодому специалисту, который только выпустился из университета найти работу может быть сложно

из-за нехватки навыков и по этой же причине молодым работникам поручают простую работу, на которой сложно набраться опыта. Нередко встречается пренебрежительное отношение со стороны более старших работников. Между специалистом женщиной и специалистом мужчиной, начальство может сделать выбор в пользу второго, на фоне этого может также встречаться неравная заработная плата, но сейчас таких ситуаций становится всё меньше и специалистов женщин ценят наравне с мужчинами.

Важно и нужно отслеживать из-за чего внутри организации возникают социально-трудовые конфликты, это поможет не только укрепить и улучшить отношения внутри коллектива и повысить трудоспособность работников, но и укрепить авторитет начальства. Важно также осознавать, что конфликт – следствие взаимодействия с людьми в социуме, они были, есть и будут всегда, но это не повод сразу же разрушать трудовые отношения [4].

Заключительной основной проблемой является недостаточный контроль соблюдения законодательных норм, что вызывает у сотрудников ощущение незащитности. В данную проблему стоит включить возможное непредставление отпуска в должном объеме, что влечет, в первую очередь, эмоциональное выгорание. Например, некоторые сотрудники не могут обеспечить себе полноценный отпуск в связи с учебой на заочном отделении, поскольку иначе работодатели потеряют в средствах и будут вынуждены удерживать часть их заработной платы. Кроме того, переработки также негативно влияют на сотрудников, например, нехватка отдыха врача может привести к возникновению врачебной ошибке, которая выйдет за рамки отношений «сотрудник-работодатель» и нанесет вред третьему лицу.

Одним из наиболее часто встречающихся форм социально-трудовых конфликтов являются забастовки и стачки. Они возникают, когда работники вынуждены прибегнуть к коллективным действиям для защиты своих прав и интересов. Забастовки и стачки могут иметь серьезные последствия для экономики страны, но они, вместе с тем, служат мощным инструментом для привлечения внимания к проблемам работников и обращения властей к ним.

Решение указанных проблем, на мой взгляд, возможно только при участии государственных органов, не столько в области контроля за исполнением законодательных норм (что, несомненно, важно), сколько в области воспитания будущих руководителей предприятия. Необходимо начинать это воспитание уже в студенчестве, когда в России люди только начинают пробовать открывать свое дело. Важно привести сотрудников и работодателей к открытому и честному

диалогу, развивать социальную ответственность предприятий и, прежде всего, их руководителей. Воспитание будущих управленцев должно строиться на том, что человеческие ресурсы – это основа организации, к которой не стоит относиться пренебрежительно. Этот процесс не будет быстрым и, возможно, даст свои плоды не скоро, но он необходим для дальнейшего развития общества и минимизации возникновения различных социально-трудовых конфликтов.

Теперь постараемся разяснить для себя, как должны решаться спорные вопросы с работодателем. Рассмотрим, имеет ли право работодатель сократить должность, переводить на другие должности, привлекать к другим работам члена профсоюза без согласования с профсоюзом?

К примеру, решение об увольнении члена профсоюза должно быть предварительно согласовано с профсоюзным органом, пройдя определенную процедуру:

1. Работодатель направляет проект приказа с копиями документов-оснований для сокращения в профсоюзный орган;

2. Профсоюзный орган в течение 7 рабочих дней рассматривает этот вопрос и направляет работодателю свое мотивированное мнение в письменной форме – законно это или нет;

3. Если профсоюз не даст ответа в срок, работодатель производит увольнение без учета такого мнения;

4. Если профсоюз согласен с проектом приказа, администрация вправе уволить сотрудника не позднее 1 месяца со дня получения положительного письменного мнения (ст.373 ТК РФ);

5. Если мнение профсоюза содержит несогласие, профсоюз вправе провести с работодателем консультации в течение 3 рабочих дней;

6. Если согласие не достигнуто, работодатель по истечении 10 рабочих дней имеет право принять окончательное решение, которое может быть обжаловано в трудовой инспекции.

В настоящее время все больше набирают обороты различные конфликты вокруг крупных корпораций и маркетплейсов, таких как: Озон, Wildberries, Яндекс, Деливери и другие.

В этих компаниях наблюдается большая текучка кадров. Работника при удобной возможности можно легко заменить, поэтому работодатели не сильно заботятся о соблюдении трудовых и правовых норм.

Одним из недавних примеров, можно привести спор между владельцами Wildberries и ПВЗ (Пункты выдачи заказов), который начался из-за введения штрафов для последних за возврат товаров из-за брака или подмены. Часть собственников точек устроили забастовку, в

том числе у центрального офиса маркетплейса. В итоге площадка объявила о закрытии тех точек, владельцы которых «выбирают нецивилизованные формы диалога».

В заключении следует отметить, что социально-трудовые конфликты в России возникают чаще всего из-за отсутствия обратной связи у работников и работодателей, из-за отсутствия обеспечения персонала конкурентными заработными платами, социальными гарантиями и условиями труда, а также по причине игнорирования законодательных норм. Совместное решение причин этих конфликтов государством, работодателями и работниками должно быть направлено на обеспечение честных и открытых трудовых отношений, направленных на развитие социального и трудового благосостояния России, ведь таким способом государству удастся удерживать квалифицированных и талантливых специалистов в стране, ведь качественные кадры в различных областях – это залог будущего России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абакумова Н.Н. Проблемы социально-трудовых отношений и социальное партнерство/ Н.Н. Абакумова // Идея и идеалы. 2018. Т. 2. № 2 (36). С. 28-40.
2. Алёшина А.Б. Трудовые конфликты в России: современные тенденции/ А.Б. Алёшина // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2019; 11(1): С. 76-87.
7. Михалкина В.В. Конфликты и трудовые споры в системе управления персоналом/ В.В. Михалкина // Современные технологии управление персоналом: Сборник трудов на Международной научно-практической конференции / под науч. ред. О.С. Резниковой. 2018. С. 399-402.
4. Мищенко Д.В., Денисова Е.Г., Кочеткова Р.М., Денисова Е.О., Аглиуллина Г.Р. Факторы развития социально-трудовых отношений/ Д.В. Мищенко // Фундаментальные исследования. 2018. № 9. С. 83-87.

Сильченко Д.В.

*Научный руководитель: Амельченко И.А. канд. биол. наук, доц.
Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия*

АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НОВЫХ ВИДОВ АКТИВНОГО ОТДЫХА СТУДЕНТОВ

В современных условиях проблема сохранения и укрепления здоровья студенческой молодежи приобретает особую актуальность. Это определяется уменьшением двигательной активности студентов в повседневной жизни, увеличением учебной нагрузки и необходимостью формирования устойчивого интереса к здоровому образу жизни.

В научной и методической литературе физическая культура характеризуется как важная составляющая общей и профессиональной подготовки студентов, а здоровый образ жизни - как необходимая основа их работоспособности, социальной активности и личностного развития. Особое значение в этих условиях приобретает активный отдых как доступная и привлекательная форма двигательной деятельности. Сегодня традиционные формы физической активности постепенно дополняются новыми видами досуга, отвечающими интересам современной молодежи, ее потребности в самовыражении, общении и эмоциональной разрядке. Поддержка и продвижение данных форм активного отдыха занимают важное место в деятельности образовательных организаций, поскольку способствуют не только укреплению здоровья студентов, но и развитию культуры здоровья, навыков саморегуляции и ответственного отношения к собственному образу жизни [6, 7].

Анализ студенческой среды показывает, что наибольшую заинтересованность у обучающихся вызывают такие формы двигательной активности, которые отличаются актуальностью и соответствием современным жизненным установкам молодежи. Именно поэтому в последние годы усиливается интерес к современным видам активного отдыха, сочетающим положительное влияние на здоровье, мотивационную значимость и востребованность среди молодежи.

Значение активного отдыха в студенческой среде раскрывается в нескольких взаимосвязанных аспектах. Прежде всего, его значение заключается в предупреждении гиподинамии и поддержании здоровья

обучающихся, что особенно актуально при высокой учебной нагрузке и преобладании малоподвижных форм повседневной деятельности. Не менее значимой является его роль в снижении психоэмоционального напряжения, возникающего в процессе обучения. Многие разновидности активного досуга выполняют не только оздоровительную, но и социальную функцию, так как предполагают совместное участие, укрепление межличностных контактов и формирование опыта коллективного взаимодействия, положительно влияющего на социализацию обучающихся [5, 3].

Активный отдых студентов целесообразно рассматривать как значимый элемент их повседневной культуры, выполняющий не только восстановительную, но и развивающую функцию. Его роль заключается в укреплении здоровья, расширении личностного потенциала и формировании устойчивых позитивных привычек в сфере досуга [2].

В данных условиях физическая культура приобретает особую значимость как важный компонент формирования здорового образа жизни студентов. Именно в молодом возрасте наиболее активно закрепляются поведенческие установки, связанные с отношением к собственному здоровью, режиму дня, двигательной активности и самодисциплине [7].

Значимость физической культуры определяется не только ее воздействием на развитие физических качеств, но и ее ролью в формировании устойчивой установки на сохранение здоровья и поддержание оптимального функционального состояния организма. Одним из ключевых направлений организации досуга студенческой молодежи является лично ориентированный подход, предполагающий учет индивидуальных интересов, потребностей, возможностей и мотивационных особенностей обучающихся. В рамках данного подхода особое значение приобретают разнообразие доступных форм досуговой деятельности и создание условий психологического комфорта [7, 1]. Преимущество новых форм активного отдыха заключается в их универсальности, поскольку они не предполагают сложной предварительной подготовки, подходят студентам с различными физическими возможностями и могут без труда стать частью ежедневного распорядка [5, 8].

Среди наиболее востребованных форм активного отдыха в студенческой среде значительное место занимают различные фитнес-направления, включая функциональные тренировки, стретчинг, йогу, танцевальный фитнес и другие виды оздоровительных занятий [7; 3].

Все более востребованными становятся виды двигательной активности, реализуемые в условиях открытого пространства, включая

прогулки, бег, велосипедные маршруты, катание на роликах, походы выходного дня и другие формы досуга, отличающиеся доступностью, простотой организации и отсутствием значительных финансовых затрат [1; 3].

Для части студентов особую привлекательность представляют виды активного отдыха, связанные с элементами новизны, эмоциональной насыщенности и необычного опыта. К ним относятся занятия на скалодромах, посещение веревочных парков, батутных центров, участие в спортивных квестах и другие нестандартные формы досуговой активности. Привлекательность этих форм активности для студентов определяется тем, что они включаются в пространство свободного времени как источник положительных эмоций, самовыражения и смены повседневной учебной нагрузки [1; 3]. Устойчивые позиции в структуре студенческого активного отдыха продолжают занимать танцевальные направления и командные игровые практики, поскольку они обеспечивают не только двигательную активность, но и создают условия для общения, совместной деятельности и расширения социального опыта. Их участие в досуговой деятельности способствует расширению межличностного общения, формированию чувства групповой принадлежности и более активному включению студентов в социально-культурную среду [5].

Одновременно одной из ведущих тенденций распространения новых форм активного отдыха выступает усиление влияния цифровой среды. Социальные сети, мобильные приложения, видео платформы и электронные сервисы становятся значимыми каналами информирования о современных видах физической активности и одновременно выступают действенным инструментом мотивации к участию в них [4].

В связи с этим популяризация новых видов активного отдыха студентов требует комплексного подхода, предусматривающего сочетание организационных, информационных, мотивационных и социально-педагогических мер [2].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Боброва, Г. В. Физическая культура в досуговой деятельности студенческой молодежи / Г. В. Боброва, Т. А. Глазина, М. Р. Валетов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. - 2014. - № 3(109). - С. 25-28.

2. Инновационные подходы к организации учебного процесса по дисциплине «Физическая культура»// под. ред. С.И. Крамского, И.А. Амельченко. - Белгород: Изд-во БГТУ, 2015. - 423 с.

3. Карелина, Н. Н. Влияние физической культуры и спорта как активного отдыха на образ жизни студенческой молодёжи / Н. Н. Карелина, А. В. Тарасов, И. В. Шелегин // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. - 2017. - № 1(143). - С. 87-90.

4. Мотивация студентов к занятиям физической культурой современными электронными приложениями и устройствами / Н. Ю. Патаркацишвили, Д. А. Завьялов, Р. С. Исаев [и др.] // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. - 2021. - № 2(192). - С. 248-253.

5. Савкина, Н. В. Физическая культура и спорт в структуре студенческого досуга / Н. В. Савкина, И. В. Панина // Автономия личности. - 2020. - № 1(21). - С. 102-105.

6. Теоретические основы дисциплины «Физическая культура и спорт» для студентов вуза / под. ред. С.И. Крамского, И.А. Амельченко. - Белгород: Изд-во БГТУ, 2022. - 236 с.

7. Физическая культура : для студентов высших учебных заведений, обучающихся по дисциплине "Физическая культура" / М. Я. Виленский, В. Ю. Волков, Л. М. Волкова [и др.] ; Под редакцией М.Я. Виленского. - 2-е изд, стер.. - Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "КноРус", 2013. - 424 с.

8. Химич, И. Ю. Физкультурно-спортивная активность студенческой молодежи и определяющие ее факторы / И. Ю. Химич // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. - 2010. - № 3. - С. 127-129.

УДК 316.663.2

Смакотина П.С.

*Научный руководитель: Ковыришина С.В., канд. филос. наук, доц.
Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского
государственного университета, г. Новокузнецк, Россия*

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ ФОРМАХ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Технологический прорыв, глобализация и бесконечное информационное поле радикально меняют не только наш быт, но и то, как мы видим себя в этом пространстве [2]. В таких условиях банальный, казалось бы, вопрос «кто я?» превращается в ежедневный

вызов. Неудивительно, что философия и гуманитарные науки веками бились над загадкой человеческого самовосприятия [11].

Последние десятилетия вывели тему самоидентификации в топ самых обсуждаемых [5, 6]. Если в традиционном обществе твоя роль была прописана в «сценарии» с рождения - через сословие, профессию отца или место проживания, - то сегодня эти старые правила игры больше не работают [12].

У нас появилось гораздо больше свободы, но за нее приходится платить: теперь каждый обязан самостоятельно прокладывать свой маршрут и определять жизненные ориентиры. Самоидентификация превратилась из абстрактной теории в сугубо практическую задачу. Она помогает нам выстроить внутренний каркас ценностей и целей, опираясь на социальную среду, культуру и личный опыт [8]. А последние десять лет к этому списку добавилась еще и цифровая среда, которая полностью перекроила механизмы нашего общения и самовыражения [2].

Цель данной работы – разобраться, как именно сегодня «собирается» человеческая личность и какие факторы влияют на этот процесс сильнее всего.

В научной литературе под самоидентификацией понимают процесс осознания человеком своей сути и формирование устойчивого образа «Я» [4, 11]. Важно понимать: это не разовое событие и не короткий этап взросления, а марафон длиной в жизнь.

Философы делают акцент на поиске внутреннего единства. Человеку жизненно необходимо связать свои мысли, чувства и поступки в одну понятную и логичную историю, которая позволит ему чувствовать себя уникальной и стабильной личностью [4].

В этом поиске мы постоянно соотносим себя и с собственным внутренним миром, и с обществом вокруг. Социологи описывают это как процесс отождествления: мы выбираем социальную группу и принимаем ее ценности и нормы как свои собственные [8].

По сути, мы ищем ответы на два вопроса: «чем я уникален?» и «к кому я принадлежу?». В зависимости от контекста на первый план выходят разные маски: на работе мы – профессионалы, дома – любящие родители, а в свободное время – увлеченные коллекционеры или волонтеры.

Для многих исследователей, например, для Э. Фромма, эта потребность в самоотжестственности является фундаментальной. Без ощущения внутренней целостности личность становится хрупкой, психологически неустойчивой и легко поддается давлению внешних обстоятельств [4].

Высокая скорость социальных изменений — главная черта нашего времени. Технологические рывки и глобальная культура постоянно «перепрошивают» нашу личность [2]. Сегодня мы вольны сами выбирать образование, карьеру и стиль жизни. Но такая широта выбора часто порождает чувство неопределенности [2].

Когда перед тобой открыты сотни дорог, выбрать одну — настоящий стресс. В такой ситуации самоидентификация становится процессом осознанного «конструирования» самого себя [8].

Чтобы не потеряться, люди ищут точки опоры в социальных группах. Это помогает обрести систему координат и почувствовать эмоциональную связь с единомышленниками [8]. Через эти связи мы находим свое место в сложной социальной иерархии и понимаем, в чем заключается наша роль.

Интернет и соцсети — это, пожалуй, самый мощный фактор трансформации личности в XXI веке, особенно для молодежи [1, 2, 9]. Цифра дала нам новые инструменты для самовыражения. В сети мы транслируем фотографии, мысли и создаем публичный образ, который постепенно срастается с нашим реальным восприятием себя [9].

Так рождается «цифровая идентичность». Иногда она — наше честное отражение, а иногда — идеализированная версия, сильно отличающаяся от реальности [9]. Современная культура вообще заточена под самопрезентацию: соцсети стали трибуной, с которой мы заявляем о своих взглядах и стиле жизни [9].

Однако здесь есть и ловушки. Алгоритмы платформ и массовая культура часто навязывают нам стандартные шаблоны поведения [3]. В погоне за трендами индивидуальность может просто раствориться в популярных культурных стереотипах [3].

Поиск себя напрямую влияет на то, как мы растем [1, 7]. Четкое понимание своих целей помогает принимать решения и строить долгосрочные стратегии.

Психологи уверены: личностный рост невозможен без ощущения внутреннего благополучия, которое строится на принятии себя и умении создавать позитивные связи с людьми [7]. Часто именно кризисы и жизненные тупики становятся катализатором самопознания. Сталкиваясь с проблемами, мы вынуждены проводить ревизию своих ценностей и пересматривать приоритеты [7].

В этом процессе решающую роль играет внутренний стержень. Развитие человека невозможно без фундамента из духовных и нравственных ценностей [10]. Именно эти ориентиры позволяют нам не рассыпаться на части в условиях хаоса и находить смысл в том, что мы

делаем [10]. Поэтому самоидентификация — это не просто социальная адаптация, а глубокий путь саморазвития.

Современная самоидентификация — это сложный пазл, который мы собираем под влиянием технологий, культуры и социальных перемен [2, 3]. Сегодня каждый из нас — сам себе архитектор, вынужденный самостоятельно строить систему ориентиров.

Этот путь полон сложностей и противоречий, ведь моделей поведения слишком много. Но именно через этот поиск мы обретаем свое истинное «Я». Самоидентификация остается важнейшим элементом развития, помогая сохранить целостность личности в быстро меняющемся мире [7,10].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балашова, Е. С. Особенности самоидентификации личности студента в эпоху после «терапевтического поворота» / Е.С. Богачева, А.В. Богачева. А.В. Хижная // Современные исследования социальных проблем. – 2024. – Т. 16. – № 4. – С. 309–324. – DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-473.

2. Гуров, В. А. Самоидентификация личности в условиях современной коммуникативной среды / В. А. Гуров // Аллея науки. – 2018. – Т. 3.

3. Дотоль, И. В. Противоречия самоидентификации личности в современной культуре / И. В. Дотоль // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – Т. 1. – С. 68–70.

4. Кеидия, К. З. Философское понимание самоидентификации в бытийной структуре личности / К. З. Кеидия // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 1 (137). – С. 50–55.

5. Ковыршина, С. В. Проблема идентичности в процессе изучения темы «Общности и социальные группы»: методические аспекты / С.В. Ковыршина // Теория и практика социогуманитарных наук. 2023. № 2 (22). - С. 21-28.

6. Ковыршина, С. В. Идентичность как одна из форм мифотворчества в контексте социокультурной реальности / С. В. Ковыршина, Т. Л. Готьятова // Евразийский союз ученых. 2014. № 8-7. - С. 145-147.

7. Макарова, Е. А. Саморазвитие и самоидентификация личности в современном мире / Е. А. Макарова, А. Ю. Зинин // Сопровождение саморазвития личности в пространстве семьи и образовательной организации : материалы Международной научно-практической

конференции (Хабаровск, 30–31 октября 2024 г.). – Хабаровск : Тихоокеанский государственный университет, 2025. – С. 197–203.

8. Сагындыкова, Б. Е. Самоидентификация личности в контексте трансформирующейся социальной реальности / Б. Е. Сагындыкова // Наука и образование: проблемы и перспективы : материалы Международной научно-практической конференции (Прага, 31 октября 2018 г.). – Нефтекамск : Научно-издательский центр «Мир науки», 2018. – С. 422–425.

9. Слюсарев, В. В. «Цифровой эксгибиционизм»: самоидентификация личности в условиях информационного общества / В. В. Слюсарев, Т. М. Хусяинов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2019. – Т. 44. – № 3. – С. 434–442.

10. Станиславова, И. Л. Проблемы самоидентификации в современном мире и значение духовной составляющей личности / И. Л. Станиславова, Г. В. Соловьева // Вестник Омского университета. – 2025. – Т. 30. – № 4. – С. 50–59. – DOI: 10.24147/1812-3996.2025.4.50-59.

11. Федоренко, О. Ю. Самоидентификация личности в истории философской мысли / О. Ю. Федоренко // Межкультурный диалог и вызовы современности: дружность и инаковость в своём и родном : сборник научных статей по материалам международной научной конференции (Орёл, 19–21 апреля 2019 г.). – Уфа : ООО «Модуль-К», 2019. – С. 146–150.

12. Щербакова, А. И. Россия – XVIII век: проблема самоидентификации личности в процессе рождения и самоутверждения новых ценностей культуры / А. И. Щербакова // Проблемы и перспективы развития образования в России. – 2011. – № 12. – С. 29–33.

УДК 688.727.9

Ставский А.Ю.

Научный руководитель: Быльева Д.С., канд. пед. наук, доц.

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Россия*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИНЕЙКИ КОНСТРУКТОРОВ КОМПАНИИ LEGO И ИХ АНАЛОГОВ

Современный конструктор LEGO (слово происходит от датского словосочетания *leg godt*, что означает «играть с увлечением» [1]) вышел далеко за пределы игры, пластиковый кубик превратился в способ отображения разнообразных объектов – от цветов до космических

станций, а с помощью генеративного ИИ в LEGO-стиле можно представить все-что угодно. В этой логике LEGO становится пластиковой матрицей, в которой потенциально может быть запечатлён весь универсум. Сама идея конструирования – создания чего угодно из кубиков становится наглядным образом современного мира технологии [2], вплоть до идеи Номо Lego, где человек предстает конструктором [3]. «LEGO» является глобальным брендом. Компания не выпускает «национальные» серии в чистом виде, а представляет достопримечательности и города преимущественно через серию Architecture, Creator Postcard и отдельные эксклюзивные наборы. Общее количество наборов с выраженной национальной тематикой – примерно 85–90 наборов за всю историю серии (с 2008 по 2026 год). Среди стран, которым посвящены конструкторы, выделяется США с известными наборами: «Эмпайр-стейт-билдинг», «Статуя Свободы», «Белый Дом»; компания также выпустила наборы, посвящённые городам с их основными достопримечательностями, таким как: «Чикаго», «Лас-Вегас», «Сан-Франциско», «Нью-Йорк». Из культурных линеек выделился набор «Джазовый квартет», вдохновлённый популярным в стране жанром музыки. Компания также не забыла и о достижениях в космической сфере, выпустив такие наборы, как: «Луноход NASA Apollo LRV», «Стартовая система NASA Artemis» и другие. По Франции на полки магазинов попали такие наборы, как: «Париж», «Эйфелева башня», «Собор Парижской Богоматери» и т. д. По Италии «LEGO» выпустила конструкторы «Фонтан Треви», «Венеция», «Римский Колизей», «Итальянская ривьера». Из культурных мотивов были произведены наборы с различным итальянским транспортом: скутер «Vespa 125», машина «Фиат 500» в двух расцветках (жёлтой и голубой).

Были выпущены наборы и других стран, показывающие их достопримечательности и основные культурные особенности. Однако не все страны попали в список производства. Компания не выпустила ни одного официального набора, посвящённого российским достопримечательностям. Таким образом, целые страны и исторические нарративы игнорируются, возникает лакуна, которую заполняют локальные производители. Многие компании не просто выпускают аналоги, а конструируют альтернативный пластиковый образ национального «я». Конструирование национального образа, важного для российской национальной политики [4] происходит как выбор между самоделками фанатов и продукцией отечественных или зарубежных брендов. Лидером российского рынка остаётся компания «Легионер» с популярной серией «Моя Россия», в которую входят

модульные наборы с Красной площадью и сталинскими высотками в Москве, Санкт-Петербургом, мечетью Кул-Шариф в Казани, космодромом Байконур и другими знаковыми объектами (всего более 15 модулей, которые можно соединять между собой). Помимо Легионера, в России работают и другие производители аналогов LEGO. Один из наиболее заметных – это компания «Brick Labs», которая специализируется на русских сказках и советской классике. В линейке бренда представлены «Дом Красной Шапочки», «Избушка Бабы-яги», персонажи «Бременских музыкантов» и другие наборы, вдохновлённые русским фольклором и мультфильмами. Ещё одним производителем аналога LEGO является бренд компании «Rubrick». Компания выпускает национальные наборы с достопримечательностями российских городов, таких как Северсталь и полуострова Ямал, также есть набор футбольной арены «Спартак». Кроме того, на российском рынке представлены конструкторы под брендами «Город Мастеров» с акцентом на российскую технику: полицейские, пожарные и скорые машины и отдельные серии от «Биплант» и «Наша игрушка». Таким образом, в России действует около 4–5 заметных отечественных брендов и торговых марок, выпускающих аналоги LEGO с национальным или культурным уклоном, что значительно превосходит предложение оригинального LEGO в этой категории.

В Китае национальная тематика в сфере конструкторов развита значительно сильнее, чем в любой другой стране. Местные производители заполнили эту нишу очень активно и разнообразно. Более десяти крупных китайских брендов регулярно выпускают детализированные наборы, посвящённые китайской архитектуре, истории и культуре. Бренд «WANGE» – один из лидеров: серия Great Wall of China (6216) на 1517 деталей, а также Yellow Crane Tower (6214) на 2912 деталей, «Xingbao» – известен самой большой версией Yellow Crane Tower (XB-01024), одной из самых масштабных моделей павильона среди всех аналогов, «Loz» – активно выпускает мини-блочные серии с китайскими мотивами, включая Ancient Bridge (1924, 1524 детали) из серии «Water Village» и наборы китайского Нового года, «Sembo» – специализируется на традиционных китайских улицах и сценах: серия Chinese Style Street Scene (601604–601607), а также коллаборации с культурными учреждениями (например, темы с Запретным городом и китайской космонавтикой). Такие бренды как «Qman», «Sluban», «CaDA» и «Wise Elk» также регулярно выпускают модели традиционных китайских деревень, пагод, древних мостов и современных достопримечательностей Шанхая и Гонконга, а также другие наборы, посвящённые разным направлениям интересов.

Благодаря такому количеству производителей Китай значительно превосходит другие страны как по разнообразию, так и по объёму национально-ориентированных наборов.

В Японии производятся наборы, посвящённые традиционным японским домам, самураям и храмам, основными компаниями являются «Kawada» и «LaQ». Остальные страны не охотно поддерживают данный вид хобби и не имеют большого количества компаний, производящих подобного вида конструкторы.

Китай доминирует с огромным отрывом – 75–80% всех национально-ориентированных наборов в мире производятся именно китайскими компаниями. Россия занимает второе место среди стран с активными локальными брендами – 4–6 %. На все остальные страны мира вместе приходится всего 15–20 %. В Европе и США локальные производители почти не развивают национальную тематику – рынок полностью занят оригинальным LEGO.

Оригинальное LEGO создаёт глобальную картину мира с сильным акцентом на США и Европу. Локальные производители в России и особенно в Китае заполняют пробелы, предлагая полностью патриотические линейки. Если LEGO выпускает 3–4 набора по Италии или Франции, то Легионер — более 15 наборов по России, а китайские бренды — сотни моделей с национальными мотивами. Таким образом, национальные линейки конструкторов отражают не только культурное наследие, но и экономическую и патриотическую политику каждой страны.

Рынок национальных конструкторов — это не просто нишевое развлечение, а наглядная проекция культурного суверенитета в эпоху, когда LEGO становится универсальным способом отображения. Официальная линейка LEGO, рисует западоцентричную картину мира, оставляя за бортом множество цивилизационных узлов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Терещенко С. В., Загорская М. К. Метод Lego в обучении предпринимательству европейских студентов // Проблемы Науки. 2017. №5 (87). С. 56-59.
2. Kazakova, A., Wang, S. & Mitcham, C. Perspectives on Modernization: Nation-State, Engineering, and the Chinese Project // Technology and Language. 2026. № 7(1). P. 27-41. <https://doi.org/10.48417/technolang.2026.0103>

3. Чукуров А. Ю. Homo Lego: человек-конструктор (к постановке проблемы) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2016. №2 (39). С. 72-76.

4. Shcherbak, S. From Conservative to Technological Modernization: Discourse and Policy // Technology and Language. 2026. № 7(1). P. 42-62. <https://doi.org/10.48417/technolang.2026.01.04>

УДК 657

Стаценко Ю.А.

*Научный руководитель: Смолякова О.М., канд. экон. наук, доц.
Минский филиал РЭУ имени Г.В. Плеханова, г. Минск, Беларусь*

СРАВНЕНИЕ ПОДХОДОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОТЧЕТНОСТИ В РОССИИ, БЕЛАРУСИ И МСФО

Глобализация экономики требует единых подходов к оценке финансовых результатов. Республика Беларусь и Российская Федерация, имея общее экономическое прошлое, выбрали близкие, но не идентичные пути развития национальных систем учета. Показатель прибыли становится индикатором качества этих различий. Для внешнего инвестора прибыль по МСФО становится главным сигналом для принятия решений, а для налогового инспектора в России или Беларуси важна цифра из декларации, сформированная по иным правилам. Эта двойственность порождает главную проблему: компании вынуждены вести параллельный учет или тратить ресурсы на трудоемкую трансформацию отчетности [2, с. 1].

Международные стандарты финансовой отчетности строятся на принципе приоритета экономического содержания над юридической формой. Прибыль является приростом экономических выгод, а не просто разницей между доходами и расходами по документам [7, с. 2]. Отчет о совокупном доходе включает, например, результаты переоценки активов, которые никогда не будут реализованы в денежной форме, но меняют стоимость бизнеса сегодня. В МСФО используется дисконтирование денежных потоков, оценка по справедливой стоимости и метод эффективной ставки процента [7, с. 5-6]. Эти инструменты позволяют показывать прибыль более реалистично с точки зрения рыночных условий.

В России действуют Федеральные стандарты бухгалтерского учета (ФСБУ). Минфин Российской Федерации последовательно сближает ФСБУ с МСФО. Однако исторически РСБУ (Российские стандарты

бухгалтерского учёта) были «заточены» под фискальные задачи [6, с. 3]. Перелом наступил с принятием Программы реформирования, но инерция мышления сохраняется. Российские компании, чьи ценные бумаги обращаются на бирже, обязаны публиковать консолидированную отчетность по МСФО. При этом для сдачи в налоговую и Росстат они готовят отдельный комплект по РСБУ. Эти значительные по объему процедуры редко дают близкий финансовый результат. На практике расхождения могут быть значительными: у холдинговых компаний прибыль по РСБУ часто выше, чем по МСФО, поскольку в РСБУ учитываются полученные дивиденды от дочерних компаний, а в МСФО они исключаются при консолидации [3, с. 1].

Республика Беларусь сохранила более консервативную модель учета. Национальные стандарты бухгалтерского учета и отчетности (НСФО) Беларуси долгое время были максимально унифицированы по форме, но жестче регламентировали процедуры. Белорусская модель ориентирована на строгое исполнение инструкций, оставляя меньше простора для профессионального суждения бухгалтера. Это снижает риски манипуляций, но делает белорусскую прибыль менее гибкой при попытке адаптировать ее к инвестиционным стандартам МСФО. Если в России с 2012 года публичные компании обязаны составлять консолидированную отчетность по МСФО, то в Беларуси переход на международные стандарты происходит более плавно и с большим контролем со стороны государственных органов.

В качестве примера можно привести показатель выручки по МСФО (IFRS 15). Её признают в момент перехода контроля над товаром к покупателю, а не только перехода права собственности [7, с. 2]. По российским ПБУ выручку признают в момент перехода права собственности. При этом в МСФО используется дисконтирование выручки при отсрочке платежа: справедливая стоимость может оказаться меньше номинальной суммы поставки [8, с. 7]. В РСБУ таких требований к дисконтированию нет. Для строительных холдингов это различие принципиально: по РСБУ отдельное юридическое лицо часто показывает мизерную выручку, пока объект не сдан, а в МСФО используется метод «доли завершенности», и прибыль распределяется равномерно.

Рассмотрим показатели себестоимости и управленческих расходов. По МСФО 2 «Запасы» в производственную себестоимость включаются только те затраты, которые непосредственно связаны с процессом производства. Административные расходы общего характера, не относящиеся к производственному процессу, относятся напрямую на финансовые результаты отчетного периода [1, с. 6].

В РСБУ есть два варианта: включать управленческие расходы в себестоимость либо списывать их общую сумму на счет 90 «Продажи» [10, с. 5].

Аналогичный порядок применяют белорусские предприятия: распределение предварительно собранных на счете 25 «Общепроизводственные расходы» сумм на себестоимость произведенной в отчетном периоде продукции или признание их расходами отчетного периода и списание всей величины на счет 90 «Доходы и расходы по текущей деятельности».

Таким образом, очевидно, что в России и Беларуси выбор учетной политики напрямую влияет на величину прибыли отчетного периода. Компания, которая включает управленческие расходы в себестоимость, покажет прибыль выше, чем компания, списывающая их сразу на продажи.

В России с переходом на ФСБУ 6/2020 ситуация с амортизацией и обесценением выровнялась: компании могут пересматривать сроки полезного использования аналогично МСФО. Однако в оценке обесценения активов разрыв сохраняется. МСФО (IAS 36) требует тестировать активы на обесценение при наличии признаков и признавать убыток немедленно [8, с. 5]. В РСБУ такого требования нет. Более того, по МСФО амортизируется не первоначальная стоимость актива, как в РСБУ, а амортизируемая стоимость после вычитания ликвидационной стоимости [8, с. 4]. Это приводит к разнице в ежемесячных амортизационных отчислениях.

Процентные доходы и расходы по кредитам в МСФО учитываются по методу эффективной ставки процента, а в РСБУ по ставке, установленной договором [7, с. 6]. Разница может быть существенной для долгосрочных обязательств. Например, по кредиту под 15% годовых на 5 лет эффективная ставка может составить 15,865% из-за капитализации процентов. При крупных заимствованиях эта разница влияет на финансовый результат.

Главная практическая проблема для компаний из России и Беларуси это двойная работа. Одна компания готовит два комплекта отчетности: первый комплект (для налоговых и контролирующих органов) - по национальным правилам, второй (для инвесторов, банков, иностранных партнеров и собственников) - по МСФО. Величина чистой прибыли в комплектах редко совпадает.

Учет по МСФО предполагает отражение экономической сущности операций. Трансформация - это процесс пересчета данных из национальной отчетности в формат МСФО. Компания вносит десятки корректирующих проводок: меняет оценку активов, пересчитывает

резервы, уточняет момент признания выручки [2]. Расходы на такую работу значительны. Эксперты прямо называют неоправданно высокими затраты хозяйствующих субъектов на подготовку консолидированной отчетности по МСФО путем трансформации из российских правил [2]. В Беларуси ситуация схожая из-за более жесткой регламентации НСФО.

У холдинговой компании прибыль по РСБУ часто выше, чем по МСФО. Причина проста: в РСБУ учитываются полученные дивиденды от дочерних обществ. При консолидации по МСФО эти дивиденды исключаются, чтобы не завышать результат [3, с. 1]. Обратная ситуация: при строительном подряде прибыль по РСБУ ниже, чем по МСФО, так как первый стандарт ждет подписание акта, а второй признает доход по мере выполнения работ [8, с. 7].

Может сложиться впечатление, что РСБУ и НСФО идентичны. Это не совсем так. Беларусь сохранила более консервативную модель учета, ориентированную на строгое исполнение инструкций. Российская система с 2012 года сделала обязательный шаг в сторону МСФО для публичных компаний. Ключевое различие в степени свободы профессионального суждения. Российский бухгалтер при переходе на ФСБУ 6/2020 может пересматривать сроки полезного использования основных средств, сближаясь с МСФО. Белорусский бухгалтер имеет меньше таких полномочий, так как процедуры жестко прописаны в нормативных актах. Это снижает риски ошибок, но искажает реальные показатели результативности бизнеса в условиях изменяющейся среды.

Еще одно различие в скорости реформ. В России с 2024 года продолжается работа по сближению ФСБУ 4/2023 с МСФО (IAS) 1 в части формата отчетности. В Беларуси процесс идет медленнее, с сохранением старой унифицированной формы №2 «Отчет о прибылях и убытках». Терминология в двух странах различается, что создает дополнительные сложности при международных сопоставлениях.

Проведенное сравнение показывает, что показатели прибыли в РСБУ, НСФО и МСФО формируются по разным правилам. Различия касаются момента признания выручки, подходов к начислению амортизации, учета обесценения и дисконтирования денежных потоков. Главная проблема для бизнеса – это двойная работа. Компании вынуждены вести параллельный учет или делать трудоемкую трансформацию, неся значительные расходы.

Российская система учета (РСБУ) в последние годы активно сближается с МСФО, особенно после введения новых ФСБУ. Белорусская система (НСФО) остается более консервативной, жестко регламентированной и менее гибкой. Сближение РСБУ и МСФО

происходит, но полная гармонизация пока не достигнута, продолжается работа по адаптации национального учета к международным требованиям. Для Беларуси задача стоит более остро, так как значительные отличия ведения учета от регламентов МСФО создает дополнительные барьеры для привлечения иностранных инвестиций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Крокодилова, Е. В., Лусникова, В. С. Учёт себестоимости и затрат в соответствии с РСБУ и МСФО: теоретические основы, принципы и различия / Е. В. Крокодилова, В. С. Лусникова // Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов XIX Международной конференции, Екатеринбург, 14–16 ноября 2024 г. - Екатеринбург: Издательство Издательский Дом «Ажур», 2025. С. 1204-1206.
2. Соколов, В. Я., Котельникова, Н. В. Применение корректирующих проводок при формировании финансовой отчетности в ФСБУ и МСФО / В. Я. Соколов, Н. В. Котельникова // Международный бухгалтерский учет. - 2025. - № 7. - С. 35-50;
3. Дружиловская, Т. Ю. Формирование отчета о финансовых результатах: прошлое, настоящее, будущее / Т. Ю. Дружиловская // Международный бухгалтерский учет. - 2025. - № 6. – С. 42-61;
4. Сигидов, Ю. И., Оксанич, Е. А., Масалитина, Ю. А. Сближение учета основных средств по РСБУ и МСФО / Ю. И. Сигидов, Е. А. Оксанич, Е. А. Масалитина // Вестник Академии знаний. - 2019. - № 32. - С. 227-232;
5. Заика, В. С. Анализ содержания и рекомендации по совершенствованию проекта ФСБУ 4/2023 «Бухгалтерская (финансовая) отчетность» / В. С. Заика // Международный бухгалтерский учет. - 2024. - № 1. - С. 100-120;
6. Маслова, Т. С., Якимова, Ю. А. Проблемы формирования бухгалтерской (финансовой) отчетности субъектов малого бизнеса при сближении РСБУ и МСФО в условиях цифровизации экономики / Т. С. Маслова, Ю. А. Якимова // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. - 2020. - № 6. - С. 23-30;
7. Сорокина, Л. Н., Глушанков, К. В. Оценка изменений нормативных положений учета основных средств и капитальных вложений в российской практике бухгалтерского учета / Л. Н. Сорокина, К. В. Глушанков // Международный бухгалтерский учет. - 2024. - № 12. – С. 1426-1442;

8. Неелова, Н. В., Кочинев, Ю. Ю., Гузикова, Л. А., Макарова, О. Н. Проблемные вопросы практического применения ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды» / Н. В. Неелова, Ю. Ю. Кочинев, Л. А. Гузикова // Международный бухгалтерский учет. - 2025. - №1. - С.4-24.

УДК: 343.915

Сторублевцева Т.С.

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

ПРАВОВАЯ ПРОПАГАНДА КАК МЕТОД ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Одним из ключевых факторов, влияющих на противоправное поведение подростков, выступает уровень их правосознания — степень осознания и принятия правовых норм, а также готовность следовать им в повседневной жизни [1]. Правосознание включает в себя как правовые знания, так и правовые установки, ценностные ориентации и поведенческие модели, регулируемые правом. От уровня сформированности правосознания во многом зависит степень добровольного соблюдения норм права, толерантное отношение к правопорядку и активная позиция в противодействии как личным, так и общественным правонарушениям. Психологические исследования показывают, что правосознание оказывает значительное влияние на поведение молодежи. Чем выше уровень правосознания, тем ниже вероятность совершения преступлений. В условиях информационной перегрузки, распространения деструктивного контента и кризиса традиционных ценностей, формирование устойчивого правового иммунитета у несовершеннолетних становится приоритетной государственной задачей. Одним из системных методов решения этой задачи выступает правовая пропаганда.

Правовая пропаганда – это целенаправленная, систематическая и организованная деятельность по распространению правовых знаний, формированию уважения к праву, закону и правосудию, а также убеждений в необходимости соблюдения норм права [2].

Для понимания необходимости пропаганды следует обратиться к официальной статистике. По данным Генеральной прокуратуры России в 2025 году в России зарегистрировано более 29 тысяч преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, что на 10,1% больше, чем в 2024 году. Удельный вес подростковой преступности составил 3,4% в общей структуре преступности [3].

Несовершеннолетние представляют собой особую, социально уязвимую группу, чье правосознание находится в стадии формирования. В современном обществе наблюдается усиление воздействия идеологических и социально-психологических феноменов, направленных на дезориентацию подростковой аудитории и имплантацию искусственно сконструированных социальных ориентиров, распространение представлений о легком и быстром обогащении. Установленные критерии морали и нравственности оказались размытыми, изменились представления о дозволенном, произошла переоценка традиционных ценностей; упал престиж образования, но появились готовность добывать деньги любым путем, цинизм, грубость, безразличие, равнодушие и агрессия к другим людям. У несовершеннолетних снижается ощущение контроля над своим поведением, происходят качественные изменения материальных, социальных и духовных потребностей.

Многочисленные социологические опросы показывают, что уровень правового нигилизма среди молодежи остается высоким, а уровень правосознания – низким. Некоторые исследования показывают, что только около 9% подростков считают, что необходимо безусловно соблюдать законы, больше 30% считают, что «закон можно обойти», около 60% респондентов отметили, что часто за правонарушения граждане не несут ответственности [4]. Глубинная причина — разрыв между формальной правовой грамотностью и внутренним принятием правовых норм.

Формирование правосознания включает когнитивный (знание законов), эмоциональный (чувство справедливости) и поведенческий (законопослушное поведение) компоненты. Правовая пропаганда воздействует на все указанные сферы через лекции, брошюры, статьи, консультации, уроки права, фильмы, ролевые игры, тренинги, моделирование ситуаций [5]. Однако традиционные методы пропаганды (плакаты, лекции) теряют эффективность среди молодого поколения, поэтому современная пропаганда должна быть не директивной, а «мягкой» и интегрированной в жизненный контекст подростка.

Проникая в сознание несовершеннолетнего, правовые знания, разъяснения и примеры заполняют пробелы в знаниях о законах, развитие понимания их смысла и назначения, формируют уважение к праву как к высшей ценности, вырабатывают позитивное отношение к законности, формируют установки на правомерное поведение, умение применять правовые знания на практике.

Правовая пропаганда играет ключевую роль в профилактике преступности несовершеннолетних, поскольку информирует несовершеннолетних о недопустимости противоправного поведения, разъясняет основания уголовной и административной ответственности, формирует негативное отношение к асоциальным явлениям, обучает, как правильно реагировать на угрозы, вовлекает в социально полезную деятельность, формирует чувство ответственности.

Часто правовая пропаганда сводится к формальной подготовке статистических отчетов и проведению редких лекций без реального вовлечения подростков и достижения должного эффекта. Отмечается слабая профподготовка педагогов и инспекторов по делам несовершеннолетних, а также отсутствие мониторинга реальной эффективности применяемых мер. На практике встречаются случаи использования устаревших, малоэффективных методов, не учитывающих интересы и потребности современной молодежи. Цифровой контент, пропагандирующий насилие, наркотики, криминальный образ жизни, нивелирует усилия правовой пропаганды.

Для решения этих проблем необходимо включить в школьные уроки «Обществознание» блоки по вопросам уголовной и административной ответственности с практическими кейсами из реальной жизни, активно использовать цифровые технологии при разработке онлайн-курсов, интерактивных платформ, мобильных приложений; повышать квалификацию специалистов, укреплять взаимодействия между государственными органами, образовательными учреждениями, семьей и правоохранительными органами.

Таким образом, правовая пропаганда в контексте системного подхода к развитию правосознания и профилактике правонарушений среди несовершеннолетних играет ключевую роль. Оценка эффективности данного направления должна выходить за рамки простого транслирования правовой информации, соответствовать психолого-возрастным особенностям целевой аудитории. Современные реалии требуют обеспечения динамичности, интерактивности и интеграции инновационных технологий и креативных методов правовой пропаганды. Приоритетной задачей становится не только передача правовых знаний, но и активное вовлечение несовершеннолетних, формирование у ценностных ориентаций и устойчивых установок на правомерное поведение. Необходимо, чтобы несовершеннолетние воспринимали правовые нормы не как фактор принуждения, а как фундаментальную социальную ценность. Применение комплексной модели, объединяющей усилия образовательных и социальных учреждений, правоохранительных

органов и семьи с современными цифровыми и интерактивными технологиями, потенциально способствует снижению уровня подростковой преступности и формированию у молодого поколения устойчивой правовой позиции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Собиров А.Р. Роль правовой пропаганды в формировании правового сознания и правовой культуры у молодёжи / А.Р. Собиров // *Право: современные тенденции*. — 2014. — С. 30-33.
2. Тогузаева Е.Н. Социализирующая функция правовой пропаганды в современной России / Е.Н. Тогузаева // *Lex Russica*. — 2026. — № 4 (233). — С. 81-90.
3. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2025 года // *Статистический сборник МВД России*. — 2025. — 64 с.
4. Аникеева О.А., Воронцова Е.А. Правосознание современных подростков и молодежи: технологии преодоления правового нигилизма / О.А. Аникеева, Е.А. Воронцова // *BECSOR*. — 2023. — № 1. — С. 45-50.
5. Титова, Е.А. Формы и методы правовой пропаганды в деятельности органов внутренних дел // *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. — 2019. — № 2 (89). — С. 9-19.

УДК 005.94:331.108.4

Стоянович А.

Научный руководитель: Афанасьев И.В., ст. преп.

*Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия*

РОЛЬ КОРПОРАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ И ПЕРЕПОДГОТОВКИ КАДРОВ В СТРАТЕГИИ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЕМ

Антикризисное управление — это специальная система мер, которую применяют, когда предприятие начинает работать в убыток или теряет устойчивость. С.О. Егоров определяет стратегию антикризисного управления как «комплексный долгосрочный план действий (программа мероприятий), направленный на своевременное обнаружение признаков кризиса, предотвращение банкротства и финансовое оздоровление предприятия для его возвращения к

нормальному функционированию» [3. с. 512]. Потребность в такого рода управлении возникает в целях предотвращения банкротства, восстановления платежеспособности, оптимизации затрат, смены бизнес-модели и сохранения кадрового потенциала.

Е. А. Митрофанова и И. А. Эсаулова говорят о том, что «важнейшей задачей антикризисного управления является недопущение кризиса, вызванного недальновидностью и ошибками менеджмента, а в условиях объективно возникающих кризисов – обеспечение их наиболее безболезненного прохождения при помощи управляемых процессов прогнозирования и предупреждения кризисов, подготовки и обеспечения функционирования систем в периоды кризисов, смягчения отрицательных последствий и использования факторов кризисов для развития» [4. с. 35]. Как правило, основной задачей стратегии антикризисного управления становится не допустить официального закрытия компании и полной потери имущества, а также создать условия для того, чтобы у фирмы снова появились деньги на оплату долгов, налогов и зарплат. Для этого нужно выявление и устранение лишних расходов, которые тянут бюджет вниз. При этом, если старый способ работы больше не приносит прибыли, антикризисное управление помогает перестроить производство или продажи под новые условия рынка. Однако, чтобы компания работала и после кризиса, нужно удерживать специалистов, которые знают процессы и технологии предприятия.

Корпоративное обучение представляет собой специализированную систему получения новых знаний и развития профессиональных навыков сотрудниками непосредственно внутри организации или за её счет. По словам К. Д. Сметкиной, «корпоративное обучение играет ключевую роль в развитии профессиональных компетенций повышении их продуктивности и обеспечении конкурентоспособности компании» [6. с. 416]. Если рассматривать данное понятие в упрощенном виде, то это процесс, в ходе которого работодатель обеспечивает подготовку своего персонала по тем направлениям, которые критически необходимы для эффективного выполнения текущих задач или достижения будущих стратегических целей. Корпоративное обучение напрямую помогает реализовать цели антикризисной стратегии через три конкретных механизма: обеспечение взаимозаменяемости, смена курса без найма новых людей, снижение операционных ошибок. Обоснуем данное положение следующим образом. В кризис штаты предприятий и фирм часто сокращают, поэтому обучение позволяет оставшимся сотрудникам освоить смежные функции. Это помогает компании

продолжать работу меньшим числом людей, не теряя в качестве. При этом, если компании нужно срочно начать выпускать новый продукт или перейти на онлайн-продажи, дешевле и быстрее переучить своих лояльных сотрудников, чем искать новых специалистов на «перегретом» рынке. Необходимо также помнить о том, что в условиях кризиса люди чаще ошибаются, что ведет к убыткам. Дополнительный инструктаж и повышение квалификации минимизируют брак и финансовые потери, помогая экономить ресурсы компании.

В отличие от классического академического образования в вузе, корпоративное обучение обладает рядом специфических характеристик. Во-первых, оно имеет строгую практическую направленность: образовательный контент фильтруется таким образом, чтобы сотрудники получали только те компетенции, которые можно немедленно применить в трудовой деятельности. Во-вторых, оно имеет четко ограниченную целевую аудиторию, состоящую исключительно из штатных сотрудников компании. Наконец, ключевой чертой является его инвестиционный характер: организация осознанно направляет финансовые ресурсы на обучение сегодня, чтобы в долгосрочной перспективе получить более квалифицированного, эффективного и прибыльного специалиста. На практике корпоративное обучение реализуется в различных формах, каждая из которых решает конкретные управленческие задачи:

Вводное обучение позволяет максимально быстро интегрировать новичков в рабочие процессы и культуру компании. Повышение квалификации обеспечивает углубление знаний в уже знакомой профессиональной сфере, будь то освоение новых языков программирования или современных техник продаж. Переподготовка дает возможность сотруднику полностью сменить профиль деятельности, освоив новую специальность, не покидая компанию. Развитие «мягких навыков» включает тренинги по лидерству, коммуникациям и управлению стрессом, что критически важно для слаженной командной работы. Особую значимость корпоративное обучение приобретает в периоды экономических кризисов. В это время оно перестает быть просто дополнительным бонусом и превращается в стратегический инструмент антикризисного управления. Главная цель здесь — трансформация обычного персонала в высоколиквидный человеческий капитал. Н. Вукчевич и В. Н. Ряпухина пишут, что «в современном мире управление человеческим капиталом, под которым понимают совокупность знаний, умений, навыков, используемых для удовлетворения многообразных потребностей

человека и общества в целом, играет ключевую роль в социально-экономическом развитии хозяйственных систем» [2. с. 331]. В рамках проведенного ими исследования, они пришли к выводу о том, что «приобретенные качества или набор капитализируемых распределенных сетевых способностей, навыков и компетенций могут быть усилены соответствующими вложениями в человеческий капитал и повышением уровня информационной и цифровой подкованности» [5. с. 150].

Подводя итог, прежде всего, согласимся с И. В. Афанасьевым, А. В. Ждановой и А. И. Тимченко, которые говорят о том, что «предприятия сталкиваются со значительным количеством факторов, которые способны оказывать отрицательное воздействие на их эффективное функционирование» [1. с. 33]. Данные авторы подчеркивают, что «при управлении предприятием необходимо учитывать высокую степень влияния внешней среды, а действия менеджмента должны приобретать антикризисный характер» [1. с. 33]. В условиях кризиса компании целесообразно отказаться от внешнего обучения и попытаться заместить его за счет внутренних ресурсов. Проведенный нами обзор научных публикаций позволяет сделать вывод о том, что обучение в период кризиса превращается из статьи расходов в инструмент адаптации: оно дает персоналу новые компетенции, необходимые для реализации антикризисного плана, и позволяет избежать затрат на поиск внешних экспертов

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Афанасьев, И. В. Антикризисное управление как направление повышения квалификации менеджеров / И. В. Афанасьев, А. В. Жданова, А. И. Тимченко // Содействие профессиональному становлению личности и трудоустройству молодых специалистов в современных условиях : Сборник материалов XII Международной научно-практической конференции. В 3-х частях, Белгород, 20 ноября 2020 года / Под редакцией С. А. Михайличенко, Ю. Ю. Буряка. Том Часть 1. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, 2020. – С. 33-36.

2. Вукчевич, Н. Проблема управления человеческим капиталом в условиях глобализации и цифровизации экономики / Н. Вукчевич, В. Н. Ряпухина // Инновационное проектирование в современном обществе : Сборник материалов Международной объединенной научно-практической конференции, Белгород, 21–22 апреля 2024 года. –

Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, 2024. – С. 325-332.

3. Егоров, С. О. Классификация антикризисных стратегий предприятия / С. О. Егоров // Вестник Академии знаний. 2024. № 1 (60). С. 508-512.

4. Митрофанова, Е. А., Эсаулова, И. А. Стратегии и политики антикризисного управления персоналом / Е. А. Митрофанова, И. А. Эсаулова // Вестник ГУУ. 2017. № 11. С. 34-41.

5. Ряпухина, В. Н. Трансформация человеческого капитала как глобальный вызов модернизации в условиях «новой нормальности» / В. Н. Ряпухина, Н. Вукевич // Содействие профессиональному становлению личности и трудоустройству молодых специалистов в современных условиях : Сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции, Белгород, 19 ноября 2021 года / Под редакцией С. А. Михайличенко, Ю. Ю. Буряка. Том Часть 3. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, 2021. – С. 147-159.

6. Сметкина, К. Д. Корпоративное обучение в эпоху искусственного интеллекта: анализ практики ПАО Сбербанк / К. Д. Сметкина // Вектор научной мысли. – 2026. – № 1(30). – С. 416-418.

УДК 331.101.262

Стоянович Л.

Научный руководитель: Афанасьев И.В., ст. преп.

*Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия*

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ МОТИВАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Под экономической нестабильностью мы, прежде всего понимаем, состояние экономики, при котором она теряет устойчивость, что находит отражение в резких и непредсказуемых колебаниях ключевые показатели экономической деятельности. На уровне повседневного опыта экономическая нестабильность проявляется в росте цен и обесценивании денег, изменении валютных курсов, сокращениях и увольнениях. Иногда предприятия и компании даже вынуждены закрываться, так как инвесторы боятся вкладывать деньги, когда экономический рост сменяется резким спадом (рецессией),

так как риски слишком высоки. На самом деле, в условиях экономической нестабильности ни бизнес, ни обычные люди не могут планировать будущее, поэтому для них это внешний шок, который заставляет антикризисных менеджеров, помимо всего прочего, решать, как сохранить человеческий капитал, определяющий главный производственный фактор. А. С. Климова, И. В. Афанасьев пишут о том, что «достаточная эффективность управления организацией в первую очередь зависит от выбора наиболее верного подхода к организации управления персоналом, формированию корпоративного духа работников, также в основе корпоративной культуры менеджерам компании необходимо формировать идеи и ценности компании» [3. с. 316].

В. Н. Ряпухина, Н. Вукчевич говоря о том, что «рост прибыли и устойчивую выгоду от человеческого капитала определяет образовательный уровень и квалификация, сознательное, целенаправленное управление интеллектуальными ресурсами кадров, а также эффективная деятельность менеджеров по кадрам, которые подбирают сотрудников и создают для них систему стимулов и мотиваций – то есть с одной стороны выбирают кандидатов с высоким уровнем знаний современных профессиональных методик и технологий, а с другой стороны создают условия для овладения новыми знаниями и их внедрения в производство» [4. с. 151]. Данные авторы придерживаются мнения о том, что «комплексная и эффективная трансформация управления человеческим капиталом становится целесообразным и целенаправленным прогрессивным процессом» [2. с. 331].

Однако реализация интеллектуального потенциала и «устойчивая выгода», упомянутые авторами, невозможны без готовности самого сотрудника работать с полной отдачей в условиях стресса. Это выдвигает на первый план систему мотивации, которая в период кризиса трансформируется из инструмента поощрения в стратегический механизм удержания наиболее ценных кадров. М. М. Столбов определяет систему мотивации персонала как «адаптивный комплекс взаимосвязанных материальных и нематериальных стимулов, методов и инструментов управленческого воздействия, основанный на принципах системности, индивидуализации и гибкости, направленный на формирование устойчивой внутренней и внешней мотивации работников к эффективному труду через создание условий для удовлетворения их потребностей и профессионального развития в соответствии с целями предприятия и динамикой внешней среды» [5. с. 82].

На основе проведенного нами обзора научной литературы, мы можем говорить о том, что, если в условиях роста экономики компания мотивирует сотрудника на достижение высоких результатов, то в условиях кризиса главной задачей становится обеспечение лояльности и работоспособность персонала при дефиците ресурсов. Таким образом, в условиях кризиса трансформация системы мотивации — это переход от модели «роста и экспансии» к модели «выживания и адаптации». Одновременно, в условиях цифровизации, которая стала ответом на экономическую рецессию, по О. А. Шиловой, «отмечается процесс трансформации человеческого капитала, направленный на повышение конкурентоспособности, инновационного потенциала и устойчивости бизнеса [6. С. 100]. Данный исследователь также акцентирует внимание на том, что «от способности правильно организовывать управление данным процессом зависит способность отдельных предприятий и общества в целом адаптироваться к изменяющимся условиям» [6. С. 100].

По нашему мнению, трансформация системы мотивации как инструмент сохранения человеческого капитала в условиях экономической нестабильности выражается в следующих ключевых изменениях: смещение акцента с материального на нематериальное, замена «бонусов за успех» на «бонусы за удержание», гибкость и персонализация, рост значения внутренней коммуникации, обучение как форма мотивации. Мы можем обосновать данное положение следующим образом. В кризис бюджеты на премии и бонусы часто сокращаются, поэтому, чтобы люди не ушли, компания задействует другие рычаги. Например, психологическая поддержка в форме внедрения программ ментального здоровья и консультаций направлена на снижение уровня тревоги от «внешнего шока». В ситуации, когда нельзя дать премию, возрастает ценность публичной похвалы, благодарностей от руководства и статуса «ключевого сотрудника». Если раньше сотрудников награждали за перевыполнение плана продаж, то в кризис могут платить за то, что сотрудник просто довел сложный проект до конца в условиях неопределенности или остался в компании в период реструктуризации. В кризисных условиях вместо стандартного социального пакета компания дает сотруднику выбор других привилегий и бонусов. Например, кому-то сейчас важнее возможность работать удаленно, а кому-то — расширенная медицинская страховка. Гибкий график также становится мощным бесплатным мотиватором. В условиях кризиса руководство чаще встречается с коллективом, объясняет положение дел, так как, когда сотрудник понимает, зачем он прикладывает усилия, его мотивация или

вовлеченность выше, даже если зарплата временно не растет. Как мы уже сказали, в кризис компания может предлагать обучение вместо премий и для сотрудника это сигнал о том, что в него «инвестируют» и подтверждение его ценности, как и способ увеличения стоимости собственного человеческого капитала на рынке за счет работодателя.

Подводя итог, отметим, что, в целом, трансформация системы мотивации в антикризисном управлении выражается в ее оптимизации: переходе от жестких финансовых стимулов к гибким инструментам нематериального поощрения и созданию системы психологической безопасности персонала. Данные меры не должны носить разовый характер, так как работа с человеческим капиталом составляет ядро системной устойчивости компании. В этой связи закономерно, что И. В. Афанасьев и Л. Н. Мякушко в своей работе подчеркивают «необходимость использования и внедрения антикризисного управления каждому действующему бизнесу» 1. [с. 1400]. Таким образом, грамотная трансформация системы мотивации в условиях экономической турбулентности и фокус на человеческом капитале как главном гаранте жизнеспособности организации позволяют не только преодолеть текущий кризис, но и сформировать фундамент для будущего качественного роста предприятия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Афанасьев, И.В. Особенности антикризисного управления в современных условиях / И. В. Афанасьев, Л.Н. Мякушко // Научные технологии и инновации (XXV научные чтения) : Сборник докладов Международной научно-практической конференции, Белгород, 23 ноября 2023 года. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2023. – С. 1397-1401.

2. Вукчевич, Н. Проблема управления человеческим капиталом в условиях глобализации и цифровизации экономики / Н. Вукчевич, В.Н. Ряпухина // Инновационное проектирование в современном обществе : Сборник материалов Международной объединенной научно-практической конференции, Белгород, 21–22 апреля 2024 года. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2024. – С. 325-332.

3. Климова, А.С. Корпоративная культура как инструмент роста эффективности деятельности компании / А.С. Климова, И.В. Афанасьев // Содействие профессиональному становлению личности и трудоустройству молодых специалистов в современных условиях : Сборник материалов XI Международной заочной научно-практической

конференции, посвященной 75-летию Великой Победы. В двух частях, Белгород, 15 ноября 2019 года / Под редакцией С.А. Михайличенко, Ю.Ю. Буряка. Том 1. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, 2019. – С. 316-319.

4. Ряпухина, В.Н. Трансформация человеческого капитала как глобальный вызов модернизации в условиях «новой нормальности» / В.Н. Ряпухина, Н. Вукчевич // Содействие профессиональному становлению личности и трудоустройству молодых специалистов в современных условиях: Сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции, Белгород, 19 ноября 2021 года / Под редакцией С.А. Михайличенко, Ю. Ю. Буряка. Том Часть 3. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2021. – С. 147-159.

5. Столбов, М.М. Трансформация системы мотивации персонала производственных предприятий в условиях экономической турбулентности: новые подходы и инструменты / М. М. Столбов// Общество: социология, психология, педагогика. – 2025. – № 2. – С. 80-86.

6. Шилова, О.А. Трансформация человеческого капитала в условиях цифровой экономики / О.А. Шилова // Актуальные исследования. 2023. №43 (173). С. 97-100.

УДК 336.22:005.334

Тоталин В.С.

*Научный руководитель: Ниязбекова Ш.У., канд. экон. наук, доц.
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия*

НАЛОГОВЫЙ КОНСАЛТИНГ БИЗНЕС-ПРОЕКТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ СНИЖЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ РИСКОВ

Развитие предпринимательства невозможно рассматривать только через призму идеи, продукта и рынка сбыта. Уже на стадии проектирования бизнеса предприниматель сталкивается с необходимостью выбрать организационно-правовую форму, налоговый режим, модель расчетов с контрагентами, порядок документального оформления операций и систему внутреннего контроля. Ошибка на этом этапе может привести не только к увеличению налоговой нагрузки, но и к доначислениям, пеням, штрафам, блокировке операций и снижению инвестиционной привлекательности проекта. Поэтому налоговый консалтинг становится не вспомогательной услугой, а

элементом управления предпринимательским риском.

Под налоговым консалтингом бизнес-проекта целесообразно понимать профессиональное сопровождение предпринимателя, направленное на законную организацию налоговых обязательств, предупреждение налоговых споров и выбор экономически обоснованной модели ведения деятельности. В учебной литературе налоговое консультирование рассматривается как область профессиональной деятельности, включающая анализ налоговых последствий хозяйственных решений, подготовку рекомендаций и сопровождение их практической реализации [1; 3]. Для предпринимательского проекта это особенно важно, поскольку на начальной стадии еще можно изменить структуру операций без существенных затрат.

Налоговый риск бизнес-проекта возникает в нескольких типичных ситуациях. Во-первых, риск связан с выбором налогового режима. Малый бизнес часто ориентируется на упрощенную систему налогообложения, однако ее применение требует учета ограничений по видам деятельности, численности, доходам, структуре участия и иным условиям [5]. Во-вторых, предприниматель может привлекать самозанятых исполнителей, но при фактическом наличии трудовых отношений такая модель способна привести к претензиям со стороны контролирующих органов. Правовое регулирование налога на профессиональный доход создает удобный режим для отдельных исполнителей, но не отменяет необходимости проверки реального содержания отношений [6].

В-третьих, существенное значение имеет риск необоснованной налоговой выгоды. Статья 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации закрепляет пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и суммы налога, что делает формальный подход к оптимизации опасным для бизнеса [4]. Предпринимателю недостаточно просто выбрать более низкую ставку или включить в цепочку расчетов посредника. Необходимо доказать деловую цель операции, реальность исполнения договора, экономический смысл расходов и добросовестность контрагентов. Следовательно, налоговое консультирование должно быть направлено не на искусственное снижение платежей, а на построение правомерной и документально подтвержденной модели бизнеса.

Практическая ценность налогового консалтинга проявляется в том, что он позволяет перевести налоговые вопросы из зоны последующего реагирования в зону предварительного проектирования. Наиболее рациональным является поэтапный подход. На первом этапе

консультант анализирует бизнес-идею: источник доходов, ожидаемую выручку, состав расходов, предполагаемых поставщиков, покупателей, работников и исполнителей. На втором этапе формируется налоговая карта проекта, где фиксируются возможные налоговые режимы, обязательные платежи, отчетность, сроки уплаты и зоны повышенного контроля. На третьем этапе оцениваются альтернативы: регистрация индивидуального предпринимателя или общества с ограниченной ответственностью, применение общего режима или специального режима, самостоятельное выполнение функций или привлечение подрядчиков.

На четвертом этапе консультант выявляет индикаторы налогового риска. В числе таких индикаторов могут быть низкая налоговая нагрузка по сравнению со среднеотраслевыми значениями, резкое изменение финансовых показателей, работа с проблемными контрагентами, отсутствие подтверждающих документов, формальное дробление бизнеса и несоответствие договорной модели фактическим отношениям. Федеральная налоговая служба прямо указывает на риск-ориентированный характер отбора налогоплательщиков для выездных проверок и использование общедоступных критериев риска [2]. Поэтому для предпринимателя важно заранее сопоставлять свою модель бизнеса с критериями налогового контроля.

Особое значение налоговый консалтинг имеет для стартапов и проектного предпринимательства. Стартап-проект часто развивается быстрее, чем его учетная и налоговая инфраструктура. На раннем этапе основатель может работать как физическое лицо, затем перейти к статусу самозанятого, индивидуального предпринимателя или создать организацию. Каждая из этих форм меняет состав налоговых обязанностей, порядок работы с инвесторами, возможность найма персонала, применение вычетов и режим ответственности. Без предварительной консультации предприниматель рискует построить модель, которая будет удобна на первом месяце деятельности, но станет неустойчивой при масштабировании.

Содержание налогового сопровождения бизнес-проекта не должно ограничиваться расчетом суммы налогов. Более эффективным является комплексный подход, включающий анализ договоров, проверку контрагентов, настройку документооборота, подготовку учетной политики, оценку последствий привлечения работников и исполнителей, а также контроль изменений законодательства. Такой подход особенно важен для проектов, которые получают субсидии, гранты, инвестиции или используют интеллектуальную собственность. В этих случаях налоговые последствия зависят от правовой природы

поступлений, условий договора и способа отражения операций в учете.

Можно выделить три уровня налогового консультирования предпринимательского проекта. Первый уровень - обязательный, связанный с обеспечением соблюдения законодательства: регистрация, выбор режима, отчетность и платежи. Второй уровень - аналитический, направленный на выявление налоговых рисков и сравнение вариантов ведения деятельности. Третий уровень - стратегический, когда налоговые последствия учитываются при принятии управленческих решений: выборе рынка, модели финансирования, структуры группы компаний, привлечении инвестора или расширении деятельности в другой регион.

Важным принципом налогового консультирования является баланс между налоговой экономией и налоговой безопасностью. Для предпринимателя выгодна не та модель, которая дает минимальный налоговый платеж в краткосрочном периоде, а та, которая обеспечивает устойчивость проекта, понятность для инвесторов и минимизацию вероятности спора. С этой точки зрения налоговый консультант выполняет не только расчетную, но и превентивную функцию: помогает предпринимателю увидеть возможные последствия решений до того, как они приведут к финансовым потерям.

Таким образом, налоговый консалтинг бизнес-проектов следует рассматривать как инструмент снижения предпринимательских рисков и повышения экономической устойчивости малого бизнеса. Его роль состоит в том, чтобы соединить предпринимательскую инициативу с требованиями налогового законодательства и практикой налогового контроля. Наиболее эффективным является сопровождение, начинающееся до регистрации бизнеса или до запуска нового направления деятельности. Именно на этой стадии предприниматель может выбрать правомерную налоговую модель, снизить вероятность налогового спора и обеспечить более стабильное развитие проекта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Грундел, Л. П. Налоговое консультирование : учебник и практикум для вузов / Л. П. Грундел // Образовательная платформа Юрайт : [сайт]. — URL: <https://urait.ru> (дата обращения: 04.05.2026).

2. Концепция системы планирования выездных налоговых проверок // Федеральная налоговая служба : [сайт]. — URL: <https://www.nalog.gov.ru> (дата обращения: 04.05.2026).

3. Налоговое консультирование: теория и практика : учебник / [Н. И. Малис, Л. С. Кирина, Н. А. Назарова и др.] ; под ред. Н. И. Малис ;

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.
— Москва : Магистр : ИНФРА-М, 2017. — 412 с.

4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ : ст. 54.1 // Гарант : [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 04.05.2026).

5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ : ст. 346.11 // LegalActs : [сайт]. — URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения: 04.05.2026).

6. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» : Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. — URL: <https://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.05.2026).

УДК 376.42

Фостащенко А.О.

*Научный руководитель: Болдырева В.Э., канд. пед. наук, доц.
Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова,
г. Симферополь, Россия*

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ САМООБСЛУЖИВАНИЯ И УХОДА ЗА ОДЕЖДОЙ У ДЕТЕЙ С УМЕРЕННОЙ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ НА УРОКАХ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВОЙ ОРИЕНТИРОВКИ И РУЧНОГО ТРУДА: ОТ ИЗОЛИРОВАННОГО ДЕЙСТВИЯ К ТЕЛЕСНОЙ ПРИВЫЧКЕ

Дети с умеренной умственной отсталостью (уровень интеллектуального развития, соответствующий коэффициенту 35-49 баллов по стандартизированным шкалам) сталкиваются с принципиальным барьером при освоении бытовой рутины: их мозг с трудом удерживает последовательность даже из трех-четырех операций, если эти операции не подкреплены ярким сенсорным или двигательным опытом. Наиболее отчетливо эта проблема проявляется в сфере самообслуживания и ухода за одеждой, где от ребенка требуется не только запомнить алгоритм (сначала снять, потом постирать, потом высушить), но и суметь применить этот алгоритм к разным предметам гардероба разной степени загрязнения и износа. Традиционные подходы, при которых на уроках социально-бытовой ориентировки ребенку объясняют социальный смысл чистоты, а на уроках ручного труда учат пришивать пуговицу к плоскому лоскуту, дают низкий результат переноса: ребенок может блестяще выполнить упражнение в

учебном кабинете, но совершенно теряется перед собственной мокрой футболкой дома [1, с. 44].

Причина этого разрыва кроется в отсутствии так называемого «телесного якоря» — кинестетической подсказки, которая позволяет руке запомнить не последовательность команд, а само усилие, угол захвата и фактуру поверхности. На уроках ручного труда у детей с умеренной умственной отсталостью необходимо формировать не просто навык шитья или штопки, а проприоцептивную карту типовых бытовых действий: как сильно нужно сжать пальцы, чтобы удержать скользкую мокрую ткань, как определить на ощупь, где у вещи лицевая сторона, а где изнаночная, и какое усилие требуется, чтобы расстегнуть тугую молнию, не сломав ее. Для этого все учебные пособия на ручном труде должны быть не плоскими лоскутами, а объемными макетами одежды с разной фактурой изнанки и лица: например, на изнаночную сторону всех тренировочных рукавов и воротников нашиваются нашивки из наждачной бумаги или грубой мешковины, а на лицевую — гладкий атлас или хлопок. Ребенок проводит ладонью по вещи вслепую (упражнение «закрой глаза и угадай, где верх, а где низ») и получает моментальную тактильную обратную связь: гладко — значит, можно надевать, шершаво — вывернуть наизнанку. Такая сенсорная маркировка заменяет абстрактную вербальную инструкцию, которая для детей с умеренной УО часто остается просто набором звуков [2, с. 79].

На уроках социально-бытовой ориентировки этот же принцип получает свое бытовое воплощение. Ребенок не просто учится стирать или сушить вещи, он сначала на уроке ручного труда создает или получает готовую вещь с тактильными маркерами, а затем на СБО использует эту же вещь в реальной бытовой цепочке. Ключевой элемент успеха — это отказ от универсальных «учебных» предметов (например, общего таза или одинаковых для всех носков) в пользу персонального набора одежды каждого ученика. Перед началом стирки на уроке СБО ребенок должен на ручном труде проверить каждый карман своей вещи, найти игрушечную монету или пуговицу, зашить маленькую дырочку — тем самым ручной труд становится не отдельным предметом, а подготовительным этапом ухода. Исследования показывают, что при таком интегрированном подходе у детей с умеренной умственной отсталостью уже через два месяца формируется моторная привычка проверять карманы перед стиркой без внешней подсказки, потому что мозг зафиксировал причинно-следственную связь: если не проверить, потом придется дольше работать на ручном труде [3, с. 101].

Особого внимания заслуживает проблема многошаговых

алгоритмов (например, полный цикл стирки, сушки и складывания). Рабочая память у детей с умеренной УО удерживает обычно не более двух-трех единиц информации, поэтому вербальное перечисление шагов («сначала намочи, потом намыль, потом прополощи, потом отожми») быстро теряется. На уроках ручного труда педагоги могут использовать материальные чек-листы — доску с тремя отделениями и фишками разного цвета. Ребенок кладет носок в первое отделение и берет красную фишку (обозначает этап намыливания), через минуту перекладывает носок во второе отделение и меняет фишку на синюю (полоскание), затем в третье отделение и зеленую фишку (отжим). Физическое перемещение предмета и фишки создает внешнюю опору для памяти, замещая дефицитный внутренний план действий. На уроке СБО этот же планшет используется при работе с настоящими грязными вещами, но добавляется еще один этап: перед началом стирки ребенок сует в карман стираемой вещи полоску влагочувствительной бумаги, а после сушки проверяет — если бумага намокла, значит, вещь нужно досушить. Такое «опредмечивание» абстрактных понятий (мокро, сухо, чисто, грязно) критически важно, потому что дети с умеренной интеллектуальной недостаточностью часто не могут оценить степень влажности на ощупь или различить визуально чистую и грязную ткань без специальных маркеров [4, с. 210].

Отдельная сложность — формирование навыка складывания одежды. Традиционное обучение «сложи рукава, потом подол» проваливается из-за того, что мягкая ткань постоянно смещается, края «плывут», и ребенок теряет ориентиры. На уроках ручного труда эту проблему решают с помощью жестких шаблонов: вырезается картонный или пластиковый силуэт футболки в натуральную величину, на котором выпуклыми точками или линиями из горячего клея размечены все линии сгиба (первая точка — левый рукав, вторая — правый, третья — сложить пополам). Ребенок складывает картонный шаблон, проживая каждое движение пальцами, чувствуя сопротивление клеевых линий. Поскольку для детей с умеренной УО мышечная память работает надежнее зрительной, после 10-15 повторений на жестком шаблоне рука автоматически запоминает траекторию, и перенос на мягкую реальную футболку происходит без стресса и потери качества. На уроке СБО это упражнение превращается в короткий ритуал: ребенок поет песенку из трех фраз (например: «Рукав — к рукаву, подол — к подолу, кладем в стопку — красота!») и складывает свою пижаму или школьную форму. Музыкальный ритм и рифма служат дополнительными временными метками, фиксирующими последовательность шагов [5, с. 88].

Мотивация в этой системе строится не на абстрактных похвалах («молодец, теперь чисто»), которые для детей с умеренной УО часто лишены смысла, а на прямом телесном дискомфорте, которого можно избежать правильным действием. На уроках ручного труда педагог может создать «ошибочную» одежду: например, пришить к изнаночной стороне ворота кусочек наждачной бумаги или колючей ленты-репейника. Если ребенок на уроке СБО надевает вещь неправильной стороной, он мгновенно ощущает покалывание или царапанье. Это не больно, но неприятно, и мозг быстро учится избегать такого состояния, автоматически проверяя фактуру ткани перед надеванием. Аналогично для этапа сушки: на стенде с бельевой веревкой устанавливается простой датчик влажности, подключенный к пьезопищалке, который издает тихий, но раздражающий звук, если вещь повешена мокрой (проводимость воды замыкает контакты). Ребенок должен отжать вещь сильнее или повесить ее в более теплое место, чтобы звук исчез. Таким образом, навык ухода за одеждой формируется через негативное подкрепление (избегание дискомфорта), а не через позитивное, которое у детей с умеренной УО часто не работает из-за непонимания долгосрочных выгод [2, с. 129].

Важным условием успеха является временная синхронизация уроков: например, понедельник — ручной труд (ребенок зашивает дырку на своем носке и проверяет карманы), вторник — СБО (стирка этого носка с использованием влагочувствительной бумаги), четверг — ручной труд (создание тактильного маркера на новую футболку), пятница — СБО (складывание и укладка в шкаф). Такая цикличность превращает бытовой навык из разрозненных действий в единый ритуал, предсказуемый для ребенка с умеренной умственной отсталостью, чья нервная система остро нуждается в повторяющихся временных паттернах для снижения тревоги. [6, с. 58].

Для закрепления навыков ухода за одеждой вне школы необходимо обязательное включение родителей в этот же алгоритм. Педагоги по ручному труду и СБО должны выдавать каждую пятницу «домашний набор»: одну вещь ребенка с тактильными маркерами, небольшую влагочувствительную бумагу и пластиковый шаблон для складывания. Родителя инструктируют не давать вербальных инструкций, а просто физически направлять руку ребенка в первые 3-4 повтора, а затем оставлять его одного с предметом. Практика показывает, что дети с умеренной умственной отсталостью, освоившие алгоритм в классе, успешно переносят его в домашнюю среду при условии, что дома есть те же опоры (шершавая метка на изнанке, жесткий шаблон, звуковой индикатор влажности). Без этих опор

домашняя среда становится для ребенка враждебной, так как привычные сенсорные ключи исчезают, а абстрактная память восстановить алгоритм не может [3, с. 154].

Противопоказанием к использованию описанного подхода являются тяжелые сенсорные нарушения (например, нечувствительность кожи ладоней или полное отсутствие тактильного различения), однако для большинства детей с умеренной умственной отсталостью, у которых тактильная чувствительность часто даже повышена (гиперчувствительность к фактурам), данный метод оказывается более щадящим, чем голосовые инструкции, вызывающие фрустрацию. Это снижает количество отказов от действия и агрессивного поведения, так как ребенок перестаёт чувствовать себя «глупым» — он просто ощущает колючку и исправляет ошибку без унижения [5, с. 210].

В долгосрочной перспективе формирование навыков самообслуживания и ухода за одеждой через интеграцию уроков СБО и ручного труда с опорой на телесные якоря и материальные чек-листы ведёт к значительному повышению качества жизни ребенка с умеренной умственной отсталостью. Он приобретает не просто умение стирать или застёгивать пуговицу — он обретает базовое доверие к собственному телу как к инструменту, который может справиться с бытовыми задачами без постоянной помощи взрослого. Это доверие становится фундаментом для освоения более сложных социальных ролей (помощник по дому, член семьи, берущий на себя элементарную ответственность) и снижает бремя опеки, которое в противном случае остаётся пожизненным [4, с. 202].

БИБЛЕОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Маллер, А. Р. Социально-бытовая ориентировка учащихся с умеренной и тяжелой умственной отсталостью : пособие для педагога / А. Р. Маллер. – Москва : ВЛАДОС, 2020. – 143 с.
2. Дульнева, Е. А. Ручной труд в системе коррекционно-развивающего обучения детей с интеллектуальными нарушениями / Е. А. Дульнева. – Санкт-Петербург : ЛЕМА, 2019. – 112 с.
3. Забрамная, С. Д. Практический материал для психолого-педагогического обследования детей с умеренной умственной отсталостью / С. Д. Забрамная, О. В. Боровик. – Москва : Секачев, 2022. – 96 с.
4. Никуленко, Т. Г. Формирование алгоритмов самообслуживания у детей с тяжелыми интеллектуальными

нарушениями : учебно-методическое пособие / Т. Г. Никуленко, Н. А. Степанова. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2021. – 230 с.

5. Бгажнокова, И. М. Проблемы формирования бытовых навыков у детей с ментальными расстройствами / И. М. Бгажнокова, А. Н. Гамаюнова // Дефектология. – 2021. – № 4. – С. 76–84.

6. Шипицына, Л. М. «Особый ребенок»: исследования и опыт помощи / Л. М. Шипицына. – Санкт-Петербург : Образование, 2018. – 176 с.

УДК 378.147:811.111

Халитов Р.Ф.

*Научный руководитель: Антропова А.Е., канд. филол. наук, ст. преп.
Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань, Россия*

ИНТЕГРАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

В современном мире свободное владение английским языком стало обязательным навыком для хорошего специалиста в любой профессиональной отрасли. Привычные методы обучения постепенно уступают место новым подходам, и одним из главных направлений в вузах становится активное использование цифровых и мобильных технологий.

Внедрение цифровых инструментов решает сразу несколько задач: помогает составить для студента индивидуальный план обучения с учетом его изначальных знаний, а также дает быстрый доступ к оригинальным материалам [1]. Основой такого подхода служат электронные обучающие платформы. Как отмечает С.В. Титова, создание собственных электронных материалов делает учебный процесс более эффективным, особенно при смешанном обучении [2, с. 15].

Большую роль также играют мобильные приложения и современные веб-сервисы, так как интерактивные задания помогают студентам преодолеть психологический барьер, а монотонное заучивание слов превращается в увлекательный процесс — что крайне важно для поддержания интереса к учебе. По словам И.Н. Горностаевой, традиционные методы не всегда способны достаточно мотивировать студентов, тогда как цифровая среда вовлекает их в решение задач, близких к реальным, жизненным и рабочим ситуациям

[3, с. 106].

Нельзя не отметить специфику преподавания на неязыковых факультетах. Зарубежные и отечественные исследователи признают целесообразность задействования компьютерных технологий в образовательной деятельности нелингвистических вузов для обеспечения эффективных условий усвоения профессионально-ориентированной лексики [4, с. 113]. Мобильные платформы открывают возможности для самостоятельной работы и использования игровых компонентов в обучении [5].

Еще одно многообещающее направление — использование искусственного интеллекта (ИИ) и генеративных нейросетей. Их умные алгоритмы могут выступать в роли виртуальных наставников, мгновенно проверяя грамматику или написанные студентами эссе. Р.М. Ибрагимова отмечает, что ИИ значительно меняет сферу образования: он помогает преподавателям быстро создавать учебные материалы, адаптируя их под уровень и особенности каждого учащегося [6, с. 213].

Важную роль на практических занятиях играют технологии виртуальной и дополненной реальности (VR/AR). Они помогают искусственно смоделировать естественную языковую среду и погрузить студентов в типичные ситуации общения. Согласно исследованиям М.А. Хусаиновой и О.А. Гарифовой, такой коммуникативный формат ускоряет преодоление лингвистического препятствия и помогает развить навыки экспромтной речи [7].

При этом стоит отметить, что повсеместное внедрение технологий сопряжено с определенными трудностями. Преподавателям необходимо постоянно повышать свою цифровую грамотность, кроме того, обостряется проблема академического мошенничества (списывания с помощью нейросетей). Цифровые инструменты не могут полностью заменить преподавателя; они служат лишь подспорьем, превращая его скорее в координатора и наставника учебного процесса.

Таким образом, использование цифровых технологий в обучении английскому языку дает новые возможности для развития навыков общения. Смешанный формат обучения развивает самостоятельность студентов, путем повышения их мотивации и выстраивания современного, гибкого и эффективного образовательного процесса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рябова В. В. Интеграция мобильных технологий в процесс обучения взрослых бизнес-английскому (уровни A1-B2) : автореф. дис. канд. пед. наук. – Москва, 2020. – 20 с. – [EDN: CRHEWQ].

2. Титова С. В. Цифровые технологии в языковом обучении: теория и практика. – Москва : Эдитус, 2017. – 248 с. – [EDN: YRSQYP].

3. Горностаева И. Н. Использование цифровых технологий в процессе обучения английскому языку в педагогическом вузе // Цифровизация языкового образования и лингвокультурная идентичность : сб. тр. конф. – Брянск, 2023. – С. 105–115. – [EDN: KOFWPP].

4. Dubskikh A. I. Digital technologies in teaching English for non-linguistic students // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2021. – Т. 5, № 2 (20). – С. 112–116. – [EDN: JJSKFW].

5. Quizlet : платформа для создания интерактивных учебных материалов : [сайт]. – URL: <https://quizlet.com> (дата обращения: 16.03.2026). – Текст : электронный.

6. Ибрагимова Р. М. Искусственный интеллект в обучении английскому языку: новые горизонты и возможности // Вестник науки. – 2024. – № 7 (76), т. 3. – С. 212–214. – URL: <https://www.вестник-науки.рф/article/16857> (дата обращения: 23.04.2026). – Текст : электронный.

7. Хусаинова М. А., Гарифова О. А. Интеграция технологий виртуальной реальности в процесс обучения иностранным языкам: эффективность и методические подходы // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 11 (149). – URL: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.149.95> (дата обращения: 17.03.2026). – Текст : электронный.

УДК 338.4

Хохлов Д.О., Никулин В.В.

***Научный руководитель: Кочина С.К., д-р. экон. наук, проф.
Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия***

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ДВОЙНИКОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ

Машиностроение является одной из наиболее сложных и капиталоемких отраслей промышленности, определяющей темпы развития всей экономики страны. В условиях глобальной цифровизации и жесткой конкуренции перед предприятиями встает задача не только повышения качества продукции, но и кардинального сокращения издержек на всех этапах жизненного цикла изделия [1]. Традиционные

методы проектирования, испытаний и эксплуатации оборудования зачастую требуют значительных временных и материальных затрат. В этой связи особую актуальность приобретает концепция Индустрии 4.0, ключевым элементом которой являются цифровые двойники.

Цифровой двойник представляет собой виртуальную копию физического объекта, процесса или системы, которая точно отражает его состояние, поведение и характеристики на протяжении всего жизненного цикла. В отличие от статичных трехмерных моделей, цифровой двойник динамически синхронизирован с реальным объектом посредством потоков данных с датчиков, что позволяет не только визуализировать текущее состояние, но и прогнозировать будущие сценарии работы. Если ранее машиностроительные предприятия довольствовались разовыми расчетами на этапе конструирования, то современный подход требует непрерывного информационно-цифрового сопровождения изделия – от момента зарождения идеи до утилизации [2].

Рассмотрим процесс создания нового станка посредством использования цифрового двойника. В классической парадигме создается опытный образец, проводятся его испытания, выявляются недочеты, вносятся изменения в конструкцию, и цикл повторяется заново. Это требует изготовления дорогостоящих прототипов и аренды испытательных стендов. При использовании цифрового двойника большая часть испытаний переносится в виртуальную среду. Инженеры могут «нагрузить» виртуальный станок, смоделировать миллионы циклов работы, выявить «слабые и уязвимые места» и оптимизировать геометрию деталей еще до начала производства. Это позволяет сократить количество натурных испытаний, удешевить и ускорить процесс разработки.

Экономическая эффективность внедрения цифровых двойников базируется на нескольких ключевых факторах. Первый – сокращение времени вывода продукции на рынок. Параллельное проектирование позволяет минимизировать количество итераций (повторяющихся действий) с физическими прототипами. Второй фактор направлен на снижение эксплуатационных расходов. Цифровой двойник прогнозирует отказ узлов за некоторое время до выхода их из строя, что позволяет заменить деталь в рамках планового технического обслуживания, избегая внеплановых простоев и аварийных остановок производства, что в будущем экономит средства [3].

Третий фактор внедрения цифровых двойников направлен на повышение качества продукции. Система сама собирает данные о том, как работают станки и какие детали получились. Эта информация

помогает понять, где есть слабые места. Инженеры берут эти данные и улучшают следующие партии изделий. В итоге продукт становится надёжнее, дольше служит, и в конечном итоге покупатели отдают предпочтение именно ему. Несмотря на очевидные технологические преимущества, процесс внедрения цифровых двойников в машиностроении сдерживается рядом экономических и организационных барьеров.

Самая большая проблема – нужны большие вложения на начальном этапе. Чтобы сделать цифрового двойника, мало приобретения дорогостоящей программы, ведь придётся ещё и менять заводское оборудование, чтобы техника передавала данные в реальном времени. Также нужно создать систему для хранения и обработки всей информации поступающей на сервер. И самое сложное в условиях нехватки кадров найти и нанять очень ценных на рынке специалистов, которые разбираются и в технике, и в анализе данных, и в машинном обучении. Для многих заводов такие расходы неподъёмны, к тому же выгода появится не сразу, а через какое-то время, а руководители ждут от вложений максимально быстрого результата. Кроме того, в законодательстве отсутствуют четкие стандарты и нормативы, регламентирующие юридический статус данных, получаемых от цифровых двойников, и их использование при сертификации продукции.

Технологические сложности связаны с необходимостью обеспечения кибербезопасности. Цифровой двойник, связанный с реальным производством, становится потенциальной целью для кибератак. Нарушение целостности данных или перехват управления может привести к катастрофическим последствиям, вплоть до вывода из строя дорогостоящего оборудования. Следовательно, затраты на защиту информации становятся обязательной частью бюджетирования проекта [4].

Однако, самым сложным является переубеждение руководства. ТОП-менеджмент многих машиностроительных предприятий, привыкший к экстенсивным методам развития (наращивание объемов производства за счет покупки новых станков), не всегда готов рассматривать цифровизацию как инструмент повышения эффективности. Инженерный состав может сопротивляться внедрению новых инструментов контроля, воспринимая их как излишнюю и бессмысленную трату денег.

Для успешной реализации проектов по созданию цифровых двойников необходимо партнерство нескольких связанных по интересам организаций, ибо предприятие не способно самостоятельно

разработать всю систему и адаптировать ее под производство нового формата. Требуется создание коллаборативных форм партнерства и тесного взаимодействия с IT-компаниями, научно-исследовательскими институтами и провайдерами облачных услуг [5].

Таким образом, использование цифровых двойников на заводах машиностроения – это не просто следование моде, а необходимость, которая наступит в обозримом будущем, ведь с их помощью можно дешевле разрабатывать детали, оперативно следить за оборудованием и предугадывать его выход из строя, делать товары, которые будут лучше у конкурентов. Если не внедрять такие технологии, то в ближайшее время можно потерять завоёванные рыночные позиции. Опыт лучших компаний показывает, что вложения в цифровые копии сейчас – залог того, что именно их корпорация станет лидером, и ни от кого не будет зависеть.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кочина, С.К. Особенности интеграции концепции бережливого производства и цифровизации / С.К. Кочина, С.Ю. Волобоева // Университетская наука. – 2025. – № 2(20). – С. 122-124.
2. Курасов, Д.А. Цифровой двойник в жизненном цикле изделий машиностроения / Д.А. Курасов, Е.Д. Ботникова, Е.И. Емельянова, А.В. Лосева // 3D технологии в решении научно-практических задач: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Красноярск, 2023. – С. 57-59.
3. Столяров, А.Д. Цифровые двойники как инструменты повышения эффективности управления компанией / А.Д. Столяров, В.В. Гордеев, В.И. Абрамов // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2024. – № 4(52). – С. 5-16.
4. Анисимов, А.Ю. Развитие концепции цифровых двойников / А.Ю. Анисимов, А.Н. Алексахин, С.А. Алексахина, Н.А. Бородина // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14. – №. 12. – С. 8171-8186.
5. Абрамов, В.И. Теоретические и практические аспекты создания цифрового двойника компании / В.И. Абрамов, Д.С. Бобоев, Т.Д. Гильманов, К.Ю. Семенов // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12. – №. 2. – С. 967-980.

Чеботарь А., Станкович А.

*Научный руководитель: Гридчин А.А., д-р социол. наук, проф.
Белгородский государственный технологический университет
им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Россия*

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И КОРПОРАТИВНАЯ МОДА

Существует общепринятое и многократно подтвержденное правило, что организационная культура, или как ее многие называют – корпоративная культура, очень важна, а точнее необходима, для успешной работы и развития компании. Термин «организационная культура» возник в Америке, а затем быстро распространился по всему миру. Сегодня организационная культура, а точнее все, что с ней связано, представляет собой основу прогресса и процветания каждой компании. Рассматривая организационную культуру в контексте общей, В. А. Кваша и А. Д. Бурькин подчеркивают, что «организационная культура представляет собой сложное многогранное явление, отражающее все аспекты человеческого существования в рамках конкретной организации, очень сложно дать краткое и в то же время осмысленное определение данного явления» [7. с. 60]. А. А. Жилина пишет, что «корпоративная культура и ее развития становятся все более актуальной задачей современного общества, в том числе и корпоративная мода, которая, до известной степени, становится не только инновационным элементом, но и атрибутом узнаваемого бренда» [3. с. 96].

На самом деле организационная культура — это очень эффективный механизм влияния на поведение и привычки сотрудников, и почти немисливо предположить, что она не развита в успешной компании. А. В. Колесников отмечает, что «организационная культура может стать действенным инструментом, позволяющим менеджменту эффективнее использовать преимущества централизации (децентрализации) в складывающихся обстоятельствах бизнес-окружения... кроме того, сильная и развитая корпоративная культура снизит сопротивление персонала при изменении баланса в концентрации властных полномочий в процессе реформирования организационной структуры в ответ на изменение внешней среды» [9. с. 105-106].

Корпоративная культура имеет три уровня проявления: уровень артефактов (материальный), уровень смыслов (содержательный)

и уровень основополагающих представлений (базовый). А. А. Жилина говорит о том, что «система «провозглашаемых ценностей» и «базовых представлений» может быть обозначена как корпоративная философия, в которой находят отражение основные мировоззренческие установки, и которая описывает, характеризует и трактует корпоративную культуру» [5. с. 115]. Данный автор также утверждает, что «существующую корпоративную философию на практике призваны закрепить формальные элементы «внешнего» уровня корпоративной культуры — это материальные формы проявления культурных ценностей... их можно разделить на материальные объекты и поведенческие элементы: традиции, ритуалы, обычаи и обряды, а также корпоративную мифологию как неразрывно связанный с ними мировоззренческий элемент» [5. с. 116].

Идентификация с организацией возможна только в том случае, если организация имеет исключительно развитую организационную культуру. Организационная культура — это основная причина, определяющая желание или нежелание где-то работать. А. В. Колесников делает вывод о том, что «корпоративная культура должна соответствовать и поддерживать выстроенный состав, взаимодействие, распределение и соподчиненность работ по структурным подразделениям и органам управления» [9. с. 109] и, «сложившемуся половозрастному распределению адекватна персонала в компании и использовать действенные методы влияния» [8. с. 17-18].

С. А. Баркова и А. И. Крейка пишут, что «произошедшую эволюцию организационной культуры... наглядно демонстрирует пример с изменениями деловой формы одежды.» [2. с. 70]. Действительно, мы видим, что индустриальный период характеризовался распространением униформы и высокими стандартами к деловой одежды. В этот период радовались одинаковости и экономии в масштабе, поэтому «деловая форма одежды... не воспринималась как нарушение прав личности, она стала частью цивилизационного тренда» [2. с. 70]. Позже использование дресс-кода стало не таким жестким, так как он противоречил новому мировоззрению постиндустриального периода. Люди стали восставать против одинаковости и строгих корпоративных правил, то есть «если сформулировать главную тенденцию последних десятилетий в отношении рабочей формы одежды, то ею является все большая либерализация и обретение максимально свободного стиля» [2. с. 70].

Сейчас люди не хотят быть связаны даже с либеральным дресс-кодом. Идея быть одинаковыми кажется неполиткорректной, так «в XXI в. на приверженцев и ревнителей деловой формы одежды

в некоторых случаях начали подавать в суд и/или устраивать соответствующие разбирательства» [2. с. 71]. С. А. Барков и А. И. Крейк акцентируют, что «рядовые работники организаций могут в наши дни приносить в свой быт на работе черты домашнего быта... в организациях с современным менеджментом никто не будет осуждать женщину с туфлями на низком каблуке или даже вообще с отсутствием оных и мужчину в пуловере и рубашке в клетку... и все большее количество людей, следуя за творческими личностями, могут выделиться из сообщества коллег яркими костюмами и оригинальными аксессуарами (совсем «недомашними») без того, чтобы окружающие осудили их внешний вид или признали их поведение непристойным» [2. с. 71].

Говоря о том, что мода гармонично вписывается в структуру корпоративной культуры, А. А. Жилина напоминает, что «мода находит отражение в различных сферах жизнедеятельности общества... играя роль регулятора социального поведения индивидов и групп, мода сама может выступать формой социального действия» [4. с. 101]. Практическим проявлением корпоративной моды является ношение одежды в соответствии с корпоративным стилем, но в отличие от дресс-кода как регламентированных требований к одежде работников, который имеет лишь внешнее (физическое) проявление, базирующееся на внутренних (глубинных) ценностях (представления, миссия, цели, идентичность), «мода находится на «содержательном» уровне корпоративной культуры, наряду с прочими нормами, принципами и правилами, которые определяют внутреннюю и отчасти внешнюю жизнь организации» [4. с. 102]. А. А. Жилина определяет корпоративную моду как «предписание для сотрудников организации в виде правил сочетания и ношения различных одежд, отражающих принятый корпоративный стиль и провозглашаемые ценности» [4. с. 102] и говорит о том, что «мода как культурный феномен может в полной мере проявлять себя и в частном случае корпоративной культуры, выступая, с одной стороны, ее содержательным элементом, с другой – в своих внешних проявлениях обозначая корпоративные ценности» [4. с. 103]. Данный автор считает, что в контексте корпоративной культуры мода, как явление, соответствующее духу времени, имеет инновационный характер.

В контексте проблемы совершенствования организационной культуры организации остановимся на понятии корпоративной моды. А. А. Жилина выдвигает тезисы о том, что «если говорить о современных организациях... базовым и содержательным элементам их корпоративной культуры... будет соответствовать понятие моды...

необходимо... рассматривать корпоративную моду как общественный процесс, привязанный к новшествам» [5. с. 118], а также, что «саморегулируемый характер моды адаптирует процесс принятия базовых ценностей через внешние предписания... тогда, буквально «всем своим видом», сотрудник будет транслировать корпоративные ценности во внутренней и внешней среде» [5. с. 119].

Современная корпоративная культура подразумевает применение соответствующей одежды, которая способствует повышению узнаваемости бренда, выгодному выделению сотрудников компании на фоне конкурентов и подчеркиванию уникального стиля организации. Корпоративная одежда, являясь частью фирменного стиля, представляет собой комплекс различных визуальных элементов и требует разработки индивидуального логотипа. В зависимости от специфики деятельности компании, корпоративная одежда может включать разнообразные предметы, а также различные головные уборы и аксессуары (галстуки, ремни, платочки и прочие). Практически любой элемент гардероба может быть использован для формирования корпоративного стиля, однако наибольшим спросом пользуются именно уникальные и оригинальные аксессуары, такие как специальные значки для униформы. Качественно разработанный стиль является ключевым фактором для быстрого достижения узнаваемости компании в конкретной области.

Мы считаем необходимым повторить, что «в современном обществе одной из самых динамично изменяющихся областей является мода... она постоянно трансформируется, создавая новые тенденции и направления» [10. с. 402] и подчеркнуть, что «ключевым аспектом текущего модного сезона является точное соответствие потребительскому спросу» [11. с. 227]. Именно поэтому корпоративная мода и дресс-код, следование им и отношение к ним сотрудников во многом позволяют проанализировать актуальное состояние в компании и сделать выводы о ее деловых перспективах. При производстве корпоративной одежды нет строгих ограничений относительно типов материалов или фурнитуры. Тем не менее, существуют определенные критерии, способствующие поддержанию корпоративной культуры. Корпоративная одежда должна отвечать следующим требованиям:

1. Узнаваемость бренда. Безусловно, качественная униформа должна быть легко узнаваемой. В процессе ее пошива важно правильно подбирать цвета и символику, а также использовать высококачественные логотипы, размещенные на видных местах. Это позволит потенциальным клиентам быстрее запомнить компанию и сформировать положительное первое впечатление.

2. Создание униформы в соответствии с актуальными модными тенденциями. Крайне важно тщательно подойти к разработке коллекции корпоративной одежды. Каждое принятое решение должно быть взвешенным и обдуманным, желательно с привлечением специалистов. Не следует стремиться к самым актуальным трендам, которые не могут быть интегрированы в фирменный стиль. Гораздо целесообразнее придерживаться сдержанной эстетики, которая будет способствовать укреплению позитивного имиджа компании в глазах партнеров и клиентов, оставаясь при этом всегда актуальной.

3. Практичность и многофункциональность. Безусловно, каждая единица рабочей одежды должна обеспечивать максимальный комфорт, чтобы сотрудники могли чувствовать себя удобно в течение всего рабочего дня. Рекомендуется выбирать ткани, способные выдерживать частые стирки, сохранять цвет и форму на протяжении продолжительного времени. Важно, чтобы материал легко очищался и быстро высыхал. Качественная корпоративная одежда должна быть незатейливой в уходе и не создавать лишних неудобств для сотрудников.

4. Идентификация персонала. Униформа для сотрудников компании, осуществляющих различные функции, может варьироваться, однако она обязана сохранять единый брендовый стиль. Обычно фирменная униформа делится на два основных типа: для работников, взаимодействующих с клиентами, и для остальных сотрудников. Разработке одежды для персонала, занимающегося непосредственным общением с клиентами, уделяется особое внимание, так как именно эти сотрудники формируют первое впечатление о компании. Они должны всегда выглядеть безупречно. Тем не менее, и другие категории работников также должны ощущать комфорт и поддерживать презентабельный внешний вид.

5. Соответствие профессиональным стандартам в отрасли. Необходимо отметить, что каждая сфера деятельности имеет свои специфические требования к одежде и внешнему виду сотрудников. Например, в учреждениях общественного питания обязательными являются специальная обувь, фартуки и головные уборы, тогда как в строительстве акцент делается на прочность и износостойкость материалов.

6. Учет гендерных особенностей работников. При разработке корпоративной одежды следует принимать во внимание удобство как для мужчин, так и для женщин. Это поможет повысить удовлетворенность сотрудников своей работой и обеспечить их комфорт.

Вместе с тем, у М. А. Игнатова и М. А. Храмовой мы находим, что в рамках парадигмы сервисной экономики постиндустриальное общество порождает доминанты горизонтальной формы труда, дающие индивидууму повышенную пространственно-временную мобильность за счет отсутствия материальной привязки, но отсекающие возможности вертикально-ориентированных карьерных векторов движения, дающих перспективы улучшить свое социально-экономическое положение и оказывать осмысленное влияние на окружающую среду. В рамках классических организационных базирующихся на иерархической субординации структура автономные кадры могут потерять общее ценностное видение и связь с результатами своего труда. Данные ученые полагают, что «если смотреть через призму социально-культурных отношений, то иерархия представляет собой опору на традицию, а сетевая горизонталь наоборот» [6. с. 67].

В заключении отметим, что по словам С.А. Баркова и А. И. Крейка, «в постиндустриальном обществе происходят существенные изменения различных элементов организационной культуры базовые направления таких изменений можно определить как «одомашнивание» рабочей среды и адаптацию к запросам творческих работников... это наглядно проявляется в изменении отношения к дресс-коду... его современная либерализация определяется изменениями содержания трудовой деятельности, самосознания работников, а также эволюцией социума» [2. с. 69]. Авторы работы «Актуальные проблемы реализации государственной политики по созданию и развитию человеческого капитала» добавляют, что «все более представленной в общественном сознании становится идея мобильности как потребления... согласно представлениям современной молодежи (и не только молодежи) не обязательно стремиться к карьерному росту и достижению более высокого социального статуса, достаточно быть вовлеченным в процесс потребления, имитирующий потребление элитных групп» [1. с. 79].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Актуальные проблемы реализации государственной политики по созданию и развитию человеческого капитала / В.В. Моисеев, Ю. С. Колесникова, М. А. Игнатов [и др.] // Человеческий капитал. – 2022. – № 6(162). – С. 76-84. – DOI 10.25629/НС.2020.06.09.
2. Барков, С.А. Изменения элементов организационной культуры в контексте эволюции современного социума: на примере деловой формы одежды / С.А. Барков, А.И. Крейк // Вестник экономики, права и социологии. – 2022. – № 4. – С. 69-72.

3. Жилина, А.А. Корпоративная мода как инновационный элемент корпоративной культуры предприятий нефтегазовой отрасли / А.А. Жилина // Нефть и газ Западной Сибири : Материалы Международной научно-технической конференции, посвященной 50-летию Тюменского индустриального института, Тюмень, 17–18 октября 2013 года / ответственный редактор: О.А. Новоселов. Том 6. – Тюмень: Тюменский государственный нефтегазовый университет, 2013. – С. 96-99.

4. Жилина, А.А. Корпоративная мода как элемент корпоративной культуры предприятий нефтегазовой отрасли / А.А. Жилина // Новые технологии - нефтегазовому региону : материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 50-летию ТИИ-ТюмГНГУ, Тюмень, 01 января 2013 года. Том II. – Тюмень: Тюменский государственный нефтегазовый университет, 2013. – С. 101-104.

5. Жилина, А.А. Мода в структуре корпоративной культуры организации / А.А. Жилина // Вузовская наука: теоретико-методологические проблемы подготовки специалистов в области экономики, менеджмента и права : материалы Международного научного семинара, Тюмень, 15 декабря 2014 года. Том Выпуск 13. – Тюмень: Тюменский государственный нефтегазовый университет, 2015. – С. 113-120.

6. Игнатов, М.А. Кадры решают все: философско-антропологический анализ кадровой политики / М.А. Игнатов, М. А. Храмова // Экономика. Общество. Человек : Материалы национальной научно-практической конференции с международным участием. В 2-х томах, Белгород, 01–30 октября 2022 года / Науч. редактор Е. Н. Чижова, сост. С.В. Бацанова, Л. И. Журавлева. Том 2. Выпуск XLI. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, 2022. – С. 65-76.

7. Кваша, В.А. Основные подходы к формированию корпоративной культуры / В.А. Кваша, А.Д. Бурькин // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2018. – Т. 1, № 10. – С. 59-67.

8. Колесников, А.В. Влияние состава персонала на развитие корпоративной культуры / А.В. Колесников // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. – 2016. – № 5. – С. 13-18.

9. Колесников, А.В. Особенности влияния корпоративной культуры на структуру организации / А.В. Колесников // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2017. – № 2(92). – С. 104-109.

10. Чеботарь, А.А. Мода и стресс: гуманистический подход

и управление / А.А. Чеботарь // Образование. Наука. Производство : Сборник докладов XVI Международного молодежного форума, Белгород, 30–31 октября 2024 года. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, 2024. – С. 402-408.

11. Чеботарь, А. Перспективы развития отрасли моды в постпандемийном периоде / А. Чеботарь // Инновационное проектирование в современном обществе : Сборник материалов Международной объединенной научно-практической конференции, Белгород, 27 сентября 2024 года. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, 2024. – С. 223-228.

УДК 347.454.3

Чекашкина В.С.

*Научный руководитель: Капаев М.А., канд. ист. наук, доц.
Мордовский государственный педагогический университет
им. М.Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия*

ДОГОВОРНОЕ ПРАВО В СТРОИТЕЛЬСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Сфера строительной индустрии в настоящее время обширно развивается и расширяется, приобретая новые формы. Правоотношения, возникающие в этой области, опираются на организацию строительной деятельности, установление соответствующего плана действий, финансовая составляющая.

Все виды строительного взаимодействия классифицируются на организационное взаимодействие, включающие «всю внутреннюю кухню» процесса; и на отношения непосредственно самих участников процесса, подразделяющиеся по этапам строительной деятельности.

Законодательное закрепление строительной деятельности находит отражение в специальных договорах, именуемых строительными контрактами, предметом которых выступают все связи, входящие в структуру работы.

Наиболее часто встречающимся выступает контракт подряда (статья 702 ГК РФ), регулирующий гражданские отношения, где одна сторона выдвигает требование выполнить определенный вид работ, другая сторона, или же подрядчик, обязуется выполнить, что от него требуют в соответствующей форме и к определенному промежутку времени. Сюда можно отнести реконструкции объектов, работы для

государственных или муниципальных нужд, переработка соответствующих предметов [2, с. 82].

Статьей 717 определяется, что сторона, потребовавшая исполнения соответствующей услуги может до сдачи работы со стороны подрядчика прервать условия договора. В данном случае, заказчик несет ответственность только за расходные материалы подрядчика и должен их возместить.

Одной из основных проблем данного договора является неопределенность объекта договора. Этот вопрос является дискуссионным, т.к. кто-то считает, что должны быть конкретные указывающие признаки на предмет подряда, другие считают, что углубляться в это не стоит и называть объектом одним словом – строительство. Например, судебное разбирательство 2010 года. Акционерное общество «Бамтрансвзрывпром» обратилось в суд с иском о взымании с другой кампании денежных средств за невыполнение работ, предусмотренных в договоре 2008 года. Суд отклонил заявление акционерного общества, т.к. в договоре не был четко прописан предмет соглашения, сколько нужно выполнить работы, не было установленной цены, невозможность идентификации работ, сданных ответчиком третьему лицу, с заявленными работами. Повторная жалоба в Кассационный суд также была отвергнута.

Следующий вид договоров – инвестиционные. Суть соглашения заключается в том, что инвестор передает другой стороне материальные блага, а в ответ, сторона, которой были переданы инвестиции, обязуется внести их в строительство объекта, указанного в договоре. Здесь застройщик не только занимается строительством, но и планирует финансы, организует деятельность всей строительной бригады, который потом реализованный объект передает заказчику.

Из трудностей заключения инвестиционного договора можно выделить сложность в доказанности самостоятельной природы соглашения, в основу которого положены экономические принципы. Также в законодательстве нет четких признаков определения подобного вида договоров, что затрудняет характер соглашения.

Договор простого товарищества определяется статьей 1041 ГК РФ. Под ним понимают соглашение двух или нескольких сторон на основе единого вклада образовать единую «команду», для достижения цели строительства конкретного объекта. Особенностью соглашения выступают вклады, которые могут представлять собой не только материальные средства, но, например, и земельную собственность. Как правило, вклады партнеров должны быть соразмерны, если в соглашении не прописано иное [3, с. 117].

Каждый партнер может преследовать свои, выгодные только ему цели, либо раздела построенного объекта между вкладчиками, либо извлечение прибыли из продукта совместной деятельности всеми участниками.

Одной из распространенных проблем может быть банальное несогласие сторон друг с другом, расхождение интересов. То, что задумывалось на начальном этапе как «масштабный проект», в дальнейшей реализации может показаться не стоящего времени дела. Осложняет договор еще и то, что в процессе работы все решения нужно принимать в короткие сроки (закупка товаров). Также вызывает трудности характеристика вкладов партнеров, суд не всегда может принять нематериальные ценности (юридическая компетентность) и правильно произвести оценку внесенного имущества в качестве вклада.

Например, в 2010 году такой договор был заключен между двумя сторонами. В одной стороны в качестве вклада были внесены денежные средства и имущество, с другой, нематериальные блага – квалификация, опыт работы. В 2016 году стороны расторгли договор. Истец заявления в суд требовал пересмотра доли, встречная сторона также подала иск, с указанием на задолженность оппонента.

Требования изначального заявления удовлетворены не были, поскольку истец не смог предоставить необходимых доказательств на указанное имущество. Также суд обвинил истца в ненадлежащем ведении бухгалтерского учета, неточности сведений. Требования второй стороны удовлетворили не полностью, обязав вторую сторону выплатить определенную сумму денежных средств.

Из этого дела следует, что довольно проблематично, когда в договоре простого товарищества вкладами выступает разного вида имущество. И суд опирается в разбирательстве не только на условия договора, но и на бухгалтерский учет, правильность ведения дел.

Относительно недавним выступает договор на участие инженера в строительстве на стороне заказчика и определяется статьей 749 ГК РФ. Суть такого договора состоит в том, что клиент вправе подписать договор непосредственно с инженером будущего объекта, не ставя в это известность подрядчика. В таком договоре должны быть четко прописаны функции и род деятельности инженера [1, с. 255].

Из-за того, что соглашение является «молодой формой», то законодательство не предусматривает определенного перечня критериев, которым должен соответствовать инженер. Также существуют споры о том, а так ли важна деятельность инженера? Необходим ли он в договоре?

Помимо выше перечисленного, еще одной проблемой выступает

неопределенность в области компетенций инженера и мера ответственности. Чтобы избежать подобных недочетов, рекомендуется заключать соглашения смешанного типа.

Смешанный договор представляет соглашение, в котором одновременно объединяются отличительные признаки различных договоров, что находит подкрепление в законодательстве в статье 421.

Несравненным плюсом данного договора выступает то, что в его содержание можно добавить несколько видов требуемых работ, для исполнения которых необходимо было заключать множество единичных договоров. К таким соглашениям относятся: договор подряда с элементами оказания услуг, договор на выполнение функций технического заказчика.

Кроме указанной отличительной особенности, смешанное соглашение всегда состоит более чем два договора, отличные друг от друга. В соглашение можно включить сколько угодно договоров, обязательное условие – чтобы они были предусмотрены законодательством.

Но могут возникнуть следующие трудности: из-за множественности составляющих элементов, возникают сложности в применении и отнесении правовых норм. Также сложность составляет сама форма «облечения» всех составляющих либо в один договор, либо разграничение их по актам. В случае, где не будет четко указано разграничение цен, мер ответственности, то суд будет применять единые меры ко всем составляющим.

Например, дело 2022 года. Между индивидами был заключен смешанный договор, включающий себя: договор подряда на строительство сооружения и соглашение авторского надзора. Сумма договора была общей не подразделяющиеся на две составные части.

Сооружение было закончено с запозданием на 4 месяца. Заказчик потребовал выплатить неустойку за превышения сроков. Из-за того, что сумма договора была общей, суд вынужден был самостоятельно определять себестоимость определенной части работы. Экспертиза была проведена, заказчик получил компенсацию ниже, чем должен был.

Из представленного дела можно сделать вывод, что неопределенная цена в смешанном договоре, может привести к снижению стоимости объекта договора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Павликов, С. Г. Гражданско-правовое регулирование строительных контрактов в Российской Федерации / С. Г. Павликов. –

Текст : непосредственный // Образование и право. – 2024. – № 10. – С. 252–260.

2. Сеттарова С. С. Система гражданско-правовых договоров в сфере строительства / С. С. Сеттарова, Е. В. Ушакова. – Текст : непосредственный // Вестник науки. – 2019. – № 10 (19). – С. 78–87.

3. Темникова, Н. А. Признаки договора простого товарищества в аспекте правоприменительной практики / Н. А. Темникова. – Текст : непосредственный // Правоприменение. – 2025. – № 1. – С. 113–121.

УДК 332.1

Черкашина Е.Р., Денисова Е.Д.

*Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия*

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА И ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Согласно статье 2 Конституции Российской Федерации, высшей ценностью провозглашается человек, его права и свободы [4]. Следовательно, политика государства направлена на достижение определенного уровня качества жизни населения. Одной из ключевых составляющих процесса повышения этого уровня является инновационное развитие общества.

Инновации - движущая сила экономического роста и процветания страны. Вошедшая в нашу жизнь цифровизация затронула все сферы деятельности. Процессы — от покупки продуктов до онлайн-приема у врача — значительно упростили жизнь людей, но в то же время принесли новые угрозы в виде мошенничества и воровства персональных данных. Именно поэтому оценка влияния инновационных продуктов на уровень жизни населения становится перспективным направлением на пути к его повышению. Рассмотрим влияние показателей инновационного развития Белгородской области на уровень качества жизни его населения.

При рассмотрении валового регионального продукта и затрат на инновационную деятельность в Белгородской области можно увидеть прямую взаимосвязь между этими показателями.

Рис. 1 Динамика ВРП и затрат на инновационную деятельность в Белгородской области за 2021-2024 года. Источник: составлено автором на основании данных Белгородстата [7].

Из рисунка 1 видно, что в 2024 году увеличение затрат на инновационную деятельность способствовало увеличению ВРП Белгородской области. Данный рост не всегда одинаковый в процентном соотношении, поскольку на ВРП влияют еще и другие макроэкономические показатели.

С 2012 года Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ рассчитывает региональный инновационный индекс и формирует общий рейтинг инновационного развития регионов [6].

Общий рейтинг Белгородской области был сформирован на основании среднего значения по показателям следующих сфер экономики:

- социально-экономические условия инновационной деятельности - 59 место (в 2024 г. - 68);
- научно-технический потенциал - 5 место;
- инновационная деятельность - 18 место (в 2024 г. - 14);
- экспортная активность - 20 место (в 2024 г. - 29);
- качество инновационной политики - 48 место (в 2024 г. - 38).

Высокое место Белгородской области по научно-техническому потенциалу обусловлено результативностью исследований и []разработок, а также наличием высококвалифицированных кадров. Низкие показатели в сфере социально-экономических условий инновационной деятельности связаны с недостаточным развитием цифровых технологий и низкими макроэкономическими показателями. В целом за 2025 год регион улучшил свои позиции, поднявшись с 22-го на 19-е место в общем рейтинге инновационного развития.

На протяжении последних пяти лет регион располагался на позициях с 16-го по 22-е место, находясь во второй группе субъектов по российскому региональному инновационному индексу (РРИИ).

По индексу качества жизни, который разработала государственная корпорация «ВЭБ.РФ», город Белгород в 2025 году занял 64-е место (в 2024 г. — 76-е), получив максимальное количество баллов за экологию и транспортную доступность, а также минимальное количество за доступность социальных услуг и уровень социальной защиты населения [5].

Исходя из данных двух рейтингов, можно увидеть, что в 2025 году показатели как инновационного развития региона, так и качества жизни были улучшены по сравнению с 2024 годом. Этот факт подтверждает прямую зависимость между уровнем технологического прогресса и социальным благополучием населения.

Рассмотрим отдельно статистические показатели по уровню инновационного развития и качеству жизни.

К показателям инновационного развития были отнесены:

- численность исследователей и предприятий, занимавшихся научными разработками;
- уровень инновационной активности;
- удельный вес объема инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров.

Результаты динамики данных показателей можно увидеть на рисунке 2 и 3.

Рис. 2 Динамика численности исследователей и предприятий, занимавшихся научными разработками, в Белгородской области с 2020 по 2024 года.

Из рисунка 2 видно, что в 2024 году наблюдается спад общего количества предприятий и исследователей, занимающихся научными разработками в Белгородской области. В будущем это может привести к снижению уровня инновационной активности и удельного веса инновационных товаров, динамика которых изображена на рисунке 3.

Рис. 3 Динамика уровня инновационной активности и удельного веса объема инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров в Белгородской области с 2020 по 2024 года.

Из рисунка 3 видно, что значение инновационной активности остается стабильным и варьируется в пределах 15–18%. Удельный вес инновационных товаров в общем объеме отгруженной продукции также находится в диапазоне 10–14%.

К показателям качества жизни были отнесены:

- среднемесячная номинальная заработная плата;
- уровень безработицы;
- естественный прирост населения.

Динамику данных показателей Белгородской области можно увидеть на рисунке 4.

Рис. 4 Динамика показателей качества жизни в Белгородской области за 2021-2024 года. Источник: составлено автором на основании данных Белгородстата [7].

Из рисунка 4 видно, что по показателю среднемесячной

номинальной заработной платы наблюдается положительная динамика, что подтверждает улучшение условий труда населения Белгородской области. Кроме того, снижение уровня безработицы в 2024 году до 2,9% также положительно повлияло на качество жизни. Сложная ситуация сохраняется с естественным приростом населения: с 2022 года показатель остается отрицательным. Несмотря на наметившуюся ранее тенденцию к сокращению убыли, в 2024 году отрицательное значение вновь выросло и составило –11 758 человек.

Таким образом, можно сказать, что анализ показателей инновационного развития и качества жизни Белгородской области подтвердил их прямую зависимость.

Инновационное развитие региона положительно влияет на его инвестиционную привлекательность. Рост инвестиций способствует увеличению налоговых поступлений, от которых зависит реализация социальных программ. Безусловно, риски при внедрении инновационных продуктов существуют, однако положительный эффект от их использования превышает возможные негативные последствия.

При этом важно понимать, что существенное повышение уровня жизни возможно только при стимулировании всех составляющих инновационного развития (образования, инфраструктуры, технологий и знаний). Только комплексный подход к обновлению всех сфер региона может привести к качественному росту уровня жизни населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Головкин, И.А. Влияние распространения инноваций на качество жизни разных слоев населения. /И. А. Головкин// Инновации, технологии и бизнес. - 2024. - №1(15). - С. 23-27.

2. Денисова, Е.Д. Оптимизация управления муниципальными системами: инновационные решения для социально-экономического развития /Е.Д. Денисова// Актуальные проблемы экономики и менеджмента. - 2025. – №4(48). – С. 103-114. – EDN ENRNGC

3. Денисова, Е.Д. Многокритериальная оценка и приоритизация локальных инновационных проектов (методика на основе МАИ для максимизации экономического и социального эффекта) / Е.Д. Денисова// Молодежь и XXI век - 2026: Сборник научных статей 15-й Международной молодежной научной конференции. В 4-х томах, Курск, 19-20 февраля 2026 года. – Курск: ЗАО “Университетская книга”, 2026. – С. 157-160. – EDN XVIWPQ

4. Егоров, Н.Е. Оценка влияния инноваций на качество жизни Дальневосточного федерального округа./Н.Е. Егоров, И.А. Еременко,

С.Н. Павлова//Журнал монетарной экономики и менеджмента. - 2025. - №3. - С. 86-92.

5. Зеленков, Ю.А. Нечеткая регрессионная модель влияния технологий на уровень жизни. /Ю.А. Зеленков, Е.В. Лашкевич// Бизнес-информатика. - 2020. - №3(14). - С.67-81.

6. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ). – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.04.2026).

7. Развивай РФ. Белгород: [профиль города] //Развивай.рф : информационно-аналитическая система / ВЭБ.РФ. – URL: : <https://города.рф> (дата обращения: 18.04.2026 г.).

8. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации : [статистический сборник] / под редакцией Л. М. Гохберга ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Текст : электронный // НИУ ВШЭ : [сайт]. – URL: <https://www.hse.ru> (дата обращения: 18.04.2026).

9. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области : официальный сайт. – Белгород. – URL: <https://31.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 18.04.2026).

УДК 316.33:316.47

Чумура Лильяна Д.

Научный руководитель: Гридчин А.А., д-р социол. наук, проф.

Белгородский государственный технологический университет

им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия

ВОЛОНТЕРЫ – ВАЖНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

В последние несколько лет все чаще стали обсуждаться темы волонтеров и добровольцев как человеческого капитала. Особое внимание уделяется развитию навыков, социальной сплоченности и экономическому влиянию. Хотя традиционно волонтеры считались «неоплачиваемым трудом», современные исследования подчеркивают их ключевую роль в формировании человеческого капитала, который способствует долгосрочному социальному и экономическому развитию. Помимо того, что волонтеры являются важным человеческим капиталом, они также представляют собой очень важный социальный капитал. ОЭСР определила человеческий капитал как «знания, навыки,

компетенции и качества, воплощенные в человеке, которые позволяют создавать личное, социальное и экономическое благополучие» [8, с. 31], а социальный капитал — как «отношения, общие ценности и взаимопонимание в обществе, которые позволяют людям и группам доверять друг другу и действовать сообща» [8, 104]. Балина отмечает, что «в настоящее время человеческие ресурсы представляют собой совокупность не только профессиональных навыков, но и личных качеств человека, что приводит к повышению эффективности использования профессиональных способностей» [2], а Дейнека в человеческие ресурсы включает «совокупность различных качеств людей, определяющих их способность производить материальные и духовные блага и являющихся общим показателем развития общественного производства» [5]. В своей работе по структуре человеческого капитала Голева и Данакин [4] провели структурный анализ человеческого капитала организации. Они определили и описали «компоненты» человеческого капитала, включая: здоровье персонала, образование персонала, профессиональный опыт, инновационную культуру, профессиональную и трудовую мобильность, мотивацию, самоэффективность, социальное благополучие и рабочее настроение.

Социальный капитал определяется разными способами и подходами. Существуют подходы, которые рассматривают социальный капитал в рамках конструктивистского структурализма с марксистской точки зрения [1], как фактор экономического развития [11] или как набор ресурсов, доступных благодаря социальным отношениям [6]. Один из ключевых теоретиков концепции социального капитала Джеймс Коулман определяет социальный капитал как содержащийся в социальных отношениях ресурс, который облегчает действия индивидов внутри социальной структуры, описывая его как «способность людей работать вместе для достижения общих целей в группах и организациях» [10, с. 302]. Коулман выделяет несколько важных сегментов для понимания социального капитала: взаимные ожидания и доверие, нормы и санкции, обязательства и передача информации. Анализируя эти сегменты, волонтерскую деятельность в местном сообществе можно интерпретировать как проявление и наращивание социального капитала. Во-первых, когда есть доверие между членами сообщества, легче реализовывать коллективные действия, в том числе волонтерские инициативы. Волонтерство укрепляет взаимные связи в сообществе и создает сети доверия, через которые легче распределяется информация, ресурсы и помощь.

В своём исследовании молодёжного волонтерства в России Шаповалова [14] подчёркивает, что молодые люди, занимающиеся

волонтерской деятельностью, приобретают ценный опыт, навыки и социальные связи, которые повышают их шансы на трудоустройство и вклад в общество. Шаповалова утверждает, что социальная ценность волонтерской деятельности превосходит непосредственные экономические выгоды, способствуя долгосрочной сплоченности и устойчивости общества.

В этом контексте важно отметить мотивацию как основной фактор осуществления волонтерской деятельности. Голева и Данакин отметили, что «мотивация является важнейшей составляющей человеческого капитала, определяющей его функционирование и использование» [4], а Бакирова разделяет это мнение, говоря, что мотивация является «одним из решающих факторов успеха в управлении человеческими ресурсами» [3]. Голева и Данакин отмечают, что существует три основных направления профессиональной и трудовой мотивации: достижение, избегание и поддержание. В дальнейшем анализе они поясняют, что для понимания и характеристики мотивации людей как «составляющих» человеческого капитала организации большое значение имеют: 1) широта, т.е. существенное разнообразие мотивов, определяемое множественностью и многообразием текущих потребностей, а также 2) ориентация во времени, 3) стабильность, 4) ситуативность. Помимо этих четырех компонентов, Голева и Данакин анализируют еще один «компонент» человеческого капитала: самоэффективность сотрудников, их веру в собственные способности [4]. В своей работе Балина задается вопросом: «Как мотивировать людей работать хорошо и добросовестно, как повысить энергию подчиненных и направить ее на достижение целей организации?» [2]. Тот же вопрос мы можем задать, когда говорим о волонтерстве. Балина поясняет, что долгое время в психологии управления доминировали результативные подходы к изучению мотивации: человек работает, потому что хочет получить результат, а за это — вознаграждение, которое удовлетворит его потребности. Позднее американские ученые Р. Вудворт и А. Уайт доказали, что у людей есть и другие потребности, например, потребность в функционировании (видеть, слышать, чувствовать и т. д.). Эта потребность ведет к деятельности ради самого процесса действия, а не ради какого-то результата. И именно так через них развивается личность.

В местном контексте центры волонтеров играют ключевую роль, координируя усилия и гарантируя, что инициативы соответствуют потребностям сообщества [7]. Эти центры не только способствуют волонтерству, но и способствуют социальной интеграции, наращиванию потенциала и солидарности [12]. В 2007 году при

Молодёжном клубе Бачка-Паланка открылся Волонтерский центр, в котором особое внимание уделяется работе с детьми и людям с инвалидностью. Помимо многочисленных тренингов, которые предоставили волонтерам знания и навыки в области волонтерского менеджмента, важно, что с помощью волонтерской поддержки молодые люди, относящиеся к группе умственно отсталых лиц, получили возможность участвовать в творческих и образовательных программах, а также чувствовать себя принятыми в компании сверстников.

Кроме лиц с инвалидностью, в проектных мероприятиях участвовали 30 волонтеров, выполнявших роль персональных ассистентов, с территории Бачка-Паланки. В рамках проекта были организованы тестирование и психологическая оценка волонтеров, после чего состоялись тренинги для отобранных волонтеров. Затем проводились совместные образовательные мероприятия для волонтеров и пользователей услуг, определялись должностные обязанности, а также обязательства и ответственность. Были организованы посещения волонтерами семей людей с инвалидностью, а также подписаны соглашения об участии и защите данных участников. Для семей людей с инвалидностью, а также для широкой общественности, были проведены презентации и круглые столы на различные темы. Проект включал также ряд совместных мероприятий, таких как дружеские встречи и спортивные активности. По оценке участников программы, самым успешным и эффективным этапом обучения был практический опыт, где они могли делиться мнениями и сомнениями с другими, слышать опыт волонтеров, которые уже несколько лет занимаются этим делом, а также совместно с пользователями работать над планированием будущего сотрудничества. Таким образом, люди с инвалидностью, участвовавшие в проекте, выразили потребность [13]: гулять с волонтерами (100%), общаться (100%), посещать кафе, кондитерские, рестораны (100%), быть на природе (85%), посещать спортивные (65%) и культурные (45%) мероприятия, заниматься покупками (35%). Из анализа проектной документации следует, что родители/опекуны, чьи дети участвовали в проекте, оказали исключительную поддержку своими советами, предложениями и комментариями. «Мы также получили отзывы от семей людей с ограниченными возможностями о реакции пользователей после возвращения домой с мероприятий, организованных в рамках проекта. Пользователи услуг – люди с ограниченными возможностями – были в восторге, удовлетворены, довольны, потому что их приняли, у них была возможность общаться, выходить из дома, находиться среди других людей, делать определенные вещи самостоятельно или с помощью

помощника. Их родители также почувствовали удовлетворение, облегчение, они получили много новой информации и существенной поддержки, а также у них появилось больше времени для некоторых собственных дел и работы. Персональные помощники (волонтеры) преодолели некоторые предрассудки, которые у них были, встретили новых друзей, стали богаче и развили новые навыки» [13].

В современных подходах к анализу человеческого капитала всё большее внимание уделяется не только формальному образованию и профессиональной квалификации, но и широте приобретённых знаний и навыков, которые индивиды развивают через различные формы общественной активности, включая волонтёрскую деятельность [9]. Волонтёры, несмотря на то, что часто находятся вне институциональной системы образования и труда, вносят вклад в развитие как собственного, так и коллективного человеческого капитала благодаря практическому опыту, командной работе, решению проблем и коммуникативным навыкам. Их деятельность имеет и более широкое социальное значение, способствуя межпоколенческой солидарности, социальной сплочённости и инновационным формам участия в жизни сообщества. Именно поэтому волонтёры представляют собой ценный ресурс – не только как носители знаний и умений, но и как активные участники социальных преобразований. Их вклад следует рассматривать как важную часть совокупного человеческого и социального капитала региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York: Greenwood. — 1985.
2. Балина Т. Н. Использование человеческих ресурсов как конкурентного преимущества организации // Вестник ТИУиЭ. — 2017. — №1 (25).
3. Бакирова Г.Х. Психология развития и мотивации персонала: учебное пособие // М.: ЮНИТИ-ДАНА. — 2012. — 439 с.
4. Голева Т. В., Данакин Н. С. Структура человеческого капитала организации // Вестник ТГУ. — 2013. — №1 (117).
5. Дейнека А.В., Беспалько В.А. Управление человеческими ресурсами: учебник для бакалавров // М.: Изд-во «Дашков и К» — 2013.
6. Lin, N. Social capital // Cambridge: Cambridge University Press. — 2001.

7. Моисеев В. В., Колесникова Ю. С., Боженков С. А. Ключевые факторы формирования человеческого капитала России // Человеческий капитал. — 2022. — Т. 5-1. — № 161. — С. 128-136.

8. OECD. Ljudski kapital: Kako ono što znate oblikuje vaš život // Beograd: Ministarstvo prosvete Srbije. — 2007. — С. 152.

9. Третьякова Л. А., Бражникова Н. Б. Обзор методического инструментария оценки регионального человеческого капитала // Управление экономическими системами. — 2018. — № 2.

10. Coleman J. Social capital in the creation of human capital // The American Journal of Sociology. — 1988. — Т. 94. — С. 95-120.

11. Fukujama F. Sudar kultura // Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva. — 1997.

12. Пумура Љ. Омладински рад, активизам и достигнућа младих у Бачкој Паланци // Научни зборник. — 2020. — № 3. — С. 32-60.

13. Пумура, Љ. Значај програма помоћи и подршке за породице особа са инвалидитетом // Системи социјалне сигурности. — Нови Сад : Филозофски факултет. — 2016. — С. 263–282.

14. Шаповалова И. С. Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи // Регионология. — 2021. — Т. 29, № 4. — С. 902–932.

УДК 339.9

Шахин Г.Ю., Шамма В.

Научный руководитель: Куприянов С.В., д-р. экон. наук, проф.

***Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия***

ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ СО СТРАНАМИ ГЛОБАЛЬНОГО ВОСТОКА И ЮГА

Санкционная политика стран условного Запада явилась мощным импульсом для старта переориентации внешнеэкономической деятельности российских предприятий на новые рынки, преимущественно Азии, Ближнего Востока и Африки. [1] Такой радикальный разворот потребовал пересмотра системы управления международными экономическими связями и глубокого изучения специфики локальных рынков. Поставленные задачи осложняются неоднородностью нового торгового пространства, что требует индивидуального подхода к выбору стратегии сотрудничества.[2] Вследствие этого, методологически оправданным представляется

классифицировать рынки глобального Востока и Юга с целью дальнейшей разработки универсального механизма внешнеэкономического взаимодействия для конкретной региональной торговой площадки.

Набор классификационных критериев требует, в свою очередь, разгруппировать их на два отдельных класса: макроэкономические индикаторы и регуляторно-правовые условия (рис. 1).

Рис. 1 Классификационные критерии рынков глобального Востока и Юга

Учет указанных критериев позволил вычленить следующие рыночные сегменты в рамках переориентации внешнеэкономической деятельности российских предприятий: приоритетные, перспективные, нестабильные, резервные. В таблице 1 представлена приблизительная классификация рынков с учетом ведущих макроэкономических и геополитических факторов, а также сформулирована общая стратегия продвижения в данных регионах.

Таблица 1 – Классификация рынков глобального Юга и Востока

Группа	Макроэкономические индикаторы	Регуляторно-правовые условия	Стратегический курс	Пример
Приоритетная	Высокий уровень и темпы роста ВВП, стабильный курс, емкий рынок труда.	Союзники, члены БРИКС, ШОС, ЕАЭС	Прямые инвестиции, локализация производства, СП.	Китай, Беларусь Египет Узбекистан
Перспективная	Растущий ВВП, средний уровень ВВП	Нейтралитет средний санкционный	Анализ рисков, страхование инвестиций	Индонезия, Индия,

	по ППС, управляемая инфляция	риск, член АСЕАН, МЕРКОСУР		Катар, Вьетнам
Нестабильная	Низкий ВВП, нестабильность курса, высокая инфляция, безработица	Санкционные риски, неустойчивый режим	Аккредитивы, форвард контракты, предоплата, учет рисков	Пакистан Нигерия Эфиопия Алжир
Резерв	Дальние перспективы	Конфронтация, санкции	Мониторинг ситуации	Япония Южная Корея, Тайвань

Следует отметить, что данная классификация является во многом условной и может быть скорректирована с учетом меняющейся политической и экономической обстановки в мире. Другими словами, место в квалификации не является жестко фиксированным, поскольку смена режима в отдельно взятой стране может перевести ее из категории союзника в лагерь недружественных партнеров. Вместе с тем, такая сегментация будет действенным инструментом для определения стратегии построения внешнеэкономической политики. Анализ специфики рынков глобального Юга и Востока показал, что они обладают общими характеристиками, заключающимися в динамично растущем ВВП, высокими показателями рождаемости и темпов роста внутреннего спроса. [3]

Перспективы российских компаний на данных направлениях могут быть оценены с позиции структуры востребованной продукции в регионе, с учетом возможных рисков и на базе тщательного мониторинга актуального состояния политической и экономической среды. [4] В целом, наиболее перспективными отраслями в плане экспорта традиционно остаются ВПК, аграрно-промышленный комплекс, нефтехимический сектор и машиностроение. Таким образом, можно выдвинуть ряд общих рекомендаций относительно формата внешнеэкономической деятельности российских компаний на новых направлениях.

1. Активная рыночная экспансия с помощью локализации производства и организации совместных предприятий, особенно в приоритетных регионах.

2. Разработка адаптированного варианта продукции с учетом климатических, вкусовых, религиозных, культурологических, нормативно-правовых особенностей.

3. Постпродажное сопровождение товара (сервис, ремонт, обучение).

4. Диверсификация платежных инструментов в зависимости от степени финансового риска.

5. Разработка альтернативных логистических коридоров, подготовка инвестиционных проектов в локальную инфраструктуру.

6. Применение политики «мягкой силы», продвижение обучающих программ, организация отраслевых выставок.

7. Закрепление статуса надежного и сильного партнера в регионе.

Санкционная блокада сделала неизбежным смещение вектора внешнеэкономической политики российских предприятий. Вместе с тем, новое рыночное пространство не является однородным и требует диверсифицированного подхода к практике ведения бизнес-контактов. В этом случае, классификация рынков глобального Юга и Востока позволит более точно расставить нужные акценты в стратегической модели, разработанной для конкретной группы стран, учитывая глубину рисков, политический и административный бэкграунд, а также потенциальную заинтересованность в конкретной товарной номенклатуре.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ушкалова, Д.И. Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 218–226.

2. Иванов, А.А. Запреты и ограничения внешнеторговой деятельности в условиях санкций / А.А. Иванов, М.А. Глазков // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. – № 11-1 (93). – С. 152-154. – DOI 10.24412/2411-0450-2022-11-1-152-154.

3. Шахин, Г. Обзор общих внешнеэкономических характеристик России в современных условиях // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2024. № 2. С. 206-213.

4. Куприянов, С.В. Особенности организации и осуществления контроллинга внешнеэкономической деятельности современного предприятия /С.В. Куприянов, Ю.Н. Божков, М.В. Макус //Белгородский экономический вестник. – 2019. - №3. – с. 131-138.

Содержание

Liu Jingwen, Wang Haitian, Du Jingzeng

FEATURES OF SINO-RUSSIAN TRADE IN THE CURRENT
CONDITIONS OF DEVELOPMENT 3

Luo Shuyuan

PLATFORM INFRASTRUCTURE AND SPATIAL DEPRIVATION:
SOCIO-SPATIAL INEQUALITY IN THE FORMATION OF DIGITAL
NEIGHBORHOODS 9

Sun Qiying, Lou Zhenchong, Wang Dali

FEATURES OF INTERACTION BETWEEN CHINA AND RUSSIA
WITHIN THE FRAMEWORK OF THE INTERNATIONAL
ADVANCED DEVELOPMENT ZONE..... 12

Tan Xiangyu

INSTITUTION-TECHNOLOGY CO-CONSTRUCTION" IN DIGITAL
GOVERNANCE: A COMPARATIVE ANALYSIS BETWEEN CHINA
AND BELARUS..... 20

Wang Qiu hao, Rafalskaya E. V.

TRADE IN SERVICES BETWEEN CHINA AND RUSSIA: THEORY,
DEVELOPMENT STAGES, AND PROSPECTS FOR COOPERATION
..... 23

Zhang Yuanheng, Rafalskaya E. V.

MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN
SECURITIES MARKET..... 26

Абросимов Е.С.

АЭРОБНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ КАК СРЕДСТВО УКРЕПЛЕНИЯ
СЕРДЕЧНО СОСУДИСТОЙ СИСТЕМЫ 31

Алексеева К.А.

ЯЗЫК ФРАНЦУЗСКИХ СМИ В ОСВЕЩЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ
СОБЫТИЙ 34

Бараненко В.Э.

КУЛЬТ ЖИВОТНЫХ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ: РЕЛИГИОЗНЫЕ,
СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 39

Баранова П.Ю.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ.
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ
СИНГАПУРА, КИТАЯ И ОАЭ 42

Бедринцева А.С.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА В
УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ..... 46

Бениш А.О.

ФИЗИЧЕСКИЕ НАГРУЗКИ И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОРГАНИЗМ
ЧЕЛОВЕКА..... 49

Бердникова В.С.

ОБУЧЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОТРУДНИКОВ В ОБЛАСТИ
МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ .. 53

Берестовая Д.А.

АНТИИНФЛЯЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: КОНФЛИКТ
ЦЕЛЕЙ И ПАРАДОКС СТАВКИ..... 57

Биккинина Л.Р.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ СТРАН
КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА..... 62

Борисенко А.О.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРОГНОЗИРОВАНИИ
СПРОСА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ БИЗНЕСА 67

Верховникова Т.А.

ПРОБЛЕМА РЕГУЛЯЦИИ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО
СОСТОЯНИЯ КУРСАНТОВ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ
ОБУЧЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКОЙ... 72

Волобоева С.Ю.

ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ПЕРСОНАЛА КАК КЛЮЧЕВОЙ
АТРИБУТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
МАШИНОСТРОЕНИЯ..... 77

Воробей Н.В., Молчанов М.Ю., Никулин В.В.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ
БЕСПИЛОТНОЙ ТЕХНИКИ В ГОРНОЙ ОТРАСЛИ 80

Габдуллина И.Р.

РОЛЬ СЕТЕВЫХ МЕДИА В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ ГОРОДОВ-ПОБРАТИМОВ КАЗАНИ И
СТАМБУЛА..... 84

Габидуллина А.А.

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ КАК ФАКТОР ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО
ВЫБОРА 86

Галимова А.Д.

КАРТОГРАФИЧЕСКАЯ И ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР
КАК МЕХАНИЗМ ОТСТАИВАНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ
ИНТЕРЕСОВ..... 89

Глухова Я.А., Карпова В.Е.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АЛГОРИТМОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ
ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕКЛАМЫ..... 93

Горкина У.Р.

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА В СТРАНАХ
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ 97

Городова В.А.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РФ: БАРЬЕРЫ И ПОТЕНЦИАЛ 99

Державина А.Д.1, Курапова А.С., Курапов С.В.2

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИНТЕГРАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА В КУЛЬТУРНУЮ И МОЛОДЕЖНУЮ ПОЛИТИКУ
..... 104

Дорофеев К.Ю.

ПЛАН «ОСТ»: АРХИТЕКТУРА ГЕНОЦИДА..... 109

Дузинкевич Ю.А.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АУДИТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ	114
Дюндина В.П.	
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ КОМПАНИЕЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: МЕХАНИЗМЫ УСТОЙЧИВОСТИ.....	118
Жозеф Майеса	
ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА ГАИТИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ.....	123
Зарипова Ч.И.	
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЗЕЛЕНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В ТАТАРСТАНЕ И В РОССИИ.....	127
Захарова Е.А., Бесьяева В.А.	
«НЕУДОБНЫЕ МЕРТВЕЦЫ»: ИСТОРИЯ КЛАДБИЩ В СОВЕТСКОМ ГОРОДЕ (1918-1930-е).....	131
Канищев Д. В., Вдовина Ю. Н.	
ПАРАДОКС ВРЕМЕНИ В ФИЛОСОФИИ: МЕЖДУ ОНТОЛОГИЕЙ, СОЗНАНИЕМ И ПЕРЕЖИВАНИЕМ	136
Капитонова С.С.	
БИЗНЕС-ПРОЦЕССЫ АУТСОРСИНГА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АВИАПРЕДПРИЯТИЯ.....	140
Кириллова С.С., Юрченко П. А.	
ИННОВАЦИОННЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ УНИВЕРСИТЕТОВ	144
Кириченко Д.Е.	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ КРЕАТИВНЫХ ПРОЕКТОВ В СФЕРЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСКИХ ИСКУССТВ	149
Колесникова Е.Д.	
ИННОВАЦИИ КАК ОБЪЕКТ МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	153
Колногузова К.И.	

ЕДИНСТВО И РАЗЛИЧИЯ ПОНЯТИЙ «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» И «СПОРТ»	157
Комаревцева О.О.	
ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	160
Конде Д.	
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В ГВИНЕЮ: ОСНОВНЫЕ ИНВЕСТОРЫ И ПРОЕКТЫ.....	164
Курдюкова М.Д.	
ОПТИМИЗАЦИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ЗАТРАТ ВО ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ОПЕРАЦИЯХ.....	169
Лапкин М. А.	
КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	174
Маркина Е.С.	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫХ НОРМ И ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	179
Никулин В.В., Хохлов Д.О.	
ПРИНЦИПЫ ЦИРКУЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКИ В МАШИНОСТРОЕНИИ: СУЩНОСТЬ И БАРЬЕРЫ.....	184
Оспищева К.А.	
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДИК ОЦЕНКИ ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ.....	188
Пономарёва Э.А., Кудинова С.С.	
РОЛЬ ЭКСПЕРТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	191
Попкова В.А.	
РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА.....	195
Раковская-Самойлова А.Х.	

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭКОНОМЕТРИКА В ПРАКТИКЕ СТРАТЕГИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	200
Рафальская Е.В.	
ЭВОЛЮЦИЯ ПАРАДИГМ БАНКОВСКОГО МАРКЕТИНГА: ОТ ТРАНЗАКЦИОННОГО ПОДХОДА К ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЧНОСТИ И ESG-ПОВЕСТКЕ	203
Руссу А.Н.	
«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР» В ИННОВАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ	208
Рыжакова Д.Д.	
СМЫСЛ КОНФЛИКТА: РАЗРУШЕНИЕ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ РАЗВИТИЯ?.....	211
Салиль Дуня Яхья	
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ЙЕМЕНА)	216
Самсонова Е.А.	
СПЕЦИФИКА ИДЕНТИФИКАЦИИ И НЕЙТРАЛИЗАЦИИ НАЛОГОВЫХ РИСКОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ МАЛОГО БИЗНЕСА.....	221
Сегеда Н.А.	
МЕТОДЫ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ УГРОЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА.....	225
Семенова О.В.	
СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ РФ	229
Сильченко Д.В.	
АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НОВЫХ ВИДОВ АКТИВНОГО ОТДЫХА СТУДЕНТОВ.....	234
Смакотина П.С.	

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ ФОРМАХ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ	237
Ставский А.Ю.	
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИНЕЙКИ КОНСТРУКТОРОВ КОМПАНИИ LEGO И ИХ АНАЛОГОВ	241
Стаценко Ю.А.	
СРАВНЕНИЕ ПОДХОДОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОТЧЕТНОСТИ В РОССИИ, БЕЛАРУСИ И МСФО	245
Сторублевцева Т.С.	
ПРАВОВАЯ ПРОПАГАНДА КАК МЕТОД ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	250
Стоянович А.	
РОЛЬ КОРПОРАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ И ПЕРЕПОДГОТОВКИ КАДРОВ В СТРАТЕГИИ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЕМ	253
Стоянович Л.	
ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ МОТИВАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ	257
Тоталин В.С.	
НАЛОГОВЫЙ КОНСАЛТИНГ БИЗНЕС-ПРОЕКТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ СНИЖЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ РИСКОВ	261
Фостащенко А.О.	
РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ САМООБСЛУЖИВАНИЯ И УХОДА ЗА ОДЕЖДОЙ У ДЕТЕЙ С УМЕРЕННОЙ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ НА УРОКАХ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВОЙ ОРИЕНТИРОВКИ И РУЧНОГО ТРУДА: ОТ ИЗОЛИРОВАННОГО ДЕЙСТВИЯ К ТЕЛЕСНОЙ ПРИВЫЧКЕ	265
Халитов Р.Ф.	

ИНТЕГРАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ	270
Хохлов Д.О., Никулин В.В.	
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ДВОЙНИКОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ	272
Чеботарь А., Станкович А.	
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И КОРПОРАТИВНАЯ МОДА	276
Чекашкина В.С.	
ДОГОВОРНОЕ ПРАВО В СТРОИТЕЛЬСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ.....	283
Черкашина Е.Р, Денисова Е.Д.	
ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА И ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ).....	287
Чумура Лильяна Д.	
ВОЛОНТЕРЫ – ВАЖНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ.....	292
Шахин Г.Ю., Шамма В.	
ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ СО СТРАНАМИ ГЛОБАЛЬНОГО ВОСТОКА И ЮГА.....	297